

Цена свободная

Индекс 20149

Вестник ВГУ

Филология. Журналистика

№ 2 / 2017

ISSN 0234-5439
ISSN 1814-2958
Основан в 1993 г.

ВЕСТНИК

Воронежского Государственного Университета

серия

ФИЛОЛОГИЯ
ЖУРНАЛИСТИКА

№ 2 / 2017

ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., В. Н. Попов, д-р биол. наук, проф.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: Э. К. Алгазинов, д-р физ.-мат. наук, проф., В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. Д. Баев, д-р физ.-мат. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., Ю. Н. Стариков, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., В. И. Федотов, д-р геогр. наук, проф., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – Л. С. Щукина, канд. филол. наук, доц. Члены редколлегии: Геруля (Giegala) Мариан, д-р филол. наук, проф. (Институт политических наук и журналистики Силезского университета в г. Катовице, Польша); Л. Е. Кройчик, д-р филол. наук, проф.; А. М. Ломов, д-р филол. наук, проф.; А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); Т. А. Никонова, д-р филол. наук, проф.; В. Ф. Олешко, д-р филол. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); И. А. Стернин, д-р филол. наук, проф.; А. А. Тертыхный, д-р филол. наук, проф. (МГУ, г. Москва); А. М. Шестерина, д-р филол. наук, проф.; А. М. Шишлянникова, канд. филол. наук, доц.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Адрес редакции: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7(473) 266-17-56

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Барицкий Д. С.</i> МОТИВ ТОСКИ «О ХРИСТЕ» В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ».....	5
<i>Борисова И. З.</i> ОБРАЗ РОДСТВЕННИКОВ В ПОСЛОВИЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО, ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВ).....	11
<i>Гумерова Э. Ф., Мингазова Л. И.</i> ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТАТАРСКОЙ ДЕТСКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКОВ	14
<i>Доладова О. В.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ МЕЖУРОВНЕВОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ	18
<i>Жердева О. Н., Савочкина Е. А.</i> ФЕТ — ПЕРЕВОДЧИК НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ: СТИХОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	21
<i>Золотова Е. С.</i> СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ПРОГРАММЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЮОРГУ СРЕДИ ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ	26
<i>Кадымова А. А.</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИТОНИМОВ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	30
<i>Капишникова Е. Ю., Темкина В. Л.</i> МИФ, ОТ ИСТОКОВ К АВТОРСКОЙ МИФОЛОГИИ.....	33
<i>Конопелько И. П.</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО КОНТРАСТИВНОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОГО СЛОВАРЯ	39
<i>Конюхова А. С.</i> АРХЕТИПИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА.....	42
<i>Мельников Д. В. (Иеромонах Гавриил)</i> ТАЙНЫ ЧЕРНОВИКОВ СВ. ТИХОНА ЗАДОНСКОГО	47
<i>Переславцева Р. С.</i> ТЕМА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ В РАССКАЗАХ Г. П. БЕЛОРЕЦКОГО	53
<i>Рабеев С. К. Б.</i> ФИЛОСОФСКОЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПТА «АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА»	57
<i>Сальникова О. С.</i> ДИНАМИКА ОРФОГРАФИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ДЕТЕЙ 6-7 ЛЕТ.....	60
<i>Сатарова Л. Г., Стюфляева Н. В.</i> ЯЗЫК СИМВОЛОВ В РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»	63
<i>Динь Тхи Хонг Тхам, Чарыкова О. Н.</i> РУССКИЕ ГЛАГОЛЫ С ФОРМАНТОМ -СЯ В ЗЕРКАЛЕ ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКА	68
<i>Чвягина Т. В.</i> ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА.....	71
<i>Черепкова Н. М.</i> КОНТРАСТИВНЫЙ ДВУЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ: ПРИНЦИПЫ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛА	74
<i>Чьонг Тхи Фьонг Тхань</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕН ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»	77
<i>Шохина Е. В.</i> АКВАТИЧЕСКИЕ И СОЛЯРНЫЕ МОТИВЫ В ЛЕТНИХ ТЕКСТАХ РУССКИХ ПОЭТОВ НАЧАЛА XIX ВЕКА	81

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Кейта Кали</i> ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ФИНАНСИРОВАНИЕ СМИ В РЕСПУБЛИКЕ МАЛИ	85
<i>Коханова Л. А.</i> ТРЕНДЫ ЖУРНАЛИСТИКИ XXI ВЕКА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ В ОБУЧЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ЖУРНАЛИСТОВ ЭПОХИ ЦИФРОВИЗАЦИИ	89
<i>Крылова Н. В.</i> ПИСАТЕЛЬ-ЖУРНАЛИСТ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	92
<i>Марзан М. А.</i> РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ЯЗЫКЕ СМИ	96
<i>Мухин О. В.</i> ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНФОРМАЦИОННОЙ БОРЬБЫ НЕПРИЗНАННОЙ ИЧКЕРИИ С РОССИЕЙ В 1990-Е ГОДЫ	100
<i>Нгуен Минь Туан</i> ВОЙНА ВО ВЬЕТНАМЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ	103
<i>Новичихина М. Е.</i> ИЗ ОПЫТА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ОПИСАНИЯ ПОЛЕЗНОЙ МОДЕЛИ.....	106
<i>Пастухова Б. П.</i> ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУКИ: КОМПЕТЕНЦИИ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ.....	110
<i>Пивоварова М. И., Конопелько И. П.</i> «ПРЕКРАСНАЯ ЭПОХА» ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ	113
<i>Пром Н. А., Йованович Т. Г.</i> КОМБИНИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ЖАНРОВ ПЕЧАТНЫХ СМИ	116
<i>Ряжских Е. А.</i> ОБРАЗ «НАИВНОГО» НАРРАТОРА В ПЕЧАТНОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ.....	119
<i>Самойленко Н. С.</i> АССОЦИАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ НОМИНАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТА ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В СМИ.....	123
<i>Тертычный А. А.</i> СОВРЕМЕННАЯ РАССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЖУРАЛИСТИКА: ЖАНРОВАЯ СТРУКТУРА	126
<i>Фролов В. В. П. Н.</i> ДУБЕНСКИЙ — КОРРЕСПОНДЕНТ ВОЕННОГО ЖУРНАЛА «ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ С ЯПОНИЕЙ».....	132
<i>Чан Ван Ле</i> СМИ ВЬЕТНАМА КАК ФАКТОР ДИАЛОГА С МИРОВОЙ КУЛЬТУРОЙ.....	135
<i>Нгуен Тхи Хуен Чанг</i> ИМИДЖ ВЬЕТНАМА В АМЕРИКАНСКОМ КИНО (НА МАТЕРИАЛАХ ТРЕХ ИЗВЕСТНЫХ ФИЛЬМОВ)	139
<i>Тулупов В. В. Рецензия.</i> ВОЙТИК Е. А. «СПОРТИВНЫЙ МЕДИАТЕКСТ: ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ XVIII–XIX ВВ.)» (ТОМСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ТГУ, 2016).....	142
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	143

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2017. № 2. April — June

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Baritskii D. S.</i> THE MOTIVE OF THE LONGING «FOR CHRIST» IN I. S. TURGENEV'S NOVEL «FATHERS AND CHILDREN»	5
<i>Borisova I. Z.</i> THE IMAGE OF THE FAMILY IN PROVERBIAL PICTURE OF THE WORLD (RUSSIAN, YAKUT LANGUAGE)	11
<i>Gumerova E. F. Mingazova L. I.</i> FOLKLORE TRADITIONS IN TATAR CHILDREN'S PROSE OF THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES	14
<i>Doladova O. V.</i> LINGUISTIC UNITS OF INTER-LEVEL LOCALIZATION	18
<i>Zherdeva O. N., Savochkina E. A.</i> FET — TRANSLATOR OF GERMAN POETRY: PROSODIC ANALYSES	21
<i>Zolotova E. S.</i> SPECIAL LEXICON OF SOUTH URAL STATE UNIVERSITY'S PROGRAMME FOR THE ENHANCEMENT OF COMPETITIVENESS AMONG GLOBAL SCIENCE AND EDUCATION CENTRES IN POPULAR SCIENCE MEDIA TEXTS	26
<i>Kadymova A. A.</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF PHYTONYMS IN AZERBAIJANI AND RUSSIAN LANGUAGES	30
<i>Kapishnikova E. Y., Temkina V. L.</i> MYTH, FROM THE ORIGINS TO THE AUTHOR'S MYTHOLOGY	33
<i>Konopelko I. P.</i> PECULIARITIES OF DEVELOPING A RUSSIAN-FRENCH CONTRASTIVE DIFFERENTIATING DICTIONARY	39
<i>Konyukhova, A. S.</i> ARCHETYPAL THEMES IN THE WORKS OF V. A. NIKIFOROV-VOLGIN	42
<i>Melnikov D. V. (Hieromonk Gabriel).</i> SECRETS OF DRAFTS BY ST. TIKHON ZODONSKY	47
<i>Pereslavl'tseva R. S.</i> THEME OF THE RUSSIAN-JAPANESE WAR IN THE STORIES OF G. P. BELORETSKY	53
<i>Rabeeakh S. K. B.</i> PHILOSOPHIC AND LINGUISTIC MEANING OF THE «AMERICAN DREAM» CONCEPT	57
<i>Salnikova O. S.</i> DYNAMICS OF THE SPELLING STRATEGIES OF CHILDREN 6-7 YEARS	60
<i>Satarova L. G., Styuflyayeva N. V.</i> THE LANGUAGE OF SYMBOLS IN M. A. SHOLOKHOV'S NOVEL «VIRGIN SOIL UPTURNED»	63
<i>DinThi Huong Tham, Charykova O. N.</i> RUSSIAN VERBS WITH THE FORMANT -СЯ IN THE MIRROR OF THE VIETNAMESE LANGUAGE	68
<i>Chvyagina T. V.</i> RUSSIAN ECOLOGICAL VOCABULARY	71
<i>Cherepkova N. M.</i> CONTRASTIVE BILINGUAL DICTIONARY: PRINCIPLES OF PRESENTATION OF MATERIAL	74
<i>Truong Thi Phuong Thanh.</i> SEMANTICS OF THE NAMES OF CHARACTERS IN THE NOVEL «KOTLOVAN» BY A. PLATONOV	77
<i>Shohina E. V.</i> AQUATIC AND SOLAR MOTIFS IN THE SUMMER TEXTS OF RUSSIAN POETS OF THE EARLY 19TH CENTURY	81

JOURNALISM

<i>Keita Kali</i> . LEGISLATION AND FUNDING MEDIA IN THE REPUBLIC OF MALI.....	85
<i>Kokhanova L. A.</i> TRENDS OF JOURNALISM OF THE XXI CENTURY AS A RESEARCH PROJECT IN THE TEACHING OF MODERN JOURNALISTS OF THE ERA OF DIGITALIZATION.....	89
<i>Krylova N. V.</i> A WRITER-JOURNALIST IN THE RUSSIAN INFORMATION SPACE: HISTORICAL ASPECT.....	92
<i>Marzan M. A.</i> VERBAL AGGRESSION IN MEDIA.....	96
<i>Mukhin O. V.</i> GENERAL CHARACTERISTICS OF THE INFORMATION WARFARE BETWEEN ICHKERIA AND RUSSIA IN THE 1990S.....	100
<i>Nguyen Minh Tuan</i> . THE WAR IN VIETNAM AND PUBLIC OPINION.....	103
<i>Novichihina M. E.</i> FROM THE EXPERIENCE OF USEFUL MODEL'S EXPERT EXAMINATION.....	106
<i>Pastukhova B. P.</i> POPULARIZATION OF SCIENCE: THE SCIENTIFIC COMPETENCE OF JOURNALISTS.....	110
<i>Pivovarova M. I., Konopelko I. P.</i> THE «BELLE EPOQUE» IN FRENCH NEWSPAPER ADVERTISEMENTS.....	113
<i>Prom N. A., Yovanovich T. G.</i> A COMBINED MODEL OF GENRES IN PRINT MEDIA.....	116
<i>Ryazhskikh E. A.</i> THE IMAGE OF THE «NAIVE» NARRATOR IN THE PRINT ADVERTISING TEXT.....	119
<i>Samoilenko N. S.</i> THE WAYS THE NOMINATION HELPS MASS MEDIA TO MANIPULATE PUBLIC OPINION AND USAGE OF ASSOCIATION EXPERIMENT TO REVEAL THE EFFICIENCY OF THIS PROCESS.....	123
<i>Tertychnyy A. A.</i> MODERN INVESTIGATIVE URALISTICA: GENRE STRUCTURE.....	126
<i>Frolov V. V. P. N.</i> DUBENSKY – THE MILITARY CORRESPONDENT OF THE MAGAZINE «CHRONICLE OF WAR WITH JAPAN».....	132
<i>Tran Van Le</i> . MEDIA OF VIETNAM AS A FACTOR OF DIALOGUE WITH THE WORLD CULTURE.....	135
<i>Nguyen Thi Huyen Chang</i> . THE IMAGE OF VIETNAM IN AMERICAN CINEMA (ON THE MATERIALS OF THREE WELL-KNOWN MOVIES).....	139
<i>Tulupov V. V. Review.</i> AKHMADULIN EVGENY V., VARA TAREK BASSAM. THE SYSTEM OF THE ARAB JOURNALISM (XIX — THE BEGINNING OF XXI CENTURY).....	142
SUBMISSION GUIDELINES.....	143

МОТИВ ТОСКИ «О ХРИСТЕ» В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Д. С. Барицкий

Московская духовная академия

Поступила в редакцию 27 сентября 2016 г.

Аннотация: автор статьи придерживается мнения, согласно которому в основе творчества И. С. Тургенева лежат христианские архетипы. Это предположение позволяет говорить о существовании в романе «Отцы и дети» религиозной проблематики. С особой силой она проявляется себя в одном из центральных мотивов творчества И. С. Тургенева — мотиве тоски. Внимание автора статьи сосредоточено на главном персонаже романа, Евгении Базарове. В его образе ощущается неудовлетворенность отсутствием полноценного общения с трансцендентным, вечным, личным началом, которое могло бы наполнить смыслом как его деятельность, так и само существование. На наш взгляд, этот отрицательный опыт имеет религиозные основания и на языке христианской традиции может быть определен как тоска «о Христе». Анализируется сюжетная динамика образа героя, а также те художественные детали, которые явно свидетельствуют о наличии в произведении И. С. Тургенева религиозной перспективы.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, «Отцы и дети», Евгений Базаров, мотив тоски, тоска о Христе, уныние, смысл жизни.

Abstract: the author of the article states that in the basis of creativity of I.S. Turgenev are Christian archetypes. This assumption allows to speak about existence religious problematic in the novel «Fathers and children». With particular force, it manifests itself in one of the Central motives of creativity of I. S. Turgenev — the motive of longing. The attention of the author of the article is focused on the main character of the novel, Eugene Bazarov. In his image there is dissatisfaction with the lack of full communication with the transcendent, eternal, personal beginning, which could give meaning to his activity and existence. In our opinion, this negative experience has a religious base, and in the language of the Christian tradition can be defined as a longing, “of Christ.” The dynamic of the character is examined, as well as those artistic details that clearly indicate the presence in the work of I.S. Turgenev religious perspective.

Keywords: I. S. Turgenev, «Fathers and children», Eugene Bazarov, motive of the longing, longing for Christ, depression, the meaning of life

Долгое время в отечественном литературоведении роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» воспринимался как произведение, которое в первую очередь поднимает проблемы социального характера. Начиная с М. А. Антоновича и Д. И. Писарева, дореволюционные, а вслед за ними и советские исследователи, говоря о центральном конфликте романа, говорили о социально-классовом противостоянии: роман «Отцы и дети» — о столкновении двух идеологий, идеологии «отцов», консервативно и даже ретроградно настроенной части дворянства, и идеологии «детей», нарождающегося революционно-демократического движения.

Действительно, отрицать наличие в произведении социальной проблематики, а также то, что именно она выходит на первый план, было бы странно. Тем более, что сам И. С. Тургенев в своем письме к К. К. Случевскому пишет: «Вся моя повесть направ-

лена против дворянства как передового класса» [1, 58]. И все же сводить все содержание романа единственно к тому, что называется, «на злобу дня», означало бы обеднять его, лишая той вневременной и внепространственной перспективы, которая является непременным атрибутом любого классического произведения.

Впервые со всей ясностью об этом заявил Н. Н. Страхов, а после него, так или иначе, повторяли и многие представители отечественного литературоведения. Все они выступали против того, чтобы ограничивать сферу проблематики «Отцов и детей» исключительно вопросами социально-исторического характера, отмечая при этом, что «конфликт поколений в «Отцах и детях» с поверхности текста переходит во внутренние, глубинные пласты, в сферы нетекстовые. За внешней сюжетной основой встают вопросы религиозно-философские, и главный из них — о сокровенном смысле жизни» [2, 190].

Это не означает, что мы готовы причислить Тургенева к разряду религиозных авторов, таких, как,

например, Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский. Однако мы вполне разделяем мысль, согласно которой «христианское мироощущение к девятнадцатому веку «оказывается усвоенным сознанием русского человека настолько, что начинает уже «работать» и на подсознательном уровне. Христианские мотивы, их комбинации, переходят на уровень архетипов, то есть наделяются свойством вездесущности, приобретают характер устойчивых психических схем, бессознательно воспроизводимых и обретающих содержание в художественном творчестве» [3, 175].

Если посмотреть на роман под этим углом, очевидно, что основной движущей силой его сюжета становится тот конфликт, который разворачивается в душе главного героя. На наш взгляд, со всей силой он проявляет себя в той тоске, которой одержим Базаров и которую на языке христианской традиции можно было бы определить как «тоску о Христе».

Отправной точкой наших рассуждений может стать фраза из письма И. С. Тургенева к К. К. Случевскому — «До сих пор Базарова совершенно поняли, т. е. поняли мои намерения, только два человека — Достоевский и Боткин» [1, 59]. О том, что сказал по поводу Базарова В. П. Боткин, неизвестно. Однако мы знаем, какую оценку давал ему Ф. М. Достоевский. В очерке «Зимние заметки о летних впечатлениях» он писал о реакции критики «Современника», и иже с ними, в адрес И. С. Тургенева и его романа: «Ну и досталось же ему за Базарова, беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» [4, 59].

Достоевский подметил очень верно: сюжет романа построен таким образом, что мы видим, как вроде бы практичным, рациональным, лишенным всяких лишних эмоций нигилистом постепенно овладевает беспокойство, которое в итоге превращается во всепоглощающую тоску.

Первые явные признаки внутренних метаний мы замечаем во время посещения Евгением и Аркадием дома Одинцовой. «В Базарове, к которому Анна Сергеевна очевидно благоволила, хотя редко с ним соглашалась, стала проявляться небывалая прежде тревога: он легко раздражался, говорил нехотя, глядел сердито и не мог усидеть на месте, словно что его подмывало» [5, 86]. Удивляясь самому себе, герой начинает сомневаться в том, что еще вчера принимал без сомнений. Так, например, только недавно рассуждая о том, что люди отличаются друг от друга не более, чем деревья, он заявляет Одинцовой: «Может быть, вы правы; может быть, точно, всякий человек — загадка» [5, 91]. После разрыва с Анной Сергеевной это состояние усиливается. Видимо, именно попытки его преодолеть и приводят Базарова, вопреки всем его убеждениям, к такому легкомысленному увлечению Фенечкой. Как мы помним, это не заканчивается для Евгения ничем хорошим. Он продолжает испытывать душевные муки. Воз-

вращаясь домой к родителям, Базаров пытается забыть в работе, но и это не помогает: «лихорадка работы с него соскочила и заменилась тоскливой скукой и глухим беспокойством. Странная усталость замечалась во всех его движениях, даже походка его, твердая и стремительно смелая, изменилась» [5, 171].

Параллельно с этой все усиливающейся тоской в Базарове развивается другое чувство. Его мучит злоба, которую не могут заглушить даже общение с любящими родными или же воспоминания безмятежного детства. Лежа вечером в кровати, он не может заснуть: «Широко раскрыв глаза, он злобно глядел в темноту: воспоминания детства не имели власти над ним» [5, 113]. Со всей очевидностью и силой это состояние души главного героя проявляется в сцене на сеновале. После его знаменитого монолога об ощущении одиночества между ним и Аркадием происходит сцена: «...что подеремся? — подхватил Базаров... — Но ты со мной не сладишь. Я тебя сейчас схвачу за горло... Базаров растопырил свои длинные и жесткие пальцы... Аркадий повернулся и приготовился, как бы шутя, сопротивляться... Но лицо его друга показалось ему таким зловещим, такая нешуточная угроза почудилась ему в кривой усмешке его губ, в загоревшихся глазах, что он почувствовал невольную робость...» [5, 122–123].

Как мы помним, повествование романа заканчивается смертью героя. Безусловно, такой финал является своеобразным апофеозом душевного состояния Базарова.

На причину своей тоски и злобы Базаров с горечью намекает Аркадию: «Видишь, что я делаю: в чемодане оказалось пустое место, и я кладу туда сено; так и в жизненном нашем чемодане; чем бы его ни набили, лишь бы пустоты не было» [5, 169]. Вот что мучит Базарова, — сердечная пустота. В чем же ее причина?

Первое, что приходит на ум, — неудачный роман. Душа требует любви, тянется к другому человеку, но получить желаемого не может. Еще убедительней звучит предположение о том, что Базаров не может реализовать себя на поприще служения народу, ведь, как сам он замечает, лежа на смертном одре: «Я нужен России... Нет, видно не нужен» [5, 183]. Иными словами, герой ощущает себя «лишним человеком». Безусловно, все это немаловажные факторы и они сыграли значимую роль в судьбе героя. Однако, если присмотреться, можно увидеть, что все же не они являются определяющими в его трагедии. Тоска Базарова уходит своими корнями много глубже.

Намек на внутреннюю неудовлетворенность героя мы можем смутно ощутить уже в самом начале произведения, еще до встречи с Одинцовой. Уже при первом знакомстве становится очевидным, что в Базарове живет какое-то страстное желание овладеть всяким внешним объектом, взять его под кон-

троль своих ощущений и мысли. Именно отсюда его любовь к естественным наукам, стремление рассечь, разложить, выяснить, как все устроено. Именно отсюда его вульгарно физиологические объяснения всего происходящего вокруг, объяснения, из которых вытравлено все, что невозможно описать, объяснить, ощупать инструментом, руками или своим умом. Базаров словно находится в постоянном стремлении найти в этой жизни нечто надежное, гарантированно стабильное. Поэтому он резко отрицательно относится ко всякому знанию, которое основывается не на проверяемых опытом данных, а на субъективных переживаниях и оценках; «не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип» [5, 25]. Его не удовлетворяют ни слова, ни философия, ни политические декларации. Ведь все это в каком-то смысле субъективно, непредсказуемо, неконтролируемо, а потому эфемерно и ненадежно. Из спора с Павлом Петровичем Кирсановым становится очевидным, что все это он испробовал и не получил ожидаемого результата [5, 50–51]. Потому Базаров и осуществляет свой поиск при помощи, как ему кажется, весьма эффективного инструмента, имя которому всеотрицание. Этот нигилизм пронизывает все сферы жизни героя. При его помощи Базаров словно отсекает все ненужное, чтобы обрести главное, — а именно то, что можно положить в основу своей жизни, что, наконец, сможет дать ему удовлетворение.

Очевидно, что какое-то время нигилизм помогает Базарову весьма эффективно действовать и контролировать то, что происходит в нем самом и вне его. Это до некоторой степени удовлетворяет ту жажду, которая живет в герое. Однако Тургенев показывает нам именно тот момент, когда «дважды два четыре» просто перестает работать в жизни Евгения. Именно Одинцова становится тем пробным камнем, который обнаруживает всю несостоятельность базаровского нигилизма. Оказывается, что при его помощи нельзя познать истинные основания жизни. Она много глубже, чем просто ее материальные проявления. Есть в ней нечто, что нельзя контролировать ни при помощи чувств, ни при помощи мысли. Именно отношения с Одинцовой заставили Базарова со всей силой ощутить это. С одной стороны, они пробудили в нем жажду чего-то большего, неуловимого. С другой — обнаружили ту глубокую неудовлетворенность, ту гложущую его душу тоску, которая до сих пор незаметно разрасталась в нем и которую он своим нигилизмом и своей активной деятельностью пытался заглушить. Со всей силой это становится очевидным в сцене признания. Именно в этот момент со всей силой обнаруживается душевное состояние героя. «Он задыхался; все тело его видимо трепетало. Но это было не трепетание юношеской робости, не сладкий ужас первого признания овладел им: это страсть в нем билась, сильная

и тяжелая — страсть, похожая на злобу и, быть может, сродни ей...» [5, 98]. Позже, оставшись одна и вспоминая события вечера, Одинцова еще раз с ужасом переживает то, что ей открылось в Базарове: «...Она скорее чувствовала себя виноватою. Под влиянием различных смутных чувств... она заставила себя дойти до известной черты, заставила себя заглянуть за нее — и увидела за ней даже не бездну, а пустоту... или безобразие» [5, 99].

Именно с этого момента почва уходит из-под ног Базарова, он начинает постепенно угасать. Выражаясь языком Тургенева, из активного и деятельного Дон Кихота, которому было понятно все и вся, который мог применить свой потенциал, в том числе и на поприще служения народу, он постепенно превращается в пассивного Гамлета. Все сильнее Базаров начинает понимать тщетность всех своих усилий, основанных на весьма непрочных основаниях. Об этом ярко свидетельствуют те диалоги, которые происходят между ним и Аркадием. В них сквозит неподдельное равнодушие ко всему происходящему вокруг. И если взглядеться в них, через это равнодушие проглядывается единственный вопрос, который на самом деле и волнует героя: «А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет... да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну, а дальше?» [5, 120–121]. Вот что на самом деле тревожит Базарова. Что дальше? Базаров не видит и не ощущает смысла, который бы оправдал все то, что он делает.

Еще сильнее это экзистенциальное, поистине космическое измерение тоски героя чувствуется в следующих словах: «Я вот лежу здесь под стогом... Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет... А в этом атоме, в этой математической точке кровь обращается, мозг работает, чего-то хочет тоже... Что за безобразие! Что за пустяки! ...я чувствую только скуку да злость» [5, 119].

Сердце Базарова жаждет личной встречи с вечным смыслом, с Богом, в результате которой все обретает осмысленность: отношения с людьми, служение ближнему, собственная внутренняя жизнь, природа. Но вместо этого на него давит безликий и безразличный космос. У Базарова нет личного знания Истины. А потому на вопрос Аркадия «Да правда-то где, на какой стороне?» — он отвечает: «Где? Я тебе отвечу как эхо: где?» Это очень напоминает ответ скептика Пилата Христу: «что есть истина?» Отсюда и ощущение пустоты, а как следствие — тотальная, всепоглощающая тоска, злоба и бездействие. На языке христианской аскетики все

это есть ничто как уныние.

Как это ни парадоксально, именно эта тоска и это всепоглощающее ощущение пустоты есть признак великого сердца Базарова, о котором упоминал Достоевский. Вряд ли подобным недугом будут когда-нибудь мучиться Кукшина или Ситников, эти «продолжатели дела Базарова». Слишком мелкие натуры. У Базарова все иначе. Его сердце так глубоко, что его не могут заполнить ни нигилизм, ни любовь к женщине, ни работа на благо общества. Он хочет жить по-настоящему, жить всей полной жизни, а потому и не может полностью удовлетвориться ничем иным, кроме вечного, непреходящего.

На то, что тоска Базарова уходит своими корнями в сферу религиозного, мы встречаем в произведении немало намеков. Первый — уже в самом начале романа. Аркадий рассказывает товарищу историю своего дяди Павла Петровича Кирсанова, в судьбе которого роковую роль сыграла княгиня Р... (Нелли). В молодости Павел Петрович был безумно влюблен в нее. Это была странная особа, которая «с увлечением предавалась всякого рода удовольствиям, танцевала до упаду, хохотала и шутила с молодыми людьми... а по ночам плакала и молилась, не находила нигде покою и часто до самого утра металась по комнате, тоскливо ломая руки, или сидела, вся бледная и холодная, над псалтырем... Что гнездилось в этой душе — Бог весть! Казалось, она находилась во власти каких-то тайных, для нее самой неведомых сил; они играли ею, как хотели...» [5, 31]. Перед разрывом отношений Кирсанов дарит ей кольцо с изображением сфинкса. Это кольцо княгиня Р... возвращает ему перед своей смертью. «Она провела по сфинксу крестообразную черту и велела ему сказать, что крест — вот разгадка» [5, 32]. Очевидно, что рассказ об отношениях Кирсанова и Нелли вводится автором не случайно. Это некая прелюдия к той трагедии, которая развернется на страницах произведения. В общих чертах судьба княгини напоминает судьбу Базарова. Та же непонятная тоска, то же влияние на людей, та же смерть в молодом возрасте. Можно предположить, что перед нами двойник героя, который дает ключ к разгадке тайны личности Базарова. Вряд ли, конечно, Тургенев мыслит крест, прочерченный на сфинксе (загадке), в строго христианском смысле. Однако на уровне архетипов это вполне допустимо. Тогда можно представить себе Базарова Эдипом, который разгадывает загадку сфинкса-жизни и в конце концов находит разгадку: покой и примирение через крест, то есть через страдание и смерть.

Еще один эпизод, который также можно рассматривать как намек на причину тоски главного героя, — разговор, произошедший между Евгением и Аркадием по дороге к Одинцовой. «Поздравь меня, — воскликнул вдруг Базаров, — сегодня 22-е июня, день моего ангела. Посмотрим, как-то он обо

мне печется» [5, 75]. Несмотря на то, что в устах Базарова чувствуется ирония, вызов, его замечание — яркое свидетельство того, что произошедшее с ним у Одинцовой не случайность. Как мы помним, именно здесь терпит крах его нигилизм — в душе просыпается беспокойство и тоска. Возможно, это и вся дальнейшая судьба героя и есть ответ святого на его вызов. Небесный покровитель Базарова — священномученик Евсевий Самосатский. В своей статье Ю. В. Лебедев указывает на очевидные параллели в судьбах героя и его небесного покровителя [5, 201]. Мученик Евсевий был человек образованный и боролся с невежеством ереси Ария. Обходил города в одежде воина, как Евгений в одежде лекаря — деревни, и погиб от руки женщины-арианки, как Евгений, в судьбе которого роковая последовательность событий, приведших его к смерти, началась с женщины, Одинцовой. Как и мученик Евсевий, который простил свою убийцу, Базаров примиряется со всеми на смертном одре. Не является ли все это тем самым попечением и заботой неба о судьбе Евгения? Кстати, важно, что и в конце романа, когда Одинцова приезжает к умирающему Базарову, отец героя кричит: «Жив еще, жив мой Евгений и теперь будет спасен! Жена! жена!... К нам ангел с неба...» [5, 181]. Для Базарова Одинцова — посланница неба, ведь именно с нее началось возвращение Евгения, не побоимся сказать, к Богу. Как замечали исследователи, само имя ее, которое с еврейского языка переводится как «благодать», приобретает в этом контексте символическое значение [7, 184–185].

В этом контексте важное значение приобретает описание имени Одинцовой: «Усадьба, в которой жила Анна Сергеевна, стояла на пологом открытом холме, в недалеком расстоянии от желтой каменной церкви с зеленою крышей, белыми колоннами и живописью *al fresco* над главным входом, представлявшею «Воскресение Христово» в «итальянском» вкусе. Особенно замечателен своими округленными контурами был распростертый на первом плане смуглый воин в шишаке... Господский дом был построен в одном стиле с церковью...» [5, 75–76]. Слава Христа и пораженный этой славой языческий солдат — вот что бросается в глаза. Может ли быть эта деталь случайной? Может быть, именно слава Христа поманила нигилиста Базарова, разбудив в нем тоску по вечному смыслу?

Но почему же тогда все заканчивается так печально? Почему Тургенев не показывает нам преодоления кризиса, обновления героя? Многие исследователи романа дают однозначный ответ: в той России, в которой жил Базаров, он еще никому не был нужен, а потому и в жизни ему места нет. Безусловно, в этом есть большая доля правды. Однако, опять же, нельзя упускать из виду уровень экзистенциальный.

Трагедия Базарова — трагедия человека, обладающего могучей натурой. Жизнь его души богата

и разнообразна в той же мере, в какой силен и проныцателен его ум. Но проблема в том, что нигилизм Базарова стал своеобразной интеллектуальной уздой, которая держала под контролем всякое движение его сердца, не только низкое, но и возвышенное, святое. Он так измучил себя всеотрицанием, выработал в себе к этому такой глубокий навык, что возможности исцеления здесь, еще при этой жизни, нет никакой. Нигилизм Базарова намертво въелся в его натуру. Одна ее часть и рада бы от него избавиться, да не может. Ведь у Базарова все глубоко, по-настоящему. Отсюда и страдания. Сердце хочет любви, любви, которая бы коренилась в вечности, а натренированный рассудок его одергивает. В этом смысле показателен диалог Базарова с Аркадием: «Что ж? и честность — ощущение? — Еще бы! — Евгений! — начал печальным голосом Аркадий. — А? что? не по вкусу? — перебил Базаров. — Нет, брат! Решился все косить — валяй и себя по ногам!» [5, 121]. Каждый раз, когда Базаров тянется к человеку, к Богу, он вынужден «бить себя по ногам». И этот внутренний разлад будет только усугубляться, а потому герой просто обречен на душевные терзания.

У христианских богословов есть замечательная мысль: порой смерть не наказание Божие, а скорее милость. Это избавление от греха, который мучает человека и обрекает его влачить жалкое унылое существование. Во многих случаях для них этот момент перехода становится очищением, моментом примирения и с самим собой, и с людьми, и с Богом, момент долгожданного избавления, катарсиса.

Безусловно, именно этот архетип находится в основе творческого решения Тургенева относительно судьбы Евгения. Его метания по жизни, его тоска — путь и подготовка к окончательному очищению и примирению. Чем ближе к смерти, тем сильнее смягчается герой. В качестве примера можно привести сцену последней беседы отца и сына: «Евгений! — произнес он наконец, — сын мой, дорогой мой, милый сын! ... — Что, мой отец?» [5, 180]. Это уже не тот циничный Базаров. В его словах чувствуется не сарказм, не скепсис, но высокие, библейские интонации. В его образе начинает проступать что-то качественно новое.

Все разрешается окончательно в смерти героя. Базаров, хоть и отказывается от Причастия, но все же не категорично, возможно, надеясь на выздоровление. «Нет, я подожду, — перебил Базаров. — Я согласен с тобою, что наступил кризис. А если мы с тобой ошиблись, что ж! ведь и беспмятных причащают» [5, 180]. Очевидно, что его можно понимать и так, что он дает согласие на то, чтобы его могли причастить и в беспмятном состоянии.

О том, что в душе главного героя происходят коренные изменения, может свидетельствовать и один из самых важных эпизодов романа — эпизод

соборования. «Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице» [5, 183]. То, что Базаров не смог сделать своими собственными силами, помогла сделать смерть. Только в ее горниле герой смог испытать потрясение, способное преодолеть разлад, который пустил в его душе такие глубокие корни. Отпечаток на лице Базарова, который так напомнил ужас, можно понимать именно как указание на это потрясение. Это кульминация мучительного обновления, преодоление ветхого человека новым перед лицом вечности.

Для Базарова смерть послужила к исцелению, примирению с самим собой и окружающими, удовлетворению той глубокой тоски, которая мучила его на протяжении жизни. О том, что Тургенев мыслил его смерть именно так, со всей очевидностью свидетельствуют последние строки романа. Старик-родители приходят на могилку сына помолиться об упокоении его души. «Неужели их молитвы и слезы бесплодны? — пишет Тургенев, — Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии «равнодушной» природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» [5, 187].

Можно сколько угодно спорить об уместности тех или иных интерпретаций при работе с сочинением Тургенева. Однако очевидно, что роман «Отцы и дети», как подлинное произведение мировой классики, может и должен быть прочитан не просто как история о противостоянии дворянского и разночинного сословий, но в первую очередь как история человеческой души, которая тоскует о Боге, и в итоге, пусть и не в этой жизни, но все же обретает мир и вечный покой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.: Письма в 18 т. / И. С. Тургенев. — М. : Наука. Т. 5. 1988. — 640 с.
2. Новикова-Строгонова А. А. Христианский мир И. С. Тургенева / А. А. Новикова-Строгонова. — Рязань : Зерна-Слово, 2015. — 336 с.
3. Кобышев Е. М. Христианские мотивы в творчестве Тургенева / Е. М. Кобышев // Ученые записки Орловского государственного университета. — Орел. — 2008. — №1. — С. 175–186.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Л. : Наука. Т. 5. 1973. — 405 с.
5. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем

в 30 т.: Сочинения в 12 т. / И. С. Тургенев. — М. : Наука. Т. 7. 1981. — 560 с.

6. Лебедев Ю. В. По поводу одной реплики Базарова / Ю. В. Лебедев // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. — М., 1982. — С. 199–202.

7. Бельская А. А. Крест и роза в художественном про-

странстве «Отцов и детей» И. С. Тургенева / А. А. Бельская // Ученые записки Орловского государственного университета. — Орел. — 2014. — № 1. — С. 184–192.

8. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.: Письма в 18 т. / И. С. Тургенев. — М. : Наука. Т. 2. 1987. — 624 с.

*Московская духовная академия
Барницкий Д. С., доцент кафедры филологии
E-mail: Baricky1981@yandex.ru*

*Moscow Theological Academy
Baritskii D. S., Associate Professor of the Philology
Department
E-mail: Baricky1981@yandex.ru*

ОБРАЗ РОДСТВЕННИКОВ В ПОСЛОВИЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО, ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВ)

И. З. Борисова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Поступила в редакцию 24 августа 2016 г.

Аннотация: в статье речь идет об одном из ключевых концептов картины мира — образе родственников и родных, выраженном в пословицах. В статье предложены результаты когнитивного анализа, выявлены общие и частные когнитемы, характерные для пословичной картины мира русских и якутов. Данные знания будут способствовать успешной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: родственники, родные, ключевой концепт, пословичная картина мира, картина мира, общая когнитема, частная когнитема.

Abstract: in the article we are discussing one of the key concepts of the picture of the world — the image of relatives? expressed in proverbs. The article offers the results of cognitive analysis, reveals the general and private cognitive features characteristic of the proverbial picture of the world of Russians and Yakuts. This knowledge will contribute to successful intercultural communication.

Key words: relatives, key concept, proverbial picture of the world, picture of the world, general concept, private concept.

Родина играет важную роль в жизни человека, поэтому не удивительно, что пословицы о Родине, о родственнике и о родном занимают значительное место в пословичных фондах и русского, и якутского языков. Устойчивые, частотные когнитемы в пословичной картине мира рассматриваются как прототипические, образующие пословичные прототипы [3, 64]. Нам представляется возможным выделить также общие и частные когнитемы. В корпус анализируемого материала входят пословицы, содержащие ключевые компоненты концептов «родной» и «родственник».

Особенностью пословичной картины мира у русских является общая когнитема «Дети — вечная забота и богатство родителей», которая распадается на несколько частных когнитем. Наиболее многочисленной группой представлена когнитема «Детям (Сыну) необходимо достойное воспитание»: *Не учили, когда поперек лавки ложился, а во всю вытянулся, так не научишь* [5, 269]. Частная когнитема «Много детей — счастье» не представлена широко: *Дети — благодать божья; у кого детей много, тот не забыт от бога* [5, 269]. Когнитема «Дальние родственники все разные» (21) является также распространенной. В русских пословицах много раз упоминаются свекровь и свекор: *Свекор драчлив, свекровь ворчлива, деревья журливы (бурливы), невестки мутливы (шутливы)*. Многие пословицы имеют отрицательную коннотацию, подчеркивается плохой характер свекрови: *У лихой свекрови и сзади глаз*. Образ зятя и тещи являются частотными в пословичной карти-

не мира: *Бедному зятю и теще не рад* [5, 269].

Когнитема «Родственные чувства важны» показывает, что в русских пословицах родными считаются муж, жена, дети, родители и родственники. Выделяется также частная когнитема «Родня бесполезна и хлопотна»: *Есть родня, есть и возня*; В общей когнитеме «Родители и дети тесно связаны» выделяется частная когнитема «Лучше мать, чем мачеха». Ввиду того, что все пословицы появились давно, в них отражена тяжелая жизненная ситуация: матерей часто смерть уносила из жизни в молодом возрасте и в семье появлялась мачеха. Образ мачехи стереотипен и связан с характерными эпитетами «злая», «неродная», «недобрая»: *В лесу медведь, а в дому мачеха*. Но в то же время имеется другая частная когнитема «Тот, кто вскормил — важнее». Когнитема «Мудрость и благословение родителей важнее богатства»: *Отцовским умом жить деткам, а отцовскими деньгами не жить*, говорит о том, что главное — не иметь деньги, а помнить о нравовании, о полезных советах и о благословении родителей. Частная когнитема «Надо почитать престарелых родителей» подчеркивает важность заботы о постаревших родителях: *Не оставляй отца и матери на старости лет, и бог тебя не оставит*. Общая структура когнитемы «Старые и молодые близки» представлена в пословицах: *У кого есть бабушка, у того и обед*. Когнитема показывает позитивное отношение русских к старым людям и говорит об их доброте к внукам. Общая когнитема «Дети — вечная забота и богатство родителей» находит свое отражение в частной когнитеме «Много детей — счастье».

У якутов очень ценится большая семья: *Кизэ ай-махтаах, кэтит уруулаах/ имеет большую родню, широкую поддержку*. В пословицах подчеркивается зависимость будущего от детей: *Төлкөбүн төрүүх ыччаккыттан ыйыт, кэскилгин кэнчээри оҕобуттан көрүн./букв. Судьбу и будущее узнай у своих детей*. [2, с.246]. Частная когнитема: «Сын — богатство семьи» представлена в большом количестве пословиц. У якутов дочь считалась чужим богатством, а сын — опорой в старости. Пословицы описывают также непростую, но счастливую судьбу мужчин, сыновей: *Уол оҕо силгэтэ кытаанах, итэбэлэ улахан/ Юноша крепок в ногах, вера его велика* [2, 246]. О дочери пословиц намного меньше, к примеру, в них представлены следующие когнитемы: «Дочь — чужое счастье» (*Кыыс оҕо — омул анала./ Дочь предназначена чужим*) [2, с.246]. Частная когнитема «Дети продолжают жизнь и будут помнить» тесно связана с идеей зависимости благополучной старости от качества и количества детей: *Алтан уңуоххун араҕастыа, көмүс уңуоххун көтөбүө./ Похоронит с почестями, позаботится о костях* [2, 246]. Общая когнитема «Родственные чувства важны» имеет частное преломление в якутском языке, представленное в когнитеме «Имеющий родственников не пропадет». Частные когнитемы характеризуют этнические особенности:

1. «Богатые родственники бедных не признают»: Богатые родственники сторонятся бедных родственников: *Баай дьадаҕыны уруурҕаабат./Богатый не родня бедному*.

2. «У недружных родственников неуютно»: *Иирсээннээх ыал уота тымныы, иллээх ыал уота сылаас. В недружной семье очаг холоден, в дружной семье огонь греет*.

3. «Без родственников плохо»: В пословицах закреплено осуждение одиноких и бездетных: *Соботох киһи хоруролаах чөчөчөгү да кэтэһэр./ Одинокий ждет хоть обгорелый пень*.

4. «От кровного родства невозможно отказаться»: *Хаан-урууну өрүс да уутунан сууйуллубат (букв.: кровное родство не смоешь водой и целой реки)*.

5. «Родственники безразличны»: *Ууга түстэххэ орооспот сыганньылар (букв.: такие родственники, что один другого, даже утопающего, не станет спасать)*.

6. «С родственниками лучше не иметь общего богатства»: *Хаан биир, хармаан туспа. /Кровь одна, карман-врозь*.

Общая когнитема «Старые и молодые близки» тоже характерна для пословичной картины саха. Для якутов почитание старых людей — это часть культуры: (*Кырдыаҕас ыт сымыйанан үрбэт/ старая собака не лает напрасно*). Это показывает наличие частной когнитемы «Совет стариков дорог»: *Кырдыаҕас киһи сүбэтэ дьолго тиэрдэр (букв.: совет старого человека приносит счастье)* [6, 98]. Несмотря на то, что старость воспринимается как

почетное состояние, имеются пословицы, которые содержат частную когнитему «Старость — не радость»: *Кырдыар кырыыс муңа, сорсууар сор муңа. (букв. Стареть — проклятие, дряхлеть — горе)* [6, 98]. Несмотря на близость детей и родителей в самой культуре, в пословичной картине мира имеется пословица, которая очень распространена в разговорной речи, в современной литературе: *Ийэ-аҕа санаата — оҕоҕо, оҕо санаата — тааска. / Отец и мать думают о ребенке, ребенок о камне*, которая содержит частную когнитему «Родительская любовь сильнее сыновней» [6, 98]. В якутской пословице подчеркивается ответственность за поступки родителей: *Бэйэҕиттэн буолбакка бэдэргиттэн, бэдэргиттэн буолбакка тугуккуттан / Если не ты сам, то твой сын, если не твой сын, то твой внук ответят за тебя* [6, 98]. Что касается родственников, то якуты отличаются особым гостеприимством по отношению к ним. В советский период в условиях города произошла некоторая маргинализация взаимоотношений между родственниками: *Аймах (уруу) ырааҕа, уу чугаһа үчүгэй./ Лучше если родня далеко, а вода близко* [6, 98], активизируя частную когнитему: «Лучше, если родня далеко».

Выводы: 1. Самыми продуктивными способами репрезентации концепта «Родные» в пословицах оказались общие когнитемы «Родственные чувства важны» (50 ед.), «Дети — вечная забота и богатство родителей» (67 ед.). Данные когнитемы могут быть признаны пословичными прототипами. Общая когнитема «Родственные чувства важны» в русском языке преломляется в когнитему «Родня бесполезна и хлопотна», в якутском «Имеющий родственников не пропадет». Эти когнитемы могут быть признаны пословичными прототипами для этих языков.

Общая когнитема «Дети — вечная забота и богатство родителей» преломляется на частные когнитемы «Детям (Сыну) необходимо достойное воспитание», «Дети создают много хлопот», «Сын — лучше, чем дочь» в русском языке, в якутском языке «Много детей — счастье», «Сын — богатство семьи».

Общая когнитема «Дальние родственники все разные» шире представлена в русском языке, являясь пословичными прототипами для сопоставляемых языков.

Особенность пословичной картины мира русского народа в пословицах с концептом «родственник» и «родной» показывают общие когнитемы: «Дети — вечная забота и богатство родителей», «Дальние родственники все разные», «Родственные чувства важны», «Родители и дети тесно связаны», «Старые и молодые близки», которые имеют свою специфику и распадаются на частные когнитемы.

Совокупность предметных образно-наглядных эталонных представлений о предметах, явлениях в целом формирует языковую картину отражения объективной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова И. З. Сравнительно— сопоставительный анализ анализ пословиц с компонентом «голова», «рука», «нога» / И. З. Борисова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2015. — № 4-2. — С. 111–119.

2. Емельянов Н. В. Сборник якутских пословиц и поговорок / Н. В. Емельянов. — Якутск : Кн. изд — во, 1965. — 246 с.

3. Иванова Е. В. Пословичные картины мира (на мате-

риалы английских и русских пословиц) / Е. В. Иванова. — СПб. : филологический факультет СПбГУ, 2002. — 160 с.

4. Критская О. В. Французские пословицы и поговорки / О. В. Критская. — М., 1984. — 132 с.

5. Фелицына В. П. Русские пословицы, поговорки, крылатые выражения: лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына. — М., 1988. — 269 с.

6. Якутские пословицы и поговорки собранные А. Е. Кулаковским. — Якутск : Изд. иссл. общ-ва «Саха кэскилэ», 1925. — 98 с.

*Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова*

*Борисова И. З., доцент-исследователь Института за-
рубежной филологии, кандидат педагогических наук*

E-mail: Isborissova@mail.ru

*North-Eastern Federal University named after M. K.
Ammosov.*

*Borisova I. Z., Candidate of Pedagogic Sciences, Associate
Professor of the Institute of Foreign Philology and Regional
Studies*

E-mail: Isborissova@mail.ru

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТАТАРСКОЙ ДЕТСКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

Э. Ф. Гумерова, Л. И. Мингазова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Поступила в редакцию 10 марта 2017 г.

Аннотация. *в татарской детской прозе конца XX — начала XXI веков наблюдаются различные подходы к внедрению фольклорного материала в художественный текст. В статье рассматриваются методы внедрения фольклорных элементов в татарскую детскую прозу данного периода.*

Ключевые слова: *татарская литература; фольклор; детская литература; методы.*

Summary. *in the Tatar children's prose of the late XX — early XXI centuries, there are different approaches to the implementation of folklore material in the literary text. This article examines the introduction of folk elements in the Tatar children's prose of this period.*

Keywords: *tatar literature, folklore, children's literature, methods.*

Для татарских писателей устное народное творчество всегда играло важную роль, являясь неисчерпаемым источником вдохновения и путем познания культурного наследия татарского народа. Элементы фольклора, а именно народнопоэтические сюжеты, мотивы, образы, архетипы, жанрово-стилистические формы и т. д. поныне обогащают и подпитывают современную литературу. В данной статье мы ставим целью рассмотреть некоторые произведения Г. Гильманова, Р. Башара, Ф. Яруллина с точки зрения фольклорных традиций. Для составления более полной картины требуется установление того, какой материал автор берет из фольклора и как конкретно с ним обращается; в случае изменения взятой сюжетной линии, мотива или образа важно выяснить, изменены ли они и как наложены на текст. Цели, преследуемые писателем при использовании элементов фольклора, также требуют детального исследования: удастся ли автору достичь желаемого результата, как происходит конвертация смысловой нагрузки фольклорного элемента в произведении, сохраняется ли гармония в тексте? Выявление роли элемента фольклора в рамках конкретного произведения осуществляется путем детального анализа, поэтому мы стараемся подойти к предметам наших научных изысканий с разных позиций. Для нас представляет интерес как структурная, так и смысловая система текста.

В произведениях татарских детских писателей конца XX — начала XXI веков фольклор занимает особое место. Например, излюбленным приемом Галимьяна Гильманова является внедрение в канву произведения образцов фольклорного наследия татар. Он обращается как к самому фольклору, так

и к его жанрам, на основании последних появляются авторские сказки, поверья, легенды и т. д. Например, в рассказе Г. Гильманова «Тозлы яңгыр» («Солёный дождь». — *здесь и далее перевод автора*) есть авторская легенда, которая в рамках произведения позиционируется как народное творчество. Старик Хатмулла рассказывает председателю сельского совета Рифкату легенду про то, как образовалась их деревня: два брата Дучан и Асан сажают пшеницу, у кого она уродится, тот должен будет здесь остаться и образовать свое поселение. Выигрывает Асан, который оказывается более внимательным к приметам, а его брат Дучан покидает эти земли. Тем самым старик хочет сказать, что основатели этого поселения были земледельцами, что только внимательное обращение с природой может стать гарантией успеха. Асан становится для жителей деревни образцом мудрости, а земля — святыней: «Еще не раз видели этого святого старца вблизи Сырганактау; с тех пор наши земли славились своей плодородностью. Это все правда, сынок, это правда, что наша земля свята...» [5, 24]. Идея святости земли несколько раз повторяется: она прочитывается как в легенде старика Хатмуллы, так и в истории Хабира и Ляйли. У Г. Гильманова можно найти не только авторские легенды, но и авторские обряды, призванные раскрыть видение мира героями произведения: «Старик Хатмулла даже обрадовался. По обычаю, тех, кто уходил на покос, провожали всей деревней до полевых ворот, желали хорошего урожая, пели обрядовые песни, махали рукою вслед... Эх, эти времена. Вот ведь окопы военных лет все еще стоят на своем месте» [5, 24]. Последнее предложение кажется не совсем уместным. Но таким образом на иносказательном уровне рассказчик сравнивает позиции разных воспоминаний в истории челове-

ства: что-то важное (например, традиции) забывается, а что-то негативное (например, эхо войны) въедается в память. Обычай, созданный автором в рамках произведения, выполняет важную роль, она нужна для того, чтобы донести до адресата сообщения всю атмосферу описываемой реальности.

Детская проза Г. Гильманова пестрит всевозможными пословицами, поговорками и приметам. Для максимальной достоверности, правдоподобности рассказа Г. Гильманов часто прибегает к помощи поговорок: «Картлык — шатлык түгел» [5, 9]. / Старость — не в радость. Приметы также являются образцами фольклорного наследия: «черкиләр күбәйсә, борчалар котырып очса, балык су өстендә уйнаса, бака корыга чыгып бакылдаса, вакытсыз этәч кычкырса...» [5, 13]. / Если комаров больше станет, если блохи полетят, если рыбы будут играть над водой, если лягушки запоют, выйдя на сушу, если петухи загорланят в неположенное время... Их функция заключается в отражении специфики описываемой реальности: автор создает настроение и атмосферу своего произведения.

В деревне очень внимательно относятся к снам, к трактовке сна. В рассказе «Соленый дождь» (1982) встречается деталь сна: «В последнее время я тоже страдаю от кошмаров. Вот и сегодня... Будто я на лугу... Яго-о-од там — будто красный ковер на земле!.. И вдруг оказываюсь возле какого-то водоема, то ли река, то ли озеро. Присмотрелся, а на том берегу еще больше ягод. Не задумываясь, шагнул в воду. И вдруг меня начало тянуть вниз. Сам плыву, а сам будто тону... Сил не осталось, начал задыхаться и потерял сознание. А через мгновение я уже на суше, ползу по пустыне, вокруг ни воды, ни зелени!..» [5, 16]. Сон описывается в некой прогрессии.

Сон — элемент, передающий настроение героя, это мы понимаем по мимолетности и экспрессивности описания. Такие элементы служат некими проводниками, передающими нам дух и настроение описанной действительности. У адресата появляется ассоциативное восприятие: он вспоминает свой опыт в прошлом, свои ощущения в момент реализации этого опыта, переносит их на пространство создаваемой реальности произведения. Кто-то может вспомнить, как ему снилось что-то тревожное; кого-то резанет пословица, часто проговариваемая близкими; а кто-то откликнется на поверье, имеющее некий аналог в реальной жизни. Главное орудие автора — это чувства, через них происходит воздействие.

Иногда авторы прибегают к фольклорным сюжетам: некоторые берут их полностью, для некоторых важны только конкретные элементы. Например, в общетюркской, восточной литературе есть мотив слияния человека и природы: в сказках, мифах и легендах люди часто превращаются в животных, в камни, в птиц и т. д., при этом участвует какая-то высшая

сила. Элемент фольклорного сюжета, во-первых, служит для выявления и укрепления позиций героев произведения; во-вторых, с его помощью автор может добавлять какие-то качества в образ своих героев.

В произведении «Соленый дождь» Ак бабай — сам по себе не простой образ. Он также взят из фольклорного наследия татарского народа, является архетипом. Он тождественен древнеславянскому архетипу старца: это некий мудрец, который выступает учителем, наставником, появляется в переломный момент и помогает решать проблему. Белый цвет указывает на принадлежность к высшим силам. Автор, дав старику Хатмулле статус «Ак бабая», изначально позиционирует его как вещателя истины. В рассказе Г. Гильманова «Бала хаки» («Доля ребенка») (2004) главный герой старик Ахияр тоже превращается в белого старца, когда достигает истины. «Его белое лицо, лежащее на белых подушках и посреди белоснежных одеял, не принадлежало больше этому миру. И его слова, полные волшебства и сказанные каким-то особым духом, тоже были из другого мира» [5, 97].

По мнению Л. Мингазовой, «в конце XX века, как и в его начале, увеличилось количество похожих друг на друга произведений, знакомых образов и сюжетов, а это, в свою очередь, привело к снижению художественной ценности детской литературы» [1, 157]. Но параллельно с устаревшей формой создавалось и новое: авторы, стремящиеся к разноплановому развитию, стали движущей силой литературного процесса. В этот исторический период «особенности содержания и формы, демократических, философских, эстетических, психологических и социальных идей, характерных для поэзии взрослых, становятся доступными и для детского сознания. В их творчестве продолжение романтических традиций, «культ» красоты, критика отдельных «недостатков» предстает в литературной форме, соответствующей конкретному произведению» [2, 15]. Среди первопроходцев оказался и Ф. Яруллин.

Фанис Яруллин, как и Г. Гильманов, является мастером слова, обращающим к фольклорному наследию за вдохновением. В недрах его творчества есть многочисленные примеры гармоничного использования татарского народного творчества. Автор работает с поговорками, пословицами, частушками и играми для передачи специфики настроения произведения, отражения реальности, созданной в тексте. Например, в рассказе Ф. Яруллина «Акбәкәл» («Белоногий конь») (2002) от имени Рахимджана рассказывается о части свадебного обряда: «Вот поэтому невесты, не объездившие улицы деревни на паре лошадей, украшенных колокольчиками, а привезенные на машине, не могут ужиться со своими мужьями. В этом мире полно всяких тайн, о которых мы и знать не знаем, родненький. Если все сделать весело да пока-

зять всему миру, то такие дела обречены на счастливый конец. Ты думаешь, что наши предки все это просто так делали: колокольчики, развешенные на дугах лошадей, показ невесты? Нет, есть в этом своя мудрость. Вот, к примеру, если начинаю вспоминать те дни, то кажется, будто и ныне слышу звон колокольчиков, серебряных нитей на шлее, звуки гармонии. Сердце молодеет» [6, 194]. Здесь автор преследует две основные цели: во-первых, он знакомит своего читателя с обрядами татарского народа. Это образовательная функция фольклорного введения. Во-вторых, через призму мышления Рахимджана на адресата проецируется идея необходимости сохранения культурного наследия нации. В этом заключается воспитательная функция текста.

В творчестве Ф. Яруллина пословицы и поговорки выполняют различные функции, среди которых доминирующей является функция приближения читателя к тексту. Например, в рассказе «Яшел сандык» («Зеленый сундук») (2002) мать Айрата говорит следующее: «Девочка — как птица, как только научится летать — не удержишь, а мы с тобой вместе проживем» [6, 174]. Итак, пословица использована для обогащения образа матери Айрата, передачи настроения и специфики общения героев. Пословицы и поговорки способны передавать характер живого разговорного языка, национальный колорит. Чаще всего мы наблюдаем их употребление в рамках диалога литературных героев.

Ф. Яруллин активно обращается к фольклорным жанрам. В его произведениях можно встретить авторские литературные сказки. Например, в рассказе «Зеленый сундук» сказка повествуется Аджиханом, а в рассказе «Белоногий конь» рассказывает Рахимджан. Сказки начинаются с традиционных слов, отсылающих читателя в прошлое: «Давным-давно жил-был один пастух. И днем, и ночью он пас своих лошадей» [6, 190]. Такое клишированное введение является обязательным элементом структуры сказки. Но иногда авторы намеренно от нее отступают, например, в рассказе «Зеленый сундук» такое отступление оправдывается намерением рассказчика убедить адресатов сообщения в истинности своего рассказа. Адресант намеренно пытается погрузить читателя в волшебный мир своего повествования, чтобы дать возможность пробудить ассоциативные с детством ощущения, когда можно было поверить во все, что говорят взрослые.

В большинстве случаев эмоциональная сторона представляет собой больший интерес, чем фактическая составляющая текста. Воздействие на эмоции читателя является первостепенной задачей рассказчика. При иносказательности текста автор ставит две основные задачи: развлечь основную аудиторию (детей) и погрузить второстепенную аудиторию (взрослых) в воспоминания, вызвав ассоциативные с детством эмоции и переживания.

Мы полагаем, что в авторской прозе также сохраняются некие поверья и обряды, оставшиеся в наследство с доисламского периода. Часто они просачиваются в авторский текст через мифы, обряды и суеверья. В текстах Рашида Башара же мы обнаружили несколько интересных фольклорных находок, а именно следующие суеверные поверья: «Бабушка говорит, что это священный ключ. Если кто выпьет отсюда воду и бросит монетку, у того дела хорошо пойдут. Бросай монету» [4, 86]. Поверье берет свое начало с доисламского периода, когда люди приносили дар духам природных стихий. Такие поверья часто встречаются в фольклоре. Авторы произведений включают их в диалоги для более полной передачи картины мира героев.

Обращение писателей к традиционным формам сознания, к архетипичным его пластам обусловлено поиском ментальных констант, уходящих в национальное бессознательное и задающих основные архетипические модели [3, 177]. В рассказе Рашида Башара «Адашкан кош тавышы» («Голос заблудившейся птицы») (2003) есть архетип волка. Образ волка у тюркских народов выступает символом прародителя и воина-защитника. Его можно найти в народном творчестве якутов, алтайцев, турок, казахов, киргизов, татар и т. д. Он также активно используется и в авторской литературе, например в произведении Ч. Айтматова «Плаха» прослеживается тема волков, гибель которых приравнивается к гибели народа. В рассказе Р. Башара образ волка «маркирован» как воин-защитник, он сохранил свое фольклорное значение тотема, а эпизодический герой Муса выступает его «вещателем»: «Народ, чей поэт трус, не может быть храбрым. Папа всегда так говорил. Абый, не будьте трусом!» [4, 40].

Исследования литературного материала татарской детской прозы конца XX — начала XXI века на примере произведений Г. Гильманова, Р. Башара, Ф. Яруллина привели нас к следующим выводам. Во-первых, фольклор выступает показателем этнопсихологической особенности народа, через который писатели стремятся раскрывать философские воззрения и нравственные идеалы. Фольклор помогает писателю воспитывать в юных читателях гуманизм, человечность и моральные убеждения татарского народа, сохранившиеся в народном творчестве. Во-вторых, введение фольклорных элементов в канву произведения происходит следующими тремя способами: использование фольклорных жанров, применение фольклорных сюжетов, оперирование отдельными элементами народного творчества (архетипы, общефольклорные эпитеты, присказка, пословицы, поговорки, частушки и т. д.). В-третьих, при обращении к фольклору авторы стремятся достичь следующих целей: отражение специфики жизни героев описываемой реальности, приближение читателя к атмосфере повествуемой реальности, обо-

гашение смыслового составляющего произведения, пробуждение в читателях ассоциативных чувств.

Довольно часто наблюдается использование фольклорных жанров писателями в рамках авторской прозы. Такие элементы чаще всего служат либо для раскрытия иносказательной структуры текста, либо в развлекательных целях аудитории детей.

В-четвертых, в произведениях, где основной темой является поднятие национального самосознания, образцы фольклора используются более часто и более гармонично с основным текстом.

Согласно полученным результатам исследования, в татарской детской прозе конца XX — начала XXI веков наблюдаются различные подходы к внедрению фольклорного материала в художественный текст. Авторы по-разному подходят к вопросу использования опыта народного творчества. Это дает нам возможность более полно раскрыть направленность творчества конкретного автора. Фольклорное наследие, внедренное авторами в художественное произведение, выступает неким ключом к иносказательной структуре.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Гумерова Э. Ф., аспирант
E-mail: enge-29@mail.ru*

*Мингазова Л. И., доктор филол. наук, доцент
E-mail: Leila69@inbox.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Мингазова Л. И. Своеобразие и тенденции развития татарской детской литературы XX века: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.02 / [Место защиты: Институт языка, литературы и искусства АН Татарстана]. — Казань, 2011. — 363 с.
2. Мингазова Л. И. Роль фольклора в формировании и развитии татарской детской литературы XX века / Л. И. Мингазова // Филология и культура. Вестник ТГГПУ, 2008. — №1 (12). — С. 15–18.
3. Хазанкович Ю. Г. Архетип «волка» в фольклоре и литературе / Ю. Г. Хазанкович // Гуманитарные науки. Филология. Вестник ТГУ, выпуск 4 (72), 2009. — С. 177–183.
4. Башар Р. Ачык капка / Р. Бэшэр. — Казан : Татар. кит. нәшр., 2004. — 256 б.
5. Гильманов Г. Х. Язмашның туган көне: Бала-лар һәм яшүсмерләр өчен повестьлар, хикәяләр, парчалар, әкиятләр / Г. Х. Гильманов. — Казан : Ихлас, 2012. — 344 б.
6. Яруллин Ф. Г. Сайланма әсәрләр / Ф. Г. Яруллин. — Казан : Татарстан Республикасы “Хәтер” нәшрияты, 2002. — 480 б.

*Kazan (Volga Region) Federal University
Gumerova E. F., Postgraduate student
E-mail: enge-29@mail.ru*

*Mingazova L. I., Doctor of Philology, Associate Professor
E-mail: Leila69@inbox.ru*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ МЕЖУРОВНЕВОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ

О. В. Доладова

Самарский государственный социально-педагогический университет

Поступила в редакцию 17 мая 2017 г.

Аннотация: в статье демонстрируется наличие в языке и речи единиц, обладающих типологическими признаками уровня словосочетаний и уровня слов, а также уровня слов и уровня морфем. Обсуждается лингвистический статус таких единиц и их расположение в иерархии языковых уровней. Подчеркивается недискретность межуровневых границ.

Ключевые слова: уровень языковой иерархии, лингвистический статус, морфемы, слова, словосочетания.

Abstract: the article contains a description of language and speech units having typological features of phrase and word levels, as well as word and morpheme levels. The linguistic status of such units and their localization in the language hierarchy are discussed. Indiscreteness of inter-level boundaries is emphasized.

Keywords: language hierarchy level, linguistic status, morphemes, words, phrases.

Как известно, Л. Блумфилд [1] разграничивал слова и морфемы на основе того критерия, что слова являются свободными, а морфемы — связанными языковыми формами. Но на практике порой бывает нелегко установить, в какой мере связанной является рассматриваемая форма.

В речи на языках синтетического строя — например, в русской речи — расчленению речевого потока на слова в ходе дистрибутивного анализа помогает то, что знаменательные слова снабжены аффиксами. Понятно, что слово заканчивается формантом, а после него начинается другое слово. Например, такой фрагмент речевой цепи, как *морской берег*, легко членится на слова потому, что в середине находится формант *-ской* (в косвенных падежах *-ского, -скому...*), маркирующий границу между словами.

В речи на языках аналитического строя — таких, как английский — в которых знаменательные слова меньше оформлены морфологически, а нередко представляют собой простые (корневые) слова, в речевом потоке имеется много языковых образований с неопределенным лингвистическим статусом (словосочетания? слова?). Вследствие этого некоторые фрагменты речевого потока с трудом делятся на слова. Например, такой фрагмент, как [si; ʃɔ:], не имеет формального показателя деления на слова; поэтому он иногда трактуется как словосочетание, состоящее из слов (sea shore), а иногда — как слово, состоящее из морфем (seashore).

Неопределенная (то ли фразовая, то ли словная) схема расстановки ударений и флуктуация орфографической нормы (раздельное / дефисное / слитное

написание) свидетельствуют об амбивалентности лингвистического статуса таких единиц и их составных частей. Рассмотрим их виды.

1) Сюда относятся многие субстантивные биномы и их компоненты. Имеется немало единиц с амбивалентным статусом (то ли словосочетания, то ли слова): cell phone / cellphone «сотовый телефон»; steam ship / steamship «пароход»; bull fight / bullfight «коррида» и т. п.

«Синтаксичность словообразовательных процессов — фундаментальное свойство, определяющее структуру ... слов ... Процесс образования такого слова естественно рассматривать как преобразование словосочетания ... в слово», — отметил в этой связи Л. В. Сахарный [2].

2) Амбивалентным статусом обладают также некоторые единицы с формой притяжательного падежа и их компоненты: crane's bill / crane's-bill (букв. «клюв журавля», перен. «цветок герани»); dog's nose / dog's-nose (букв. «собачий нос», перен. «смесь джина с пивом»); dog's ear / dog's-ear (букв. «собачье ухо», перен. «загнутый уголок бумажного листа»).

Во фразеологических словарях они фигурируют как устойчивые словосочетания и пишутся раздельно, а в лексических — как слова и пишутся через дефис. Значит, следует либо считать, что одна и та же языковая единица разными своими вариантами принадлежит к двум уровням языковой системы (является «фраземо-лексемой» или «лексемо-морфемой»), либо признать наличие единиц, промежуточных между словосочетаниями и словами, а также единиц, промежуточных между словами и морфемами. По логике вещей, такие единицы локализованы не на том или ином уровне системы

английского языка, а в межуровневом пространстве.

Интересно, что от английской субстантивной языковой единицы *dog's-ear* образован глагол *to dog's-ear* «загибать» и «занашивать» (в словаре [FD] приведена полная парадигма его форм: *dog's-eared*, *dog's-eared*, *dog's-eared* и т. д.). В ней парадоксальным образом совмещены несовместимые черты субстантивного словосочетания (срединная флексия притяжательного падежа) и глагола (конечные глагольные флексии). Перенос значения и, как следствие, появление семантической целостности приводит к лексикализации таких словосочетаний, которая проявляется в переходе от раздельного к дефисному написанию и от фразовой схемы расстановки ударений к словесной.

Остается неясным, как следует квалифицировать структуру этих единиц: если она синтаксическая, как она может находиться внутри слова, а если словообразовательная, то как она может иметь между корнями флексия притяжательного падежа? (Это не внутренняя флексия, так как внутренняя флексия по определению располагается не между корнями, а внутри корня [3, 551].)

3) Амбивалентны и некоторые единицы с адъективно — и причастно-субстантивным компонентами: *green light / greenlight* (букв. «зеленый свет», перен. «благоприятствование»); *red bird / redbird* (букв. «красная птица», перен. «иволга»); *talking clock / talking-clock* «говорящие часы».

В таких языковых единицах процесс лексикализации словосочетаний не дошел до конца. Этим они отличаются от единиц типа *'bluebell* «цветок колокольчик», *'greenback* «банкнота в один доллар», *'strongbox* «сейф», тоже построенных по адъективно-субстантивной модели. Лексикализация в них завершилась; в современном английском языке это, несомненно, слова — они одноударны и всегда пишутся слитно.

4) К этому же классу относятся единицы с иной (не посессивной) синтаксической структурой, переходящей в словообразовательную: *cat o' nine tails / cat-o'-nine-tails* «плетка-девятихвостка»; *moo and cackle / moo-and-cackle* *шутл.* «омлет»; *jack in the box / jack-in-the-box* «попрыгунчик (игрушка)». Такие единицы в словарях идиом подаются как словосочетания, а в лексических словарях — как сложные существительные.

5) Упоминания в этой связи заслуживают и такие языковые единицы, у которых два компонента оформлены одним суффиксом. Хотя они пишутся раздельно, Ф. Палмер [4] и ряд других лингвистов рассматривают их не как словосочетания, а как сложнопроизводные слова, образованные от словосочетаний. Чтобы продемонстрировать специфику их строения, мы условно использовали скобки: *last minute* «последняя минута» → *(last minute)er* «тот, кто

склонен откладывать дела до последней минуты»; *black book* «список нежелательных лиц» → *(black book)ing* «занесение в список нежелательных лиц»; *baby boom* «демографический взрыв» → *(baby boom)er* «ребенок, родившийся в период демографического взрыва».

Если бы суффикс присоединялся не ко всей единице, а к ее последнему компоненту, то значения этих единиц были бы иными: единица *last minuter* означала бы «последний выступающий (на заседании суда)»; *black booking* — «черная (тайная) бухгалтерия»; *baby boomer* — «ребенок-сорванец».

Встречается также скрепление раздельнооформленных единиц не общим суффиксом, а общим префиксом, например: *ex-(movie star)* «бывшая кинозвезда»; *anti-(ballistic missile) defence* «оборона против баллистических ракет»; *post-(surgical intervention) treatment* «послеоперационное лечение». В других случаях компоненты оформляются не общей словообразовательной, а общей формообразовательной морфемой (флексией). Иллюстрацией могут служить некоторые английские единицы, образованные по конверсии. Ср.: *bad mouth* «брань» → *to (bad mouth) smb.* «осыпать кого-либо бранью»; *sweet mouth* «лесть» → *to (sweetmouth) smb.* «лестить кому-либо». Цельность таких единиц видна по их морфологическим формам: *He (bad mouth)es / (bad mouth)ed / is (bad mouth)ing me.*

Утверждение, что в данном случае конверсии подверглось только существительное *mouth*, а значит, здесь мы имеем дело со словосочетанием, не выдерживает критики: у словосочетаний не бывает синтаксической структуры <прилагательное + глагол>.

Флексийная оформленность таких языковых единиц — признак их словности, а раздельнооформленность — признак их фразовости. Как видим, они обладают типологическими чертами двух уровней языковой иерархии. Можно сделать вывод, что они носят промежуточный характер.

К этому же классу явлений принадлежат раздельнооформленные субстантивные языковые единицы, снабженные флексией притяжательного падежа: *(the Secretary of State)'s post* «пост госсекретаря»; *(the counsel for the prosecution)'s speech* «речь судебного обвинителя»; *(the officer on duty)'s report* «рапорт дежурного офицера», а также составные определения к именам существительным, ставшие окказиональными и узуальными сложными словами: *the very-last-minute revision* «проверка, проводимая в последний момент»; *a between-the-linestalker* «человек, говорящий намеками»; *a true-to-life depiction* «достоверное изображение».

Составными определениями могут быть не только словосочетания, но и предложения: *thethank-you-I-am-not-that-sort-of-girl stiffness* «чопорность, присутствующая недотроге» (R. Aldington); *awelcome-home-for-the-summer present* «каникулярный подарок»

(J. Rowling); the fuck-off-or-I'll-smash-your-brains look «взгляд, говорящий: сгинь, а то мозги вышибу» (D. Fisher).

Сходны с ними речевые единицы со структурой <существительное + определительное придаточное>, пишущиеся раздельно, но оформленные единой флексией притяжательного падежа: (the guy who lives next door)'s garage; (the man I spoke to)'s voice; (the lad she is in lovewith)'s mom. О том, что падежная флексия принадлежит не последнему компоненту, а всей именной группе, свидетельствует невозможность присоединения падежной флексии к несубстантивному компонентам (*to's, *with's и т. п.).

6) Идиоматичные коллокации со структурой <глагол + наречие> порой трактуются как лексемы (составные глаголы), а их вторые компоненты — как морфемы (постпозитивы): to fall out (букв. «выпасть», перен. «поссориться»); to let down (букв. «позволить упасть», перен. «подвести»); to do in (букв. «уделать», перен. «убить»).

7) Лингвистический статус так называемых составных лексем (to go wrong «нарушиться»; to make way «уступить»; to let go «отпустить») тоже амбивалентен. К их фразовым свойствам относятся раздельнооформленность и наличие морфологической парадигмы у первого компонента, а к словным — глобальность номинации и непроницаемость. По нашим наблюдениям, они обычно в той или иной мере семантически целостны (идиоматичны).

Примеры подтверждают, что возникновение целостности в плане содержания (идиоматичности)

в ряде случаев ведет к возникновению целостности в плане выражения (цельнооформленности); словосочетания лексикализуются. Идиоматизация — один из факторов перехода единиц более высокого уровня (словосочетаний) в единицы нижележащего уровня (слова).

Лексикализация словосочетаний — градуальное явление. Не полностью лексикализовавшиеся единицы обладают типологическими признаками словосочетаний и слов и вследствие этого располагаются в межуровневом пространстве. Перед нами уже не вполне словосочетания, но пока и не слова, а их составные части — уже не вполне слова, но пока и не морфемы. Граница между уровнями языка размыта, и это особенно наглядно проявляется в таком аналитическом языке, как английский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд. — М. : Эдиториал URSS, 2010. — 608 с.
2. Сахарный Л. В. Структура слова-универба и контекст / Л. В. Сахарный // Словообразование и семантико-синтаксические процессы в языке: Межвузовский сб. науч. тр. Пермь : изд-во Пермского гос. ун-та, 1977. — С. 27–37.
3. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Флексия / Т. В. Булыгина, С. А. Крылов // Лингвистический энциклопедич. словарь. — М. : Советская Энциклопедия, 1990. — С. 551.
4. Palmer F. Grammar / F. Palmer. — London : Penguin Books, 1989. — 208 p.
5. FD — Free Dictionary. 2016. URL: <http://www.thefreedictionary.com/>

Самарский государственный социально-педагогический университет

Доладова О. В., аспирантка кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации

E-mail: doladov@gmail.com

*Samara State University of Social Sciences and Pedagogy
Doladova O. V., Postgraduate Student of the English Philology
and Cross-Cultural Communication Department
E-mail: doladov@gmail.com*

ФЕТ — ПЕРЕВОДЧИК НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ: СТИХОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О. Н. Жердева, Е. А. Савочкина

Финансовый университет при Правительстве РФ, Барнаульский филиал

Алтайский государственный университет

Поступила в редакцию 3 мая 2017 г.

Аннотация: в статье представлен стиховедческий аспект поиска А. А. Фетом метрических эквивалентов при переводе на русский язык стихотворений Г. Гейне. Важным в данном контексте представляется то, как Фет-переводчик передает стихотворные размеры, не свойственные русской поэтической традиции XIX века. Несмотря на то, что Фет, в силу совершенного знания немецкого языка, хорошо чувствовал ритмическое своеобразие переводимых им стихотворений, он не воспроизводит размеры, не практикующиеся в русской поэтической традиции XIX века. Таким образом, и русский и немецкий стих существовали в творческом сознании Фета как самостоятельные системы, что не исключало возможности их взаимодействия на других уровнях. Немецкое происхождение Фета не противоречит данной ситуации, а напротив, косвенно подтверждает ее: поэт стремился не столько использовать свой читательский опыт, сколько на фоне немецкой традиции лучше осознать своеобразие поэтической системы русского стиха, не противопоставляя себя последнему, а, наоборот, стремясь глубже в нем укорениться.

Ключевые слова: А. А. Фет, художественный перевод, стиховедение, национальные формы стиха, просодика.

Abstract: the article focuses on prosodic analyses of A. A. Fet's works and meter equivalents offered by the poet when translating H. Heine's poems. The utmost aim was to show the ways Fet as translator used to convey meters not typical of Russian poetry writing in the XIX century. Despite his perfect knowledge of German and wonderful perception of meter in original poems, Fet never employed meters untypical of Russian poetry writing in the XIX century. Thus the Russian and the German poem existed as two independent systems in Fet's cognition, which still permitted their overlapping at some levels. The German background of Fet doesn't contradict the situation rather supporting the idea that Fet translator prevailed over Fet reader. The striking feature of his approach was to go beyond the scope of German tradition towards the peculiar resources of the Russian language and to seek his place in Russian poetry rather than oppose himself to it.

Keywords: A. A. Fet, literary translation, study of poetry, national types of verse, prosody.

Переводческие труды А. А. Фета представляют значительную часть творчества поэта. Примечательно, что более половины его переводного наследия составляют переводы стихотворений немецких поэтов: Гете, Гейне, Шиллера, Мерики, Рюккерта, Уланда, Кернера. Привязанность Фета к немецкой поэзии, на наш взгляд, не случайна и обусловлена, с одной стороны, закономерностями процесса развития литературы, с другой стороны, тем, что именно немецкая поэзия по своему содержанию и духу близка Фету, немцу по происхождению.

Как по количеству переведенных стихотворений (38), так и по степени влияния на оригинальное творчество русского поэта (о чем писали авторитетные исследователи-фетоведы Б. Я. Бухштаб, Д. Д. Благой, В. М. Жирмунский) имя Гейне выбивается из общего списка имен немецких поэтов, переводимых Фетом. К поэтическим произведениям других вышеназванных немецких поэтов Фет обращался эпи-

зодически, скорее его переводы стихотворений этих поэтов были переводами «на случай».

В трудах исследователей по истории художественного перевода в России Г. И. Ратгауза, Ю. Д. Левина, А. В. Федорова, В. Б. Микушевича и др. [1], [2], [3], [4] убедительно показано, что перевод может быть осмыслен только в исторической перспективе и требования к художественному переводу на том или ином этапе развития русской литературы менялись в соответствии с задачами, поставленными перед национальной литературой временем. По мнению Ю. Д. Левина, Г. И. Ратгауза, Е. Г. Эткинда, середина XIX в. ознаменована качественным сдвигом в области поэтического перевода.

Возобновление в середине XIX века тенденции к буквальному переводу объясняется общей объективной направленностью литературы середины XIX века. Среди сторонников буквального перевода на данном этапе выделяется имя А. А. Фета. Его высокое переводческое мастерство, на наш взгляд, можно объяснить с двух точек зрения, исторической

индивидуальной, личностной: во-первых, его переводы появились в тот момент, когда русская литература была подготовлена историческим развитием к созданию качественного буквального перевода. К середине века уже не было необходимости создавать оригинальные произведения, «перелагая» иноязычные тексты, русская поэзия к тому времени окрепла и состоялась, таким образом, появилась другая задача: не просто познакомить русского читателя с произведениями мировой литературы, но передать оригинальный стиль автора и национальный дух иноязычного сочинения, что возможно осуществить, стремясь как можно точнее передать форму и содержание поэтического произведения, учитывая, однако, при этом не только специфические особенности языка переводимого текста, но и возможности родного языка, поиск языковых параллелей как на лексико-грамматическом, так и на ритмическом уровнях.

Во-вторых, на наш взгляд, вовсе не случайно, что именно А. А. Фет стал сторонником буквального принципа в поэтическом переводе и достиг высокого мастерства в этой области. Немец по происхождению, владевший немецким языком с детства, более того, с детства ощутивший ритмику немецкого стиха (как известно, Фет с семи лет переводил детские басни Кампе, пытаясь переложить их на русский язык исключительно стихами), с одной стороны, и выросший в России, считавший русский родным языком, с другой стороны, он, таким образом, находился в билингвистической ситуации и, как никто другой, мог призван был справиться с данной исторической задачей, поставленной перед художественным переводом временем [5, 76].

А. Фет занимает особое место среди сторонников точного перевода. Он создает, как пишет Г. И. Ратгауз, «совершенно оригинальную теорию перевода» [2, 37]. По мнению А. А. Фета, перевод отличается в корне от свободного истолкования подлинника. В борьбе с переводческими вольностями 1850–60-х гг. он полемически требовал «возможной буквальности» перевода. Отвергая лермонтовский перевод из Гете («Горные вершины») как неверный, Фет писал: «Я всегда был убежден в достоинстве подстрочного перевода и еще более в необходимости

возможного совпадения форм, без которого нет перевода» [6, 328]. При этом под подстрочным переводом А. А. Фет имеет в виду буквальный перевод и формально не различает эти понятия. (Мы же под буквальным переводом понимаем здесь эквивалентность на уровне языковых знаков, без учета информации, передаваемой на иных уровнях содержания. Под подстрочным переводом нами понимается поочередный перевод каждого слова предложения, сочетание их по их основному значению и часто вопреки норме и узусу языка перевода.)

Современная поэту критика отмечала тенденцию Фета к чрезмерной точности в ущерб художественности. Фетовские переводы иногда откровенно высмеивались за их «корявость», «шероховатость», «непрофессиональность» [7, 456]. В современной же теории художественного перевода поэтические переводы А. Фета часто рассматриваются как показательные, демонстрирующие метод буквального перевода в поэзии. На наш взгляд, стремящийся к точности в своей переводческой деятельности Фет во многом предвосхитил современные принципы перевода. Тонкое чувство ритма и точность в передаче смысла соединялись у поэта со стремлением передать дух оригинала. При всей точности переводов Фет, однако, не был «прямым» или, как принято говорить, «наивным» буквалистом, так как стремился, прежде всего, найти русские эквиваленты ритмико-интонационному рисунку и лексико-семантическим особенностям оригинала.

Наиболее интересным и малоизученным является, на наш взгляд, стиховедческий аспект проблемы: поиск русским поэтом метрических эквивалентов при переводе на русский язык стихотворений Гейне. Результаты нашего исследования можно представить в виде следующей таблицы, где употребляются следующие сокращения: Д — дактиль, Я5 — ямб пятистопный, Я3 — ямб трехстопный, Х4 — хорей четырехстопный, Дк3 — дольник трехиктовый, Дк4 — дольник четырехиктовый, Дк4-3 — дольник четырех-трехиктовый, ДКВ — дольник вольный, Амф3 — амфибрахий трехстопный, Амф4 — амфибрахий четырехстопный, Амф4-3 — амфибрахий четырех-трехстопный, Зсл ПА В — вольный трехсложник с переменной анакрузой.

Таблица № 1.

Сопоставительный анализ стихотворений Г. Гейне и их переводов, выполненных А. А. Фетом.

Гейне	Я5	Х4	Дк3				Дк4	Дк4-3	Дк В	Вер-либр
35	2	7	20				2	2	1	1
Фет	Я5	Х4	Амф3	Дк3	Я3	Д3	Амф4	Амф 4-3	Зсл ПА В	Дк В
35	2	7	14	3	2	1	2	2	1	1

В приведенной таблице №1 отображены результаты сопоставительного анализа тридцати пяти (из

тридцати восьми) стихотворений Г. Гейне и их переводов, выполненных А. А. Фетом. Большая часть

переведенных стихотворений (20) были написаны трехиктовым дольником, ритм которого, как известно, в середине XIX века был непривычным для русского читателя. Относительно легко решалась переводческая задача в отношении тех размеров, которые имели русский ритмический эквивалент: пятистопный ямб, четырехстопный хорей. Эти размеры к середине XIX века являлись хорошо разработанными в русской поэзии, и перевод соответствующих стихотворений Г. Гейне не представлял значительных технических проблем. Конечно, говорить об абсолютной адекватности здесь не приходится в силу хорошо известных различий между русской и немецкой силлабо-тоникой. Как, известно, эти различия обычно объясняются отличиями немецкой просодии от русской [8, 10]. Совсем другие задачи ставили перед Фетом столь характерные для немецкого поэта дольники.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что А. А. Фет совсем не стремился буквально воспроизвести особенности ритма оригинала. Несомненно, хорошо чувствуя ритм немецкого дольника, Фет чуждался в данном случае переводческого буквализма. Он стремится передать ритмическое своеобразие оригинала, обходясь привычными средствами. Близость русского и немецкого стихосложения позволяла Фету создать своеобразные ритмические эквиваленты (невозможные, скажем, при переводе с французского). Но Фет скорее вписывает своего «русского» Гейне в систему русского стиха, опираясь не столько на уже имевшиеся в то время экспериментальные переводы стихотворений Гейне, сколько на традиционную систему стиховых эквивалентов.

Так, в частности, в XIX в. было принято переводить трехиктовый дольник трехстопным амфибрахией. «Немецкий балладный дольник, — пишет М. Л. Гаспаров, — с его колебанием 1— и 2-сложных междуиктовых интервалов мог упрощаться в 4–3-ст. амфибрахий. В немецкой поэзии это делалось редко, но в русском языке, где безударных слогов больше, этот путь превращения тоники в силлабо-тонику напрашивался сам собой» [9, 127].

А. А. Фет, как показывает таблица, преимущественно следовал данной традиции. Трансформация ДкЗ в АмфЗ была тем более естественной, что дольники Гейне, переведенные Фетом амфибрахией, имели односложную анакрус и, следовательно, ритмически из всех трехсложных силлабо-тонических размеров более всего напоминали именно амфибрахий.

Следует особо охарактеризовать те переводы из Гейне, в которых использован ямб. Таких стихотворений у Фета всего два, и обращение русского поэта к трехстопному ямбу представляется нам далеко не случайным. Так, фетовское «Твои пылают щеки...» является переложением стихотворения «Es liegt der

heiße Sommer...», в котором из восьми строк, составляющих все произведение, только половина представляет собой чистый дольник, а остальные являются трехстопным ямбом. Сам оригинал, таким образом, делал совершенно естественным «перевод» ДкЗ в ЯЗ.

Очевидно, та же причина побудила Фета перевести трехстопным ямбом («Красавица-рыбачка») гейневское «Das Fischer mädchen»: из 12 строк стихотворения Гейне 6 представляют собой трехстопный ямб. Причем в последней, третьей строфе строки дольника отсутствуют полностью.

Сложнее объяснить факт обращения Фета к дактилю («Слышу ли песенки звуки...») при переводе «Hör ich das Liedchen klingen...». Закономерным представляется лишь то, что дольник Гейне Фет переводит одним из силлабо-тонических размеров: из восьми строк оригинального стихотворения лишь две — по одной в каждой строфе — создают ритм дольника; остальные представляют собой трехстопный ямб. Поэтому трехстопный амфибрахий, очевидно, ощущавшийся Фетом как основной ритмический эквивалент немецкого трехиктового дольника, в данном случае был неуместен.

Но и опыты Фета с дольниками были достаточно осторожны. Так, при переводе «Ich hab im Traum geweinet...», в стихотворении «Я плакал во сне; мне приснилось...», Фет задает ритм дольника с помощью всего лишь одной строки в каждой из трех строф. Она занимает фиксированное положение (третья строка четверостишия) и является рефреном. Это строка «И я проснулся — и долго...», которая, таким образом, выделена с помощью ритмического курсива и, ломая привычный силлабо-тонический ритм (АмфЗ), отмечает момент пробуждения лирического героя своеобразным ритмическим диссонансом, что, если учитывать смысловую структуру стихотворения Гейне, представляется вполне естественным. За пробуждением следует настоящее, противостоящее мнимому, приснившемуся, стоит страдание. Ритм перевода, таким образом, подчеркивает парадоксальное (так как плач во сне переходит в плач наяву) противостояние сна и яви.

Осторожен Фет и при переводе «Sie liebten sich beide...». Как известно, М. Ю. Лермонтов в 1841 г. перевел данное стихотворение логоэдом. А. А. Фет в своем переводе 1857 г. «Они любили друг друга...» сохраняет четкую силлабо-тоническую основу (обычный АмфЗ), но задает ритм дольника начальной строкой каждой из двух строф стихотворения. Стоит отметить, что отступления от привычного ритма, как и ритмические перебои, менее всего ощутимы в начале какого-либо элемента стихотворного текста. Фет, очевидно, не мог использовать ритм дольника в конце строфы или, тем более, стихотворения, где он мог восприниматься как ритмический перебой. Начальные же строки, с одной стороны,

создают исходный, далее выравнивающийся ритм, как бы отмечая ритмическое своеобразие оригинала, с другой — выделяют ритмическим курсивом тему первой («Они любили друг друга...») и второй («Они расстались — и только...») строф.

В том же 1857 г., обращаясь к еще одному стихотворению Гейне, «Im Traum sah ich die Geliebte...», Фет переводит первую строку дольником. Фетовское переводное стихотворение «Во сне я милую видел...» мы отнесли в таблице к группе стихотворений, переведенных амфибрахией, в силу чисто количественного преобладания строк Амф3 (2-3 против 1), но начальная строка выступает здесь своеобразным знаком ритма оригинала. При этом расположение ударных и безударных слогов в первой строке оригинала и перевода совпадают полностью (U — U — UU — U).

Особое положение в этом ряду занимает стихотворение «Ты вся в жемчугах и алмазах...», являющееся переводом гейневского «Du hast Diamanten und Perlen...». Здесь ритм дольника не задается вначале, как в стихотворениях, проанализированных выше, а как бы постепенно рождается из силлабо-тонического ритма. Первая строфа представляет собой чистый Амф3, но уже первая строка второй строфы, являющаяся трехстопным ямбом, ломает сложившуюся закономерность. Далее следуют две строки чистого дольника, но в заключительных строках второй и третьей строф восстанавливается исходный Амф3. Несмотря на своеобразие среди других фетовских переводов, данное стихотворение подчеркивает общую закономерность: А. А. Фет стремится вписать ритм трехиктового дольника в привычную систему силлабо-тонических размеров, неизменно выравнивая его в конце строф. Любопытно, что в данном переводе Фет был максимально точен в передаче ритмики оригинала. У Гейне первые две строки — Амф3. Начальная строка второй строфы, как и в переводе, — трехстопный ямб, но общее количество строк чистого Дк3 выше: 4 у Гейне против 2-х у Фета. Кроме того, последняя строка оригинала подчеркивает ритм Дк3 (U — UU — U — U).

Как видно из таблицы, разноиктовый дольник Фет переводит разностопным амфибрахией (Дк4-3 — Амф 4-3), четырехиктовый дольник — четырехстопным амфибрахией. Данный факт еще раз подтверждает то, что русский амфибрахий воспринимался Фетом в эпоху, когда русские дольники имели статус экспериментальных стихотворений, как эквивалент немецкого дольника. «4-3ст. амфибрахий, обычно с чередованием мужских и женских окончаний, <...> получился в результате выравнивания немецкого и английского дольника...» [9, 279]. Примером переводческой точности и чуткости Фета является воспроизведение при переводе четверостишия «Sie haben mich gequälet...» цезуры после шестого слога, что, несмотря на замену дольника

амфибрахией, способствует ритмической идентичности перевода («Когда я про горе свое говорил...») и оригинального стихотворения.

Тем более удивителен резкий ритмический диссонанс в фетовском переводе стихотворения Гейне «Die Grenadiere...». Начальная строка пятой строфы представляет собой дольник с нулевой анакрузой, то есть резко контрастирующий с амфибрахией, которым написано все стихотворение. Ритмический перебой у Фета приходится на начало реплики одного из гренадеров, слова «Не до детей мне, не до жены...», ключевое для всего произведения место. Фет акцентирует, таким образом, противопоставление ценностей семейных и государственных, преданность гренадера своему императору. Кроме того, колебание ритма приходится на прямую речь, что может рассматриваться в качестве дополнительного оправдания его появления: разговор противопоставлен повествованию, при этом выделено самое экспрессивное место разговора, своего рода «вопл души», выбивающийся из интонации спокойного рассказа. Характерно, что подобное место есть и в оригинальном стихотворении. Здесь выделена строка «Die Flinte gib mir in die Hand...»

Интересны фетовские переводы стихотворений Гейне, наиболее свободных с точки зрения ритма: «Poseidon» (верлибр) и «Epilog» (вольный дольник). Фет не стремится механически дублировать ритмику стихотворений Гейне, а пытается и здесь найти русские эквиваленты, все время как бы поднимая планку ритмизованности: верлибр он переводит вольным дольником («Посейдон»), вольный дольник — вольным трехсложником с переменной анакрузой («Эпилог»).

Надо заметить, что разграничение верлибра и вольного дольника здесь является условным: вольный дольник обычно рассматривается как одна из разновидностей свободного стиха: на слух ритмическая разница почти не ощущается. Однако верлибр в строгом смысле является вольным акцентным стихом. В вольном дольнике дополнительно упорядочены междуиктовые интервалы. Подобно дольникам, здесь они не могут быть меньше одного слога и больше двух. Данное разграничение является для нас важным постольку, поскольку Фет, как показывают его переводы, хорошо чувствовал отличие верлибра и вольного дольника в немецких стихах и, переводя их на русский язык, не мог не обратиться к различным ритмическим средствам.

В статье А. Жовтиса о русских переводах верлибров Г. Гейне фетовский вариант сопоставлялся с переводом, выполненным М. Л. Михайловым [10, 386–404]. Материал, представленный в статье, позволяет поставить перевод Фета в контекст аналогичных экспериментальных переводов немецких верлибров, выполненных русскими поэтами XIX в. Опыт Фета не является уникальным и хорошо впи-

сывается в историю освоения свободных размеров в России. Наряду с Я. Полонским и М. Михайловым, Фет является одним из поэтов, создавших в середине XIX в. «модификацию русского верлибра», максимально приближенную по тем временам к ритмике оригинала [10, 395].

Говоря о «Посейдоне», следует, очевидно, учитывать тот факт, что в силу большего, чем в русском, количества ударений, на слух немецкий верлибр мог восприниматься как дольник с неупорядоченной длиной строки, то есть вольный. При этом сам вольный дольник «Eriog» слышался как ритм более строгий, что требовало от Фета использования иного ритмического эквивалента. Его поэту подсказала традиция.

Известно, что в ранних экспериментальных опытах по переводу дольников в русской поэзии часто использовался трехсложник с переменной анакрузой: «Поэты ищут способа, как можно меньше нарушая правильный ритм, дать понять, что восприниматься он должен как неправильный. К этому представлялись, прежде всего, два пути: переменная анакруза и логаяды» [8, 129]. Первый из двух названных историком стиха путей и выбирает в данном случае Фет, органично вписывая, таким образом, свой перевод в переводческие опыты В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева.

Фет, владевший в совершенстве немецким языком [12, 42], несомненно, хорошо чувствовал ритмическое своеобразие переводимых им стихотворений. Ритм дольника, пусть и в немецкой огласовке, был ему хорошо знаком. Однако этот опыт используется им при переводах в очень ограниченной степени. Можно предположить, что русский и немецкий стих существовали в творческом сознании Фета в известном смысле как самостоятельные системы, что, конечно, не исключало возможности их взаимодействия на других уровнях. Национальное происхождение Фета, как нам кажется, не противоречит

данной ситуации, а, напротив, косвенно подтверждает ее: поэт стремился не столько использовать свой немецкий читательский опыт, сколько на фоне немецкой традиции лучше осознать своеобразие поэтической системы русского стиха, не противопоставляя себя последнему, а, наоборот, стремясь глубже в нем укорениться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федоров А. В. Искусство перевода и жизнь литературы. / А. В. Федоров. — Л., 1983. — 352 с.
2. Ратгауз Г. И. Немецкая поэзия в России / Г. И. Ратгауз // Золотое перо: Немецкая, австрийская и швейцарская поэзия в русских переводах, 1812–1970. — М., 1974. — 736 с.
3. Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века / Ю. Д. Левин. — Л., 1985. — 300 с.
4. Микушевич В. Б. Актуальные проблемы теории художественного перевода / В. Б. Микушевич. — М., 1967. — 256 с.
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. — М., 2000. — 424 с.
6. Русские писатели о переводе: XVIII–XX вв. // Под ред. Ю. Д. Левина и
7. А. Ф. Федорова. — Л., 1960.
8. Григорьев А. А. Поэзия. Проза. Воспоминания / А. А. Григорьев. — М., 2000. — 656 с.
9. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. — Л., 1977. — 376 с.
10. Гаспаров М. Л. Метр и смысл / М. Л. Гаспаров. — М., 2012. — 416 с.
11. Жовтис А. Л. У истоков русского верлибра: Стихотворения «Северного моря» Гейне в переводах М. Л. Михайлова / А. Л. Жовтис // Мастерство перевода. — Спб., 1970. — 522 с.
12. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха / М. Л. Гаспаров. — М., 2000. — 352 с.
13. Фет А. А. Воспоминания / А. А. Фет. — М., 1983. — 241 с.

Барнаульский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

Жердева О. Н., к. филол. наук, доцент кафедры «Филология, история и право»

E-mail: vigrijanova@mail.ru

Алтайский государственный университет

Савочкина Е. А., к. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой германского языкознания и иностранных языков

E-mail: savochkina71@mail.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation (Barnaul branch)

Zherdeva O. N., Candidate of Philology, Associate Professor
E-mail: vigrijanova@mail.ru

Altai State University

Savochkina E. A., Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Germanic Linguistics and Foreign Languages Department

E-mail: savochkina71@mail.ru

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ПРОГРАММЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЮУРГУ СРЕДИ ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ¹

Е. С. Золотова

Южно-Уральский государственный университет

Поступила в редакцию 7 января 2017 г.

Аннотация: статья посвящена изучению научно-популярных медиатекстов. В результате контент-анализа медиатекстов, опубликованных в СМИ и на официальном сайте ЮУрГУ, автор выделяет тематические группы специальной лексики Программы 5-100 и приходит к выводу о типичных способах ее включения в медиатексты.

Ключевые слова: проект 5-100, медиатекст, научно-популярный медиатекст.

Abstract: the article studies scientific and popular media texts. As a result, the content analysis of media texts published in the media and on the official website of the SUSU, the author identifies the thematic group of the special vocabulary of the Program 5-100 and comes to the conclusion that the typical methods of its inclusion in media texts.

Keywords: project 5-100, media text, popular science media text.

Современное информационное пространство представлено многообразием текстов массовой коммуникации (медиатекстов), обслуживающих все сферы жизни общества. Вслед за Л. Р. Дускаевой мы рассматриваем медиатекст как особую форму речевой деятельности, в которой «выражаются принятые в профессиональной медийной среде правила речевого поведения, утвердившиеся в профессиональной среде стереотипы текстовой организации» [1, 11]. В последние десятилетия конститутивные свойства, структура, специфика медиатекста активно изучаются в русле теории текста, медиалингвистики, медиастилистики, психолингвистики и других научных направлений [2; 3; 4]. В качестве основных признаков медиатекстов называют медийность, массовость, поликодовость, открытость [3]. Вопрос о типологии медиатекстов по-прежнему остается дискуссионным [5; 6; 7; 8].

Взяв за основу критерий «тематическая доминанта», можно выделить группу научно-популярных медиатекстов, которые, с одной стороны, сообщают широкой аудитории информацию об открытиях и научных достижениях, с другой стороны — привлекают внимание к проблемам научной сферы и популяризируют научные знания. Научно-

популярные медиатексты обладают высокой терминологичностью, эмоциональностью и оценочностью, т. е. объединяют в себе черты научного и публицистического стилей, проявляющиеся на всех языковых уровнях [9; 10]. Главная смысловая доминанта любого научно-популярного медиатекста связана с научной проблематикой, что обуславливает наличие в нем как общенаучной терминологии, так и специальной лексики той или иной области знания.

С 2013 года 21 вуз России стал участником Проекта повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров (далее Проект 5-100), осуществляемого в соответствии с положениями Указа № 599 Президента Российской Федерации «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» и призванного способствовать наращиванию научно-исследовательского потенциала российских университетов, укреплению их конкурентных позиций на глобальном рынке образовательных услуг.

В 2015 году Южно-Уральский государственный университет вошел в Проект 5-100. Состоялось утверждение Программы повышения конкурентоспособности ЮУрГУ среди ведущих мировых научно-образовательных центров (далее Программа, Программа 5-100) и «дорожной карты», это обусловило изменения во всех сферах деятельности вуза. Изменения в коммуникативной сфере коснулись работы университетских СМИ и пресс-службы, внимание медиаспециалистов сосредоточилось на

¹ The work was supported by Act 211 Government of the Russian Federation, contract № 02.A03.21.0011. Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (Постановление №211 от 16.03.2013 г.), соглашение № 02.A03.21.0011.

создании качественных научно-популярных медиатекстов.

В статье предпринята попытка осмыслить опыт ЮУрГУ в части создания научно-популярных медиатекстов. Цель исследования состоит в выявлении тематических групп специальной лексики Программы 5-100 в научно-популярных медиатекстах о реализации в ЮУрГУ Программы 5-100.

Эмпирическую базу исследования составили научно-популярные медиатексты, опубликованные с января 2016 года по январь 2017 года на официальном сайте вуза *susu.ru*, на интернет-портале «Newsroom Digital» и в газете «Технополис», вышедшие в эфире телекомпании «ЮУрГУ-ТВ» и учебной студии «Радио ЮУрГУ».

Среди рассмотренных нами медиатекстов научно-популярными являются 340, в 202 из которых освещаются темы, затрагивающие основные положения Программы 5-100: стратегии вуза на пути реализации Программы 5-100, международные рейтинги вузов, программы академической мобильности, привлечение в университет студентов и сотрудников зарубежных вузов, финансовая поддержка перспективных исследований, автоматизация управления учебным процессом и др. Полагаем, превалирование подобного рода медиатекстов объясняется функциями и особыми задачами СМИ и пресс-службы университета на пути достижения цели управления репутацией ЮУрГУ, сформулированной в Программе. Обозначим основные задачи и сопряженные с ними функции:

1) информировать преподавателей, сотрудников, студентов и абитуриентов о мероприятиях, реализуемых вузом в рамках Программы 5-100 (функция — сообщение);

2) в доступной и понятной форме информировать преподавателей, сотрудников, студентов и абитуриентов о результатах деятельности научно-педагогических работников, научных достижениях в научно-образовательной сфере (функция — популяризация научного знания);

3) формировать образ университета как важнейшего научного центра России, способствовать формированию положительного образа науки и ученых в сознании аудитории университетских СМИ (функция — воздействие).

Главное интенцией научно-популярных медиатекстов о ЮУрГУ в Проекте 5-100 является информирование и воздействие. В большинстве своем такие тексты отвечают требованиям актуальности, точности, убедительности, логичности передачи информации. С их помощью в доступной и понятной неспециалисту форме происходит ознакомление аудитории с научными знаниями, при этом сведения сообщаются выборочно и несистемно, доказательность и аргументированность могут опускаться в зависимости от задач, стоящих перед автором,

жанра произведения, степени компетентности и научной подготовки аудитории. Отсутствие научной подготовки у аудитории накладывает на автора дополнительные обязанности по краткому разъяснению узкоспециальных терминов или их замене общепонятными синонимами. Так, в медиатексте «Инновации в подготовке диссертаций: в ЮУрГУ запускаются программы аспирантуры по модели двойного кураторства», опубликованном на сайте вуза [11], после сообщения о принятии решения об открытии первых программ аспирантуры по модели двойного кураторства, дается пояснение, что «это модель международного сотрудничества по линии постдипломного образования принципиально нового формата». В материале «ЮУрГУ поднялся в рейтинге Webometrics почти на 1500 позиций», размещенном на официальном сайте университета [12], подробно разъясняется методология рейтинга, описываются его индикаторы и веса, при этом в начале текста дан короткий вводный комментарий, а в конце помещена более частная информация о рейтинге.

Из приведенных примеров и корпуса изученных нами медиатекстов видно, что кроме общенаучной терминологии и терминологии, относящейся к области знания, о которой рассказывается в материале (инжиниринг, интеллектуальный анализ данных, молекулярные механизмы, хронический эмоциональный стресс и др.), в медиатекстах о ЮУрГУ в Проекте 5-100 репрезентирована специальная лексика Программы. Нами обнаружено 83 единицы специальной лексики Программы 5-100, которые условно можно разделить на четыре тематические группы:

1) «стратегические положения Программы»:

вуз-победитель, высокотехнологичная компания, «дорожная карта» программы, ключевые показатели эффективности Программы (основные и дополнительные), миссия ЮУрГУ, Проект 5-100, междисциплинарные прорывные направления исследований, проектный офис программы 5-100, рабочая группа, ребрендинг, референтная группа мировых университетов, Международный Совет, система стратегических инициатив, цель развития кадрового потенциала ЮУрГУ и пр. Например, в сюжете ТРК «ЮУрГУ-ТВ» «Первый день заседания МНС» [13] сообщается о том, что **Международный научный Совет** оценил 11 разработок учёных Южно-Уральского госуниверситета;

2) «кадровый и научный потенциал ЮУрГУ»:

академическая мобильность, руководящие должности вуза, НПП, стажер-исследователь, стажировка, ППС, PhD и пр. В приведенном выше материале [13] использована лексика не только из первой, но и из второй тематической группы. Автором сообщается, что «одной из главных задач является повышение **академической мобильности**»;

3) «образовательная и научная деятельность»: новая образовательная программа, опытно-конструкторский проект, научно-исследовательский проект, повышение квалификации, программа академической мобильности, LMS, MOOC, интранет, информационно-аналитическая система «Универсис», платформы edX и Coursera, Web of Science, Scopus, реферируемый научный журнал, российский индекс научного цитирования, цитируемость, центр превосходства и пр. В сюжете ТРК «ЮУрГУ-ТВ» «Центр компьютерного инжиниринга появится в ЮУрГУ» [14] говорится, что создание нового центра «привлечет дополнительное финансирование **научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ**»;

1) ведущих всемирных рейтингов университетов:

рейтинг *Webometrics*, рейтинг *QS*, индекс Хирша, ведущие российские и зарубежные университеты и ведущие российские и зарубежные научные организации и пр. В начале и в конце медиатекста «ЮУрГУ поднялся в рейтинге **Webometrics** почти на 1500 позиций» [12] подробно разъясняется **методология рейтинга**, описываются его **индикаторы и веса**, а в материале «Встреча представителей *QS* и высшего руководства ЮУрГУ» [15] сообщается, что **рейтинг *QS*** является одним из индикаторов положения ЮУрГУ в международном научно-образовательном пространстве». В сюжете ТРК «ЮУрГУ-ТВ» «Семинар по рейтинговым системам» [16] рассказывается об обучающем онлайн-семинаре от экспертов международного рейтингового агентства **Round University Ranking** и **методологии** расчетов показателей оценки вузов, который прошел в ЮУрГУ. В тексте использована и другая лексика Программы: **международные рейтинги, международные партнеры, ведущий мировой центр**.

Результаты исследования подтверждают тезис о влиянии изменений, вызванных участием ЮУрГУ в Проекте 5-100, на коммуникативную сферу вуза. Популяризация научного знания, информирование аудитории о научных открытиях и достижениях научно-производственной сферы происходят благодаря работе журналистов и сотрудников пресс-служб научных организаций. Результатом работы являются научно-популярные медиатексты, которые помогают в установлении социальных контактов между учеными, специалистами и неспециалистами. Эффективное информирование аудитории требует от медиаспециалиста высокой компетентности в освещаемом вопросе — знание специфики темы, основных направлений исследований, владение терминологией.

Мы полагаем, выводы, полученные в ходе исследования, помогут повысить качество научно-популярных медиатекстов университетских СМИ, дадут возможность вузам — участникам Проекта 5-100

улучшить внутреннюю и внешнюю коммуникационную политику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дускаева Л. Р. Интенциональность медиаречи: онтология и структура / Дускаева Л. Р. // Медиатекст как полиинтенциональная система сб. статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. — СПб. : СПбГУ, 2012. — С. 10–17.
2. Лободенко Л. К. Специфика медиатекста региональных интернети-СМИ / Л. К. Лободенко, О. Н. Зайкова // Вестник ЮУрГУ. Серия лингвистика. — Челябинск, 2015. — Т12. — №4. — С. 38-44.
3. Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста / М. Ю. Казак // Современный дискурс-анализ. — Режим доступа : <http://discourseanalysis.org/ada6/st42.shtml>
4. Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» / Г. Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — М., 2005. — № 2. — С. 7 — 15.
5. Мельник Г. С. Mass Media: Психологические процессы и эффекты / Г. С. Мельник. — СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1996. — 160 с.
6. Рогозина И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект / И. В. Рогозина. — Москва-Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2003. — 289 с.
7. Прозоров В. В. Власть современной журналистики, или СМИ наяву / В. В. Прозоров. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. — 240 с.
8. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов / Т. Г. Добросклонская. — М. : УРСС, 2005. — 288 с.
9. Минакова Н. А. О языке и стиле научно-популярного медиатекста / Н. А. Минакова // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — М., 2011. — № 4. — С. 27–34.
10. Воронова А. В. О некоторых лингвистических особенностях газетных медиатекстов / А. В. Воронова, Н. А. Минакова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. М., 2014. — № 3. — С. 71–75.
11. Инновации в подготовке диссертаций: в ЮУрГУ запускаются программы аспирантуры по модели двойного кураторства. — Режим доступа : <http://www.susu.ru/ru/news/2016/12/29/innovacii-v-podgotovke-dissertacii-v-zapuskayutsya-programmy-aspirantury-po-modeli> (дата обращения 4.01.2017).
12. ЮУрГУ поднялся в рейтинге *Webometrics* почти на 1500 позиций. — Режим доступа : <http://www.susu.ru/ru/news/2016/08/02/podnyalsya-reytinge-webometrics-pochti-na-1500-poziciju> (дата обращения 6.08.2016).
13. Первый день заседания МНС. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=Nwc9Z0wx4po> (дата обращения 2.11.2016).
14. Центр компьютерного инжиниринга появится в ЮУрГУ. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=NI0V2U9cS-0> (дата обращения 7.07.2016).
15. Встреча представителей *QS* и высшего руководства ЮУрГУ — Режим доступа : <https://www.youtube.com/>

watch?v=fpLBISW8s-I (дата обращения 14.02.2016).

16. Семинар по рейтинговым системам. — Режим

доступа : https://www.youtube.com/watch?v=s_thiBxgkCw

(дата обращения 27.12.2016).

Южно-Уральский государственный университет

Золотова Е. С., кандидат филологических наук, доцент

кафедры журналистики и массовых коммуникаций

E-mail: zolotko74_87@mail.ru

South Ural State University

Zolotova E. S., Candidate of Philology, Associate Professor

of the Journalism and Mass Communications Department

E-mail: zolotko74_87@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИТОНИМОВ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А. А. Кадымова

Бакинский славянский университет

Поступила в редакцию 17 мая 2017 г.

Аннотация. *данная статья посвящена фитонимическому пространству русского и азербайджанского языков и классификации их на основе лексико-семантических признаков: деревья, кустарники, цветы и т. д.*

Ключевые слова: *фитоним, семантика, фразеологические единицы, словообразование.*

Abstract: *the article is devoted to the analyses of phytonyms of Azerbaijani and Russian languages. It gives important information about lexical-semantic properties of phytonyms: trees, bushes, flowers, cultivated fruits trees.*

Keywords: *phytonyms, semantics, phraseological unit, derivation.*

Понятием картина мира пользуются многие ученые XX и XXI вв. Данное понятие в основном связывалось лингвистами с понятием *научное познание, научная картина мира* и воспринималось как элемент системы научного знания, познания. М. Хайдеггер считал, что понятие картина мира, прежде всего, у человека ассоциируется с отображением чего-либо, но «картина мира ... означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина» [1, 41–42].

Исследование культурных особенностей русского и азербайджанского этносов в языковой картине мира позволяет увидеть, каким образом каждый национальный язык отражает тот или иной способ восприятия мира. «Природа, климат, рельеф местности, где складывается этнос, — всё это способствует появлению «стереотипа поведения», именуемого национальным характером» [2, 87].

Особое место среди лексико-тематических групп занимают фитонимические единицы, использование которых в различных областях жизни любого этноса является весьма значительным. Анализ словарного материала и исследование семантических особенностей фитонимов, функционирующих в фитонимическом пространстве русского и азербайджанского языков, позволяет классифицировать их по лексико-семантическим группам и подгруппам и выявить эквивалентные фитонимы.

Самую большую и разнообразную группу составляют наименования деревьев и кустарников. Деревья и кустарники могут произрастать в лесу и вне леса: а) быть вечнозелеными — *zeytun* — олива, маслина; *dəfnə* — лавр, *dəfnəgilas*, *dəfnəgilanar* —

лавровишня; *qvaуula* — гваяула — каучуконосный кустарник; б) вечнозелеными хвойными — *küknaг* — ель; *qaraçöhrə* — тис/тисс; *ardıc*/эг-эг-можжевельник; *qaraşam* — лиственница; в) листопадных: *dağdağan* — каркос; *kibrə*; *lələk* — гледия, гледичия; безлиственных: *saksaul* — саксаул.; *qayınağacı* — клён; *dəmirəğac* — железное дерево; *qovaq* — тополь/эбриşin — пирамидальный тополь и т. д.

Особую группу составляют фитонимы-кустарники и полукустарники, которые представляют собой многолетние деревянистые растения, отличающиеся от деревьев тем, что вместо главного ствола имеют несколько или много стеблей: *findıq* — фундук; *andromeda* — андромеда; *bağambur* — омега; *güyəmə* — обвойник; *başınağacı* — калина; *üvəz*, *quşarmudu* — рябина; *meşə gilası* — черемуха; *qaramurdarça* — свидина; *qlöksiniya* — глоксиния и т. д.

Следующую группу составляют фитонимы культурных фруктовых деревьев и их плоды: *berqamot* — бергамот; *incir/əncir* — инжир, фи́га, смоковница, смква, винная ягода; *cancul* — слива; *mirabel* — марабел — вид сливы; *alca* — алыча; *əkəşi* — сорт алычи; *qoz/ceviz* — грецкий орех; *tut* — шелковица и т. д.

В эту группу растений входят также экзотические фрукты. Цитрусовые фитонимы составили группу фруктов, произрастающих в жарких странах, употребляемые в пищу и используемые в кондитерском производстве, парфюмерии: *portağal* — апельсин; *naringi* — мандарин; *narınc* — померанец; *limon* — лимон и т. д. Среди растений ягодной флоры немало древовидных, кустарниковых и травянистых: *doqquzdon* — жимолость; *sarı böyürtikan* — морошка; *mərcangilə* — брусника; *böyürtkən* — ежевика; *quşüzümü* — клюква; *şimalmoruğu* — костяника и т. д.

Отдельную группу составляют наименования травянистых растений. Особо среди них выделяют съедобная огородная зелень и травы-приправы, которые на основе острых вкусовых качеств используются для приправ и при изготовлении консервов: *səfəri* — петрушка; *keşniş* — кориандр, кинза, кишнец; *şüyüd* — укроп, салат; *şonu/ispanaq* — шпинат; *tərxum* — тархун, эстрагон; *zirə* — тмин; *vəzəri*, *qıscı* — кресс-салат; *qıtıqotu* — хрен; *safran* — шафран и т. д.; названия сорняков, кормовых растений, технических культур, а также растений, используемых в производстве: *vika* — ви́ка; *barıncı/xəşəmbül* — донник; *qırtıc* — мятлик; *baldırğan* — борщевик; *poruq* — чистец; *ağot*, *сеураноту* — ковыль, клевер; *ritraq* — дуришник, лопух; *andız* — девясил; *ayrıq* — пырей и т. д.

Фитонимы злаковых культур: *taxıl* — пшеница; *çumiza* — чумиза; *vələmir* — овёс; *çiyulaf* — овсяница; *darı* — просо; *çovdar* — рожь; *arpa* — ячмень; *şəşəgi* — яровой ячмень; *düyü* — рис и т. д.

Названия бобовых культур: *lobya* — фасоль, бобовый стручок; *mərci* / *mərcimək* / *mərci* / *ədəşə* — чечевица, *poхуд* — горох, нут и т. д. Названия огородных и бахчевых культур: *kartof* — картофель, *kələm* — капуста, *romidor* — помидор; *xiyar* — огурец; *badımcan* — баклажан; *qabaq* / *boranı* / *kudu* — тыква и т. д.

Овощи-корнеплоды являются растениями со съедобными корешками: *şalğam* — репа/ брюква; *qırmızı turp* — редиска; *ağ turp* — редька; *kök/zərdə* — морковь, *çuğundur/pazı/zılx* — бурлак, свекла, кормовая свекла и т. д.

Цветы широко использовались для выражения чувств, а их названия даже представляли собой искусственный язык. Примером этого служит «Селам» — язык цветов, которым пользовались в Турции. Наименования растений и цветы этих растений, садовые цветы в языке составляют наиболее обширную лексико-грамматическую группу: *astra* — астра; *piön* — пион; *qınqılıc*, *qladiolus* — гладиолус, шпажник; *küsdüm/mimozə* — мимоза; *nilufər* — кувшинка, водяная лилия; *kameliya* — камелия; *nəsrin* — жонкиль; *sənubər/yasəmən* — сирень; *bənövşə* — фиалка; *alabəzək bənövşə* — иван-да-марья; *qızılqül* — роза; *lalə* — мак; *zanbaq* — лилия; *xaşxaş* — мак; *zərifcə* — нежник и т. д.

Некоторые цветы прорастают в разное время года, суток, что также послужило поводом давать название растению и тем самым отразить зависимость фитонимов от окружающей природы. Примером этого могут послужить следующие названия: *paуızgülü* — хризантема; *novruzkülü* / *qarkülü* — подснежник; *qarçısəyi* — пролеска; *qışçısəyi* — зимозвет; *sabahgülü* — бархатцы; *şehçısəyi* — росянка; *qesəçısəyi/qesəbənövşəsi* и т. д.

Среди фитонимов имеется незначительное количество наименований водорослей, лиан, мхов:

uovsun — водоросль; *kaulerpa* — каулерпа; *laminariya* — ламинария, морская капуста; *liana* — лиана; *məğəvcə/məğovça* — сассапариль (а); лишайник; *şibiye* — лишайник; *sarmaşiq* — плющ; *tamır* — мох и т. д.

Названия грибов среди растений составляют определенную лексико-семантическую группу. Многие виды грибов активно используются человеком в пищевых, хозяйственных и медицинских целях. Они подразделяются на съедобные, несъедобные, ядовитые: а) съедобные грибы, которые можно без риска для здоровья употреблять в пищу: *ağ göbələk* — белый гриб; *ağ göbələk* — боровик; *ağ göbələk* — груздь; *lövhlilər* — пластинчатые грибы; *dombalan/yerdombalanı* — трюфель; *quzugöbələyi* — сморчок; *şampinyon* — шампиньон; б) несъедобные грибы, которые по тем или иным причинам не являются пригодными для употребления в пищу: *acı göbələk/qırmızı çayır göbələyi* — волнуха / волнушка; *çvinüşka* / *acı göbələk* — свинушка / свинуха и т. д.; в) ядовитые грибы — главным отличительным признаком, которых является наличие в них смертельно опасных веществ: *zəhərli göbələk* — мухомор; *sinəqaran* — мухоловка; *zəhərli göbələk* — поганка и т. д.

Из-за распространенности грибов в России в русском языке каждый гриб имеет отдельное название: боровик, груздь, трюфель, лисички, рыжик и т. д. Мотивированность названий грибов, как всех растений, связана с их внешним видом (сморчок — съедобный гриб с морщинистой шляпкой; пластинчатые грибы), местом произрастания (подосиновик, подберезовик / березовик), способ применения растений (сыроежка). В азербайджанском языке для номинации грибов используются в основном словосочетания, одним из составляющих которого является компонент *göbələk* / *göbələy* / гриб, а у несъедобных — *acı*: *acı göbələk* / горький гриб, а у ядовитых грибов — *zəhərli*: *zəhərli göbələk*.

Лексико-семантические группы фитонимов выделяются по экстралингвистическому признаку, но в то же время они разнятся по составляющим единицам этих групп.

Фитонимы русского языка в основном простые по своей структуре, азербайджанского языка — как простые, так и сложные. В русском и азербайджанском языках среди наименований растений встречаются тождественные латинские наименования: *saksaul* — саксаул; *bam-buk* — бамбук; *evkalipt* — эвкалипт; *evkommiya* — эвкоммия; *qvayula* — гваюла; *bakaut* — бакаут; *melissa* — Melissa, которые в количественном отношении значительно уступают национальным названиям фитонимов.

Фитонимы, как один из фрагментов языковой картины мира, могут передавать этнокультурную информацию, отражая народное восприятие растительных реалий, например: *dəutəmənə* — нетроньменя, недотрога — травянистое растение

с очень чувствительными листьями; küsdüm / mímiza — мимоза — листья некоторых видов которого свертываются при прикосновении; qıncılıc,qladiolus — гладиолус, шпажник — листья которого напоминают шпагу; ađkırđık — ромашка и т.д. Растения в исследуемых языках могут иметь 2 и более синонимичных наименования: şomu / ispanaq — шпинат; çuđundur / razı — бурак, свекла, кормовая свекла; bibər/istiot — перец; qabaq, kudu — тыква; qaysi/ərik — абрикос и т. д.

В русском языке имеются многочисленные фитонимы тюркского происхождения: алыча, шафран,

фундук, баклажан, арбуз, кабачок, тут, кизил, финик, инжир, хна, бергамот, кунжут и т. д.

Фитонимическое пространство в языковой картине мира отражает принцип «язык-культура-этнос».

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Время картины мира / Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. — М. : Республика, 1993. С. 41-62.

2. Хроленко А.Т. Этнос — язык — культура / А. Т. Хроленко. — Курск : Изд-во КГПУ, 1996. — 116 с.

Бакинский славянский университет

Кадымова А. А., диссертант кафедры общего и русско-го языкознания

E-mail: renatagiyeva@mail.ru

Baku Slavic University

Kadymova A. A., Postgraduate Student of the General and Russian Linguistics Department

E-mail: renatagiyeva@mail.ru

МИФ, ОТ ИСТОКОВ К АВТОРСКОЙ МИФОЛОГИИ

Е.Ю. Капишникова, В.Л. Темкина

Оренбургский государственный университет

Поступила в редакцию 16 декабря 2016 г.

Аннотация: статья посвящена изучению мифа и мифологии в мировой культуре, а также возрождению мифологической традиции в литературе XX века и появлению новой, авторской мифологии на примере творчества Дж. Р. Р. Толкина.

Ключевые слова: миф, мифология, мифотворчество, мифология Севера, Дж. Р. Р. Толкин.

Abstract: the article is devoted to the study of myth and mythology in world culture, to the reappearance of mythological tradition and introduction of new mythology in literature of XX century.

Key words: myth, mythology, mythmaking, Norse Mythology, J. R. R. Tolkien.

«... мы вышли из мифа и возвратимся к мифу»

«Миф» — один из широко употребляемых терминов в ряде гуманитарных наук, которые изучают язык, историю, культуру, религию, искусство, философию и ряд других аспектов духовной культуры человечества. Этимологически слово «миф» имеет индоевропейский корень (*meudh— / mudh-*), обозначающий *заботу о чем-то, страстное желание чего-то*. В древнегреческой культуре это слово имело множество значений, так Гомер определял «миф» как *мысль, приказ, совет, намерение, цель* и т. д., а Гесиод под словом «миф» имел в виду *нечто важное*, причем это важное могло быть и правдой, и ложью [1].

Позже в древнегреческом языке появилось множество других значений слова «миф» — *миф как речь, миф как вымысел, полупоэтическое предание о жизни предков, воображение, ложь, слух* и др. В дальнейшем появился термин «мифология» как *процесс изложения мифа, совокупность мифов народа, а также рассуждение о мифах и их изучение*.

С течением времени спектр значений слова сжался. Средневековье оставило свой отпечаток на понятие «миф», сузив его значение до обозначения языческих верований или форм фольклорного творчества, наделенных отрицательными оттенками [2].

В XX веке наблюдалась тенденция к полисемантизации термина «миф», и в современной культуре можно заметить его многозначность. В наше же время широко распространена идея, заложенная в просветительском рационализме Гегеля и Маркса, о том, что миф — это давно пройденный этап культуры. Но так ли это? Можно ли согласиться с этим, когда идея, зародившаяся еще в трудах Дж. Вико и Ф. Ницше, о циклическом возвращении мифа в культурно-исторический процесс, ярко выражена в современной культуре (в кинематографе, литера-

туре, искусстве) [1]. К этой идее также примыкает парадоксальная мысль о том, что место мифа — не столько в прошлом или настоящем, сколько в будущем, и человечество рано или поздно снова *возвысится* до мифа. Миф невозможно создать насильно, он был действительностью и, может быть, снова ей станет. Когда человечество исчерпает все свои интеллектуальные возможности, в конце пути оно снова узрит миф.

Русский философ и филолог А. Ф. Лосев утверждал, что миф сам по себе является необходимой категорией мысли и жизни, и в нем нет ничего случайного, ненужного или выдуманного. По мнению Лосева, миф — это реальность, это и есть та самая жизнь со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и отчаяниями, со всей ее повседневностью [3].

В истории духовной культуры человечества миф занимал и занимает в наше время особое место. За многообразием значений этого слова скрыта целая сфера духовности, так как мифологическое пространство можно расценивать как пространство души. В истории культуры миф — первая форма сознания первобытной родовой общины, ее способ мировоззрения и восприятия окружающего мира [4], ведь миф это не просто образы, которые возникли в сознании отдельно взятого индивидуума, а образы, которые закрепились в слове и стали достоянием целого коллектива [5].

МИФОЛОГИЯ КАК НАУКА

Мифология как наука изучает мифотворческую деятельность сознания, которая сопровождает всю историю первобытного и цивилизованного человечества с его развитыми формами культуры [1]. Для первобытного человека мифы не являлись литературными произведениями, они были отражением его сознания, определяли его психическое состояние и, как следствие, состояние окружающего мира, а также состояние коллективное, которое человек

испытывал не поодиночке, а совместно.

Французский философ и антрополог Л. Леви-Брюль утверждал, что в мифе первобытный человек обретал сопричастность социальной группы с его собственным прошлым, слушая миф, группа чувствовала себя мистически сопричастной с тем, кто сделал это племя таким, какое оно есть [6]. При поверхностном рассмотрении истории духовной культуры человечества можно сказать, что мифотворчество — это не только остаточное явление первобытного мифопоэтического величия, но и проявление недостаточно изученных особенностей духовности, которые кроются глубоко внутри нас [1].

Специалист в области теории развития и философии В. М. Найдыш утверждал, что мифология как научно-рациональное постижение сущности, содержания и форм мифотворчества имеет довольно длительную историю [1]. Мифология как наука развивалась на протяжении двух с половиной тысячелетий, и в ней можно выделить несколько периодов развития — *периоды расцвета мифологии* (для них характерны ремифологизация сознания, когда влияние рационального на сознание ослабевает, а наука и ее роль в жизни общества воспринимаются критически) и *периоды упадка мифологии* (для них характерны демифологизация сознания и укрепление рационального в сознании общества) [2].

С развитием рациональности сознания человека начали складываться условия для превращения мифа в предмет теоретического изучения и возникновения научно-рационального постижения мифотворчества. Первые попытки рационального осмысления мифологии можно найти еще в древнегреческой культуре [1] — древнегреческий поэт Гесиод в своем труде *«Теогония»* пытался «привести в систему отдельные мифы гомеровской эпохи и придать им нравственно-богословский колорит» [7].

Средние века были эпохой взлета рациональности и первых научных успехов. Основой средневековой культуры стало религиозное мировоззрение и, как следствие, все античное было потеряно или забыто. Ветхий и Новый заветы были трактованы теологами средневековья буквально, подрывая значимость мифологии и низводя античных богов до бесов [4]. Миф воспринимался как языческое невежество, а мифология была дискредитирована [8].

В эпоху Возрождения в мифологии увидели выражение чувств и страстей человеческой личности. Миф стали трактовать аллегорически. Большое значение для развития мифологии сыграло открытие Америки в XV веке — знание о ней обогатилось знанием культуры американских индейцев. Появились первые предпосылки сравнительной мифологии — основатель сравнительно антропологии Жозеф-Франсуа Лафито в 1724 году написал книгу *«Нравы американских дикарей в сравнении с нравами древних времен»*, в которой пытался сопоставить североамериканских индейцев и их культуру с древними греками [4]. В это же время итальянский философ Дж. Вико в своем сочинении *«Основания новой науки об общей природе наций»* называет мифологию «*божественной поэзией*» и говорит, что своеобразие мифологии связано с неразвитыми формами мышления, которые характерны для детской психологии [9].

В эпоху Просвещения был сделан шаг назад. Это было связано с тем, что французские просветители, такие как Б. Фонтенель, Вольтер, Д. Дидро и Ш. Монтескье рассматривали мифологию как суеверие, они видели в ней продукт невежества и обмана. Немецкий философ И. Г. Гердер стал переходной ступенью от критических суждений просветителей. Гердер шагнул навстречу романтизму — рассмотрев мифы разных народов, изучив их поэтичность и национальное своеобразие, увидел в них народную мудрость. В Романтизме мифология занимала место между природой и искусством [4]. Для романтиков миф стал той категорией, которая способна объединять в себе нечто реальное и фантастическое, идеальное и материальное [8].

В первой половине XIX века начинается эпоха конкретно-научного изучения мифотворчества: формируются эмпирические и теоретические подходы к изучению мифологии, начинают накапливаться эмпирические данные о мифах разного времени и различных народов первобытности и до наших дней. Все это позволило выявить закономерности для первобытного и современного мифотворчества [1]. Во второй половине XIX века немецкий философ и классический филолог Ф. Ницше призвал обратиться к утраченным силам мифа как к источнику обновления человека и культуры. В своем труде *«Рождение трагедии из духа музыки»* он писал: «...без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы: лишь обставленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в законченное целое. Все силы фантазии и аполлонических грез только мифом спасаются от бесцельного блуждания» [10].

Развитие научных представлений о мифе связано и с исследованиями в области лингвистики. Советские ученые А. А. Потемня и А. Н. Афанасьев, англо-немецкий филолог М. Мюллер исследовали роль языка в создании конкретных мифов и происхождении мифологии в целом [4]. М. Мюллер рассматривал мифологию как продукт деградации языковых процессов, он говорил, что «*мифология, бывшая отравой древнего мира, есть, в самом деле, болезнь языка*» [11].

Теоретический уровень, который нацелен на постижение сущности мифотворчества, сегодня развивается, но, к сожалению, здесь еще мало целостности и единства. Для достижения теоретической целостности, внутренней организованности и систематичности необходимо создание единой теории

мифа. В настоящее время мифология как наука находится на пути к единой теории — предстоит работа по решению ряда непростых научных и философских проблем [1].

МИФОЛОГИЯ СЕВЕРА

Всякая мифология есть отражение народа, ее создавшего. Это отражение ценностей и анти-ценностей, принятых народом. Еще один важный компонент, который характеризует мифологию того или иного народа — среда обитания. Чем дальше продвигаемся на север Европы, тем суровее мифология — боги становятся более жестокими, битвы кровопролитнее, а судьбы безнадежнее. Мифология скандинавов — наиболее яркий образец такого «нагнетания» и «нарастания драматизма» [12]. Атмосферу мифологии Севера очень точно описал русский поэт И. А. Бунин в своем стихотворении «Один»:

*Он на Запад глядит — солнце к морю спускается,
Светит по морю красным огнем.*

*Он застыл на скале — ветхий плащ развевается
От холодного ветра на нем.*

*Опираясь на меч, он глядит на багровую
Чешую беспредельных морей.*

*Но не видит он волн — только думу суровую
Означают изгибы бровей.*

*Древен мир. Он древней. Плащ Одина, как ветрище,
Ржа веков на железном мече...*

*Черный ворон Хугин, скорбной Памяти детище,
У него на плече [17].*

Первые сведения по мифологии западных германцев появились в труде древнеримского историка Тацита «Германия» (1в. н. э.), где упоминалось о ряде богов, сопоставимых с богами скандинавской мифологии [13]. Первые упоминания о Скандинавии относят к античности, когда древнегреческие моряки, совершая плавания на север, рассказывали о Фуле Крайней (для греков слово Фула значило «предел познанного мира») — возможно, это были западные земли современной Норвегии или Исландии [12].

В мировой истории скандинавы заявили о себе немного позже. Северные варвары «ворвались» в Европу, начав свои завоевания с фризов и саксов. Их стали называть норманнами («северные люди»). Появление в Европе «северных людей» в корне изменило ее этническую карту, а также направление развития истории и культуры. Если раньше цивилизация развивалась с Юга на Север (Юг принес на Север утонченную культуру, технический прогресс и религию), то теперь Север «выплеснул» на Европу всю свою пассионарность. Норманны наладили морское сообщение на Балтике, в Северном море, укрепились на землях от Нормандии до Испании и от Новгорода до Нормандии и утвердили свой кодекс

чести и веру, которая позже получила название «мифология викингов».

Скандинавская мифология — это совокупность мифологических представлений древних скандинавов второй половины II тыс. до н. э. — I тыс. н. э.; она является ветвью древнегерманской мифологии [14].

Систематические данные по скандинавской мифологии охватывают лишь последние столетия до принятия Северной Европой христианства. Они отражены в главных литературных источниках — исландских сагах:

«*Старшая Эдда*» (сборник мифологических и героических «песен», который дошел до нас в рукописи, датируемой 2-й половиной XIII века);

«*Младшая Эдда*» (учебник поэтического искусства скальдов, составленный исландцем Снорри Стурлусоном, который содержит образцы поэзии скальдов начиная с IX века, расшифровку скальдических мифологических иносказаний или кеннингов и обзор мифологии в целом) [15].

В 1000 году Исландия была христианизирована и все мифологические сюжеты были трактованы Снорри Стурлусоном как аллегории. Одновременно с ним работал датский хронист Саксон Грамматик. Его работа «*Деяния датчан*» посвящена мифологическим сюжетам, в которых боги заменены королями и героями. Можно утверждать, что от всех известных Европейских мифологий, Скандинавская отличается наибольшей структурированностью [15].

Во временном аспекте скандинавская мифология делится на космогоническую (мифы о сотворении мира) и эсхатологическую (мифы о гибели мира). За пределами мифов о творении и гибели мира находятся многочисленные повествования о борьбе Богов с великанами (ётунами), карликами (цвергами) и др. [13].

Румынский историк М. Элиаде в своем труде «*Миф о вечном возвращении*» писал: «*Все повторяется до бесконечности и на самом деле под солнцем не случается ничего нового. Но это повторение <...> придает событиям реальность*» [16]. Этот круг вечного возвращения является основным мифологическим принципом, на котором построена скандинавская мифология. Для нее характерно одновременное бытование в двух измерениях:

первое измерение — это «здесь и сейчас»;

второе измерение наполнено временем внутренней мифологической системы, которое определяет и описывает эту систему (ее возникновение, развитие и гибель).

Вся скандинавская мифология, все действия богов и героев подчинены единому эсхатологическому сюжету, согласно которому неизбежна гибель мироздания в языках пламени или во вселенской стуже. Именно этот четкий сюжет отличает скандинавскую мифологическую систему от других индоевропейских систем [12].

НОВАЯ МИФОЛОГИЯ

Идея создания «новой мифологии» была выдвинута еще на рубеже XVIII–XIX веков. Она принадлежала теоретикам немецкого романтизма Ф. Шеллингу и Ф. Шлегелю. В это же время, независимо от немецких ученых, английский поэт Уильям Блейк предпринял первую практическую попытку осуществления этой же идеи. Здесь же стоит упомянуть шотландского писателя Дж. Макферсона и его, стилизованное под старину, произведение «*Поэмы Оссиана*», которое читатели восприняли как древний мифолого-героический эпос. Эти новаторские попытки мифотворчества не были по достоинству оценены ни читателями, ни критиками. Литература продолжала развиваться в ключе реализма XIX века [18].

В XX веке миф возвратился в литературу и был призван «заставить мир архаики и мир цивилизации объяснять друг друга» [19]. Мифологизм явился отличительной чертой литературы XX века, и это проявлялось не только в использовании мифологических сюжетов, образов или мотивов. Миф создавал иное мироощущение, позволяя выйти за социально-исторические и пространственно-временные рамки. Эта тенденция легко прослеживается в таких произведениях XX века как «*Улисс*» Дж. Джойса, «*Сто лет одиночества*» Г. Гарсиа Маркеса, «*Иосиф и его братья*» Т. Манна, «*Властелин Колец*» Дж. Р. Р. Толкина.

Толкин был уверен, что человеческое воображение способно мифологизировать любое памятное для него событие. Его творчество занимает особое место в литературе XX века — он создал первую в истории литературы целостную авторскую мифологию, воображаемый мир со своей «книгой бытия», историей, историческими хрониками, географией и даже языками. В мировой литературе нет аналога столь тщательно продуманному и проработанному вымышленному миру. Появление его романа «*Властелин Колец*» во второй половине XX века сыграло важную роль в становлении современного художественного мифотворчества.

В XX веке русский философ А. Ф. Лосев писал, что «*миф есть наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в наибольшей степени напряженная реальность. Это не выдумка, но — яркая и на самом деле оригинальная действительность*» [20]. А немецкий философ Ф.В. Шеллинг в свое время утверждал, что мифология должна обладать абсолютной объективностью и быть вторым миром [21]. Эту идею можно проследить и у Толкина — в эссе «*О волшебных сказках*» он рассуждал о создании «вторичного мира» и об авторе-творце. Перед автором встает задача сделать Вторичный мир максимально правдоподобным и из выдумки превратить в «наиболее яркую и подлинную действительность» [3].

Практически любой Вторичный Мир построен на основе мифа, так как именно миф помогает скон-

струировать внутренне убедительную, логичную и достоверную вселенную. Вторичный Мир можно сконструировать, переосмысляя традиционные мифы или используя их отдельные элементы. Нередко писатели создают собственную мифологию или переносят мифологических героев в современный мир. Писатель становится успешным «вторичным творцом». Он создает Вторичный Мир, в который получает доступ ваш разум. И в его пределах все, что рассказчик рассказывает, — «истинно» и согласуется с законами этого мира. Вы верите каждому слову, пока находитесь, так сказать, внутри, как только возникает недоверие — чары рушатся, магия (или скорее искусство) терпит неудачу, и вы снова оказываетесь в Первичном Мире, и глядите на жалкий, несостоявшийся Вторичный Мир извне [21].

Толкин говорил, что при создании Вторичного Мира важно породить Вторичную веру — «*любой человек может сказать, что солнце зеленое, но для того, чтобы создать Вторичный Мир, в пределах которого зеленое солнце покажется правдоподобным и породит Вторичную Веру, потребуется и труд, и работа мысли, и всенепременно — особое умение, что-то вроде эльфийского мастерства. Немногие берутся за дело столь непосильное. Однако когда попытка предпринята и цель отчасти достигнута, тогда перед нами — редчайшее из произведений*» [22].

МИФОТВОРЧЕСТВО ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА

Широко распространен тот факт, что Британия лишена собственной мифологии. Причина тому — географическое положение этой страны. Хорошо известно, что географический статус Британии — остров. Именно поэтому мифологическая Британия «впитывала» мифологии народов, ступавших на ее земли — кельтов, германцев, скандинавов, римлян и даже христианскую мифологию. Эта несправедливость не давала покоя ряду исследователей, историков и писателей, в том числе и английскому филологу и писателю, профессору Оксфордского университета Дж. Р. Р. Толкину. Он писал, что с самого детства его огорчала нищета его собственной страны — отсутствие собственных преданий того качества, что есть в мифологии других стран: «*Есть эпосы греческие и кельтские, романские, германские, скандинавские и финские; но ровным счетом ничего английского, ежели не считать дешевых изданий народных сказок*» [4].

Толкин видел причину бедности мифологической традиции его родной страны и в драматических последствиях Нормандского завоевания XI века, когда французская языковая экспансия стала трагедией для англосаксонского языка и культуры. Исконная британская культура распалась после битвы при Гастингсе, древнеанглийская героическая традиция была утеряна, за исключением англосаксонской эпической поэмы «*Беовульф*». Толкин не хотел

верить, что англосаксонский миф исчез. У него появилась мысль о создании альтернативной мифологии, какой могла стать мифология англосаксонского общества, если бы не Нормандское завоевание и не смешение английского и французского языков.

Толкин понимал мифотворчество по-своему и говорил о грандиозном мифопоэтическом замысле, осуществлению которого он посвятил всю жизнь: *«Некогда я задумал создать цикл более-менее связанных между собою легенд — от преданий глобального, космогонического масштаба до романтической волшебной истории; так, чтобы более значительные основывались на меньших в соприкосновении своем с землей, а меньшие обретали величие на столь величественном фоне; цикл, который я мог бы посвятить просто стране моей, Англии. Одни легенды я бы представил полностью, в деталях, но многие наметил бы только схематически, как часть общего замысла. Циклы должны быть объединены в некое грандиозное целое — и, однако, оставлять место для других умов и рук, для которых орудиями являются краски, музыка, драма»* [4].

В XIX веке британский историк и ученый У. Томс, автор термина «фольклор», выдвинул идею, что мифологию можно воссоздать *«...путем собирания бесконечного множества мелких фактов, относящихся к древним нравам, обычаям, обрядам, суевериям, балладам, пословицам и т. д., фактов, которые подобны колоскам, разбросанным по сжатому полю. Хотя многое полностью исчезло, столь же многое рассыпано в памяти тысяч и тысяч людей»* [23]. Можно сказать, что Томс описал труд всей жизни Толкина в одном предложении, так как основным мотивом мифотворчества последнего была попытка создать единый и целостный воображаемый мир.

Мир Средиземья, который Толкин изобразил в трех своих главных произведениях *«Сильмариллион»* (1977), *«Хоббит, или Туда и Обратно»* (1937) и *«Властелин Колец»* (1955) является первым в своем роде. Подобного шедевра мировая литература еще не видела. Толкину удалось создать свою собственную (авторскую) мифологию, которая поражает своей точной проработкой, сложностью повествования и абсолютной точностью. Мифологии Толкина не хватает лишь одной черты классического мифа — временных рамок, т. е. момента в истории, когда его Вторичный Мир мог бы существовать. Это позволило бы читателю поверить, осознать, что *Средиземье* создано не искусственно.

Толкин конструировал свой собственный миф на основе главных принципов и функций мифологии. Он разрабатывал собственные мифологические сюжеты, символы и образы, своих мифологических героев, основываясь на сюжетах северной мифологии: *«Магия, и мифология, и вымышленная «история», и большинство имен почерпнуты из неопубликованных измышлений, известных только моим до-*

машином. На мой взгляд, они придают повествованию ощущение «реальности» и включают в себе нечто северное. Однако не знаю, стоит ли подводить доверчивых простецов к мысли о том, что все это заимствовано из «древних книг», или подталкивать просвещенных к искушению разъяснить, что это не так» [4].

Замысел Толкина может быть охарактеризован как попытка создать героический и «исторический» эпос на основе существующих мифологических преданий и придать им «ощущение реальности» [4].

Проследить все мотивы северной мифологии в произведениях Толкина — задача неохватная. В его работы вплетены как отдельные сюжеты северной мифологии, так и некоторые повторяющиеся темы. Так, мотив Кольца в северной мифологии можно встретить в *«Младшей Эдде»* и в *«Песни о Нибелунгах»*, где сокровище карлика Андвари лишь приумножало богатство. Позже бог Локи, отобрав кольцо у Андвари, накладывает на него проклятье, и отныне кольцо будет нести лишь раздор и смерть. О власти и могуществе речи в северной мифологии не шло. Мотив Кольца явился в произведениях Толкина ключевым и сюжетообразующим.

Наряду с мотивом Кольца можно найти и множество других примеров заимствований из северной мифологии в произведениях Толкина *«Хоббит»* и *«Властелин Колец»*: модель мироздания, мифические существа (цверги-гномы), священное в скандинавской мифологии число 9, образ орла, священной птицы бога-громовержца, мотив краденого золота и др.

Возрождение англосаксонской мифологической традиции в английской литературе Толкину увидеть не довелось, вместо этого, основываясь на мифологической традиции Европы, он создал свою собственную мифологию. Толкин проделал титанический труд по созданию Мира Средиземья и точной проработке народов этого мира, их истории, их прошлого и настоящего, их языков и обычаев. С выходом в XX веке романа *«Властелин Колец»* миру был подарен беспрецедентный литературный феномен.

Мифы, покрытые тайной, проходят через всю историю человечества. Мифотворчество — одно из важнейших явлений в мировой культуре, интерес к которому не угасает и в наше время, ведь через миф выражается мироощущение и миропонимание той эпохи, в которую он создается. Невозможно отрицать живучесть мифа, продолжающего сохранять свою ценность, что нельзя сказать о научном знании. Миф всегда пытался разрешить вопросы, находящиеся за гранью науки — вопросы рождения, смерти и судьбы человека. Миф всегда пытался объяснить то, что менее понятно, через что-то более понятное, не оставляя места для сомнений, колебаний и загадок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Найдыш В. М. Мифология / В. М. Найдыш. — Москва : КНОРУС, 2010. — 432 с.
2. Мелетинский Е. М. Мифология: иллюстрированный энциклопедический словарь / Е. М. Мелетинский. — Санкт-Петербург : НОРИНТ, 1996. — 843 с.
3. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. — Москва : Мысль, 2001. — 345 с.
4. Токарев С. А. Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т. Т.1: А-К / С. А. Токарев. — Москва : Большая Рос. энцикл., 1998. — 671 с.
5. Стеблин-Каменский М. И. Миф / М. И. Стеблин-Каменский. — Санкт-Петербург : Наука, 2010. — 104 с.
6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. — Москва : Педагогика-пресс, 1994. — 602 с.
7. Фундаментальная электронная библиотека — 2002. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encycloper/>. — дата обращения 25.10.2016.
8. Галанина Е. В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры / Е. В. Галанина. — Москва : Академия Естествознания, 2013. — 348 с.
9. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж. Вико. — Киев : REFL-book, 1994. — 618 с.
10. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 231 с.
11. Мюллер М. Лекции по науке о языке / М. Мюллер. — Санкт-Петербург : Либроком, 2013. — 303 с.
12. Королев К. М. Скандинавская мифология. Энциклопедия / К. М. Королев. — Москва : Локид-Пресс, 2007. — 585 с.
13. Токарев С. А. Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т. Т.2: К-Я / С. А. Токарев. — Москва : Большая Рос. энцикл., 1998. — 720 с.
14. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия Кругосвет — 1997-2015. — Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/SKANDINAVSKAYA_MIFOLOGIYA.html. — дата обращения 01.12.2016.
15. Стеблин-Каменский М. И. Исландские саги / М. И. Стеблин-Каменский. — Москва : АСТ МОСКВА, 2009. — 863 с.
16. Мирча Э. Миф о вечном возвращении / Э. Мирча. — Москва : Академический проект, 2001. — 239 с.
17. Бунин И. А. Собрание сочинений / И. А. Бунин. — Москва : Художественная литература, 1997. — 342 с.
18. Кабаков Р. И. «Повелитель Колец» Дж. Р. Р. Толкина и проблема современного мифотворчества: автореф. дис. канд. наук / Р. И. Кабаков. — Санкт-Петербург, 1989. — 17 с.
19. Аверинцев С. С. Попытки объясниться: беседы о культуре / С. С. Аверинцев. — Москва : Правда, 1988. — 280 с.
20. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность / А. Ф. Лосев. — Москва : Мысль, 1994. — 919 с.
21. Шеллинг В. Ф. Философия искусства / В. Ф. Шеллинг. — Санкт-Петербург : Наука, 1998. — 520 с.
22. Толкин Дж. Р. Р. Сказки Волшебной страны / Дж. Р. Р. Толкин. — Москва : АСТ, 2010. — 413 с.
23. Карпентер Х. Дж. Р. Р. Толкин. Биография / Х. Карпентер. — Москва : ЭСКМО, 2002. — 432 с.

*Оренбургский государственный университет
Капишникова Е. Ю., магистрант кафедры английской
филологии и методики преподавания английского языка
E-mail: emalambri@gmail.com*

*Оренбургский государственный университет
Темкина В. Л., доктор педагогических наук, заведующий
кафедрой английской филологии и методики преподавания
английского языка
E-mail: temvl@mail.ru*

*Orenburg State University
Kapishnikova E. Y., Postgraduate of the Department of
English Philology and Methods of Teaching English
E-mail: emalambri@gmail.com*

*Orenburg State University
Temkina V. L., Doctor of Pedagogical Science, Head of the
Department of English Philology and Methods of Teaching
English,
E-mail: temvl@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО КОНТРАСТИВНОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОГО СЛОВАРЯ

И. П. Конопелько

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 13 мая 2017 г.

Аннотация: в XX веке из сопоставительного языкознания выделилось особое лингвистическое направление — контрастивная лингвистика, которая изучает отдельные явления и единицы родного языка в сопоставлении со всеми возможными средствами передачи их в изучаемом языке. Контрастивные исследования позволяют провести процедуру дифференциальной семантизации контрастивных пар двух языков с целью выявления национальной специфики семантики лексических единиц. В языках выявляются национально-специфические семемы, которые: являются безэквивалентными; содержательно отличаются в сравниваемых языках; полностью отсутствуют в изучаемом языке по сравнению с языком сравнения. На базе полученных описаний может быть создан контрастивный дифференциальный двуязычный словарь, в котором приводятся семантические компоненты, дифференцирующие переводные соответствия и составляющие национальную специфику семантики данных лексических единиц.

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, дифференциальная семантизация, контрастивная пара, национальная специфика, семантика слова, национально-специфические семемы, дифференциальный двуязычный словарь.

Abstract: in the 20th century contrastive linguistics gave birth to a separate new linguistic trend— contrastive linguistics, which studies separate phenomena and units of the native language in contrast with possible ways of reproducing them in a foreign language. Contrastive studies can help to carry out a procedure of differentiating seme analysis of the contrastive pairs of two languages in order to discover the national peculiarities of the lexical units' semantics. Languages contain nationally specific sememes which are equivalent-lacking, differ in their content in the two languages, are absolutely absent in one language in comparison with the other one. The resulting descriptions may serve as a basis for creating a contrastive differentiating dictionary containing semantic components which differentiate translation options and are the specific national semantic characteristics of the lexical units in question.

Key-words: contrastive linguistics, differentiating seme analysis, contrastive pair, nationally specific, lexical units' semantics, nationally specific sememes, contrastive differentiating dictionary.

XX век ознаменован появлением такого разнообразия исследований по проблемам контрастивной лингвистики, что можно констатировать возникновение новой отрасли языкознания. Как отмечают И. А. Стернин и К. Флекенштейн, в последнее десятилетие XX века из сопоставительного языкознания выделилось особое лингвистическое направление — контрастивная лингвистика [2]. Контрастивная лингвистика получила интенсивное развитие в 60–80-х гг. XX века и имеет непосредственный выход в практику преподавания языка.

Контрастивная лингвистика — наука об общем и специфическом в структурах и отдельных уровнях (морфологическом, фонетическом, синтаксическом и т. д.) различных языков. Контрастивная лингвистика изучает отдельные явления и единицы родного языка в сопоставлении со всеми возможными средствами передачи их в изучаемом языке. Цель контрастивного исследования — сопоставительное

изучение переводных соответствий двух языков для выявления их сходств и различий.

Контрастивные исследования связаны с задачами преподавания иностранных языков. Д. Болинджер писал по этому поводу: «Контрастивная лингвистика родилась из опыта преподавания. Каждый преподаватель иностранного языка знает и каждый изучающий иностранный язык скоро обнаруживает, что родной язык мешает в определенных и предсказуемых случаях усвоению второго языка» [3; 4].

Основными отличительными особенностями контрастивной лингвистики как направления сопоставления и изучения национальной специфики языков являются следующие два положения:

1. Контрастивная лингвистика изучает отдельные явления и единицы родного языка в сопоставлении со всеми возможными средствами их передачи в изучаемом языке. Цель контрастивной лексикологии — изучение межъязыковых соответствий двух языков для выявления их сходств и различий.

2. Национальная специфика семантики какой-либо лексической единицы — это её отличие по значению от сходных по семантике единиц языка сравнения.

В качестве материала нашего исследования избраны наименования лиц по отношению к труду и глагольные наименования процесса труда в русском и французском языках. Эти две лексические группировки являются отдельными подгруппами тематического поля «трудовая деятельность» (т. е. выступают как тематические микрогруппы). Они избраны в качестве материала исследования в связи с тем, что предварительный анализ показал наличие в этих тематических подгруппах заметной национальной специфики семантики.

В нашем исследовании исходным был избран русский язык. По результатам первого этапа нами был описан состав и структура лексической группировки наименований трудовой деятельности в русском языке. В результате исследуемая лексика была подразделена на 8 подгрупп. Всего выявлено 122 единицы лексической группировки наименований трудовой деятельности в русском языке. Самая многочисленная группа — субстантивные наименования, называющие недобросовестного работника (22 лексические единицы), самая малочисленная группа — глагольные наименования, называющие достижение мастерства в трудовой деятельности (6 лексических единиц).

В результате второго этапа выявлен корпус межъязыковых соответствий наименований трудовой деятельности в русском и французском языках. В результате третьего этапа было произведено семное описание исследуемых единиц русского и французского языков. В процессе четвертого этапа был проведен эксперимент, который заключался в обращении к информантам – носителям русского и французского языков – с просьбой:

- верифицировать (то есть подтвердить или опровергнуть) наличие выделенных в результате компонентного анализа сем в словах;

- добавить те или иные семантические компоненты, если они отсутствуют в списках сем, отражающих результаты компонентного анализа.

<i>горбатить</i>	<i>chiader</i>	
интенсивно работать	интенсивно работать	экв.
длительность действия	длительность действия	экв.
выполнять большой объем работы	0	безэкв.
преимущественно на кого-либо	0	безэкв.
преимущественно в сфере физического труда	преимущественно в сфере физического труда	экв.
во имя материальной цели	во имя материальной цели	экв.
0	с упорством	безэкв.
0	очень качественно	безэкв.
0	целенаправленно	безэкв.

В эксперименте принимали участие 100 русских и 70 французских информантов. Если сема отклонялась более чем 50% информантов, то она исключалась из описания. Результат четвертого этапа – уточненное, верифицированное носителями языка семное описание исследуемых сем.

В результате пятого этапа было произведено контрастное семное описание русских и французских единиц, а результатом шестого этапа явилась дифференциальная семантизация слова, которая представляет собой сопоставление семной структуры русского слова и его соответствий во французском языке с дифференциацией выделенных сем и описанием национально-специфических компонентов.

Национальная специфика семантики слова, выявляемая в рамках контрастного описания, проявляется в следующих основных формах:

- безэквивалентность семем;
- несовпадение сем по семным конкретизаторам;
- безэквивалентность сем;
- лакунарность сем.

Процедура дифференциальной семантизации контрастных пар позволяет эффективно выявить и описать национальную специфику семантики лексических единиц.

В языках выявляются национально-специфические семемы, которые либо:

1. являются безэквивалентными (есть в исходном языке, но отсутствуют в языке сравнения):

<i>баклушничать</i>	0
отсутствие стремления работать	
ведение праздного образа жизни	
стремление заниматься пустяками	
неодобрительное	
пренебрежительное	
разговорное	
малоупотребительное	
устаревшее	

2. содержательно отличаются в сравниваемых языках:

неоценочное	неоценочное	экв.
неэмоциональное	неэмоциональное	экв.
просторечное	арго	несовп.
употребительное	употребительное	экв.

3. полностью отсутствуют в изучаемом языке по сравнению с языком сравнения:

0	<i>grandeur</i>
	лицо
	сознательно уклоняется от работы
	занимается пустяками
	не делает ничего полезного
	неодобрительное
	отрицательно-эмоциональное
	фамильярное
	употребительное

На базе полученных семных описаний может быть создан контрастный дифференциальный двуязычный словарь. В словаре такого типа приводятся семантические компоненты, дифференцирующие переводные соответствия и составляющие национальную специфику семантики данных лексических единиц. Толкования значений слова исходного языка не приводятся.

Приведем фрагмент такого словаря:

выкладываться неоценочное = **se défoncer**; ср. **s'acharner** не думать о получении вознаграждения, одобрительное; ср. **s'adonner** не думать о получении вознаграждения, жить работой, одобрительное, положительно-эмоциональное; ср. **s'absorber** не думать о получении вознаграждения, жить работой, углубляться в работу, одобрительное, положительно-эмоциональное

выцарапывать = **tirer**

головотяп невнимательный; ср. **ganache** не хватает профессиональных знаний

горбатить преимущественно на кого-либо, преимущественно в сфере физического труда, во имя материальной цели, просторечное = **bossier**; ср. **plancher** преимущественно в сфере умственного труда, разговорное; ср. **chiader** с упорством, очень качественно, целенаправленно, арго, сниженное, одобрительное, положительно-эмоциональное

гореть = **brûler**

дармоедничать просторечное, устаревшее, малоупотребительное — ср. **écornifler** желание поживиться за чужой счет, разговорное, современное, употребительное

делать межстилевое, неоценочное, неэмоциональное = **faire**; ср. **bacler** делать наспех, работать некачественно, пренебрежительное, отрицательно-эмоциональное; ср. **bricoler** преимущественно ручной труд, одобрительное, положительно-эмоциональное; ср. **ficher** фамильярное, грубое, отрицательно-эмоциональное; ср. **foutre** фамильярное

дело = **affaire**

дока ловкий, иногда проявляет хитрость, просторечное, малоупотребительное — ср. **connaisseur** межстилевое, употребительное; ср. **matois** проявляет хитрость, отрицательно-эмоциональное, употребительное

заниматься с применением личных знаний и умений = **s'occuper**; ср. **étudier** с применением личных знаний, преимущественно в сфере учебы; ср. **s'appliquer** с применением личных знаний, в узкой области знаний, без отдыха, старательно; ср. **s'attacher** с применением личных знаний, старательно, без отдыха, изучать детально; ср. **s'escrimer** с применением личных знаний, старательно, без отдыха, изучать детально, делать все возможное для достижения цели.

Целесообразна практическая разработка подобных двуязычных словарей.

Исследование показало, что для русского языкового сознания характерна более расчлененная номинация трудовой деятельности по коннотативно-оценочному признаку, в то время как для французских наименований характерна более широкая дифференциация лексем по характеру выполняемой деятельности и по признаку трудовой деятельности в разное время суток. Для русских и французских наименований трудовой деятельности характерен низкий уровень эквивалентности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зленко И. П. Национальная специфика семантики слова / И.П. Зленко. — Автореф. Дис ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2004. — 24 с.
2. Стернин И. А. Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии / И. А. Стернин, К. Флекенштейн. — Галле : ун-т Марина Лютера Галле, 1989. — 129 с.
3. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика / В. Н. Ярцева. — М. : Наука, 1981. — 111 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Конопелько И. П., преподаватель кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей
E-mail: inessazlenko@rambler.ru

Voronezh State Pedagogical University
Konopelko I.P., Lecturer of the French Language and Foreign Languages for Non-linguistic Profile Department
E-mail: inessazlenko@rambler.ru

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА

А. С. Конюхова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 мая 2017 г.

Аннотация: целью данной статьи является выявление архетипических сюжетов в произведениях В. А. Никифорова-Волгина и рассмотрение художественных способов их воплощения. Источником исследования послужили тексты рассказов и повести «Дорожный посох». Доминирующий пасхальный архетип реализован в произведениях писателя как через прямое номинирование, так и сопровождающие сюжеты пасхального цикла: сюжеты о блудном сыне, Тайной Вечере и благоразумном разбойнике.

Ключевые слова: В. А. Никифоров-Волгин, архетипический сюжет, пасхальный архетип, сюжеты пасхального цикла.

Annotation: the purpose of this article is to identify the archetypal themes in the works of V. A. Nikiforov-Volgin and the consideration of the artistic ways of their implementation. The source of study is based on the texts of short stories and the novel, "The Road rod". The dominant Easter archetype is realized in the writer's works both through the direct nomination and the accompanying topics of the Easter cycle: stories about the prodigal son, the last Supper and the wise robber.

Keywords: V. Nikiforov-Volgin, the archetypal theme, the Easter archetype, topics of the Easter cycle.

Введенный в научный тезаурус XX в. психоаналитиком К. Г. Юнгом термин архетип приобрел новые коннотации и получил широкое распространение в гуманитарных науках. Изначально под архетипом понимались «универсальные базовые врождённые психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного, распознаваемые в нашем опыте и являемые, как правило, в образах и мотивах сновидений» [1, 87]. Понятия «праобраз», «первообраз», «праформа», «прототип», «первичная идея», заложенные в этом понятии, способствовали применению данного термина в различных явлениях и сферах гуманитарного знания.

Под архетипами в литературоведении стали подразумевать «не столько образно-символические представления глубинных явлений человеческой психики, «коллективного бессознательного» [2, 38], сколько «сквозные», «порождающие» модели словесного творчества» [3, 6]. Как литературоведческая категория термин «архетип» был впервые использован Карлом Юнгом. Художественная обработка архетипа лежит в основе возникновения замысла и его последующего преобразования в произведение. Именно так содержание коллективного бессознательного изменяется, становясь осознанным и воспринятым. Роль архетипов в художественном творчестве велика. К. Юнг отмечал: «Тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов... он подымает изображаемое им из мира единократного

и преходящего в сферу вечного; притом и свою личную судьбу он возвышает до всечеловеческой судьбы...» [2, 40]

Развитие идей К. Г. Юнга об архетипах в литературном творчестве получило в трудах Н. Фрая, который создает концепцию литературного архетипа на мифопоэтической основе. Ученый отождествляет «миф и ритуал» и «миф и архетип», применяя понятие мифа к повествованию, а архетипа — к его смыслу, значению.

В середине XX в. иную концепцию архетипа предложил в книге «Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторения» М. Элиаде. Он, игнорируя проблемы глубинной психологии, рассматривает архетип в значении «парадигмы», «праобраза, служащего примером» [5, 123].

В 1970-е годы существенный вклад в разработку теории литературных архетипов внес С. С. Аверинцев. Он обозначил многоуровневую структуру архетипа, который преодолевает в своем развитии несколько этапов — от простейших архетипов к более сложным. Также С. Аверинцев отмечает такие функции архетипа, как «коммуникативность и матричность» [6, 115].

В 1980-х годах в работах И. П. Смирнова архетипы были рассмотрены с точки зрения жанрологии. Ученый связывает архетипичность с теорией интертекстуальности: «продуцируемый текст повторяет архетипическую тему сопряженных с ним претекстов» [7, 295].

Е. М. Мелетинский в своей работе «О литературных архетипах» рассматривает архетипичный образ

героя в его динамике. Исследователь опирается на концепцию Юнга, но не во всем согласен с ним: «И Юнг, и другие упомянутые выше теоретики, говоря об архетипах, имеют в виду прежде всего не сюжеты, а набор ключевых фигур или предметов-символов, которые порождают те или иные мотивы. Не говоря уже о том, что набор ключевых фигур, предложенный Юнгом, вызывает известные сомнения (ибо все эти фигуры отмечают только ступени индивидуации), сами сюжеты далеко не всегда вторичны и рецессивны; они, в свою очередь, могут сочетаться с различными образами и даже порождать таковые. Кроме того, психоаналитики — и фрейдисты, и юнгианцы — исходят из большей «откровенности» и потому архетипичности мифов (по сравнению, например, со сказкой) в силу врожденных подсознательных элементов. Это не совсем точно, потому что подсознательные мотивы также связаны с социальным бытием, а сюжетная оформленность, способствующая выделению архетипов (как литературных «кирпичиков»), складывается постепенно из более аморфного повествования» [8, 13]. Ученый предлагает для каждого литературного периода выделять свой архетипичный образ, на основе которого впоследствии сформируется новый тип. Е. М. Мелетинский наравне с архетипичным образом героя выделяет образ антигероя и уровень архетипичных мотивов в произведениях.

В современном литературоведении термин «архетип» используют и в прямом, и в метафорическом смысле, если хотят обозначить устойчивые повторяющиеся художественные формы. «Их устойчивость обусловлена несколькими факторами: типологической повторяемостью, абстрагированностью, отвлеченностью от конкретного материала («праформы»), матричностью как способностью продуцировать на своей основе новые варианты прототипов, наследственностью, способностью передаваться от поколения к поколению» [3, 7].

Современный исследователь, специалист в области теории литературы и методологии гуманитарных исследований, И. А. Есаулов предлагает новое толкование термина «архетип» в своей книге «Пасхальность русской словесности». С точки зрения ученого архетип — это «культурное бессознательное: сформированный той или иной духовной традицией тип мышления, порождающий целый шлейф культурных последствий, вплоть до тех или иных стереотипов поведения» [9, 12]. Рассматривая архетип в религиозном аспекте, исследователь убедительно доказывает, что именно «в традиции Восточной Церкви празднование Воскресения остается главным праздником не только в конфессиональном, но и в общекультурном плане». На основе данного вывода И. А. Есаулов выдвигает гипотезу «о наличии особого пасхального архетипа» [9, 12]. Эта идея и явилась методологической основой данной статьи.

Цель исследования — выявить архетипические сюжеты в произведениях В. А. Никифорова-Волгина и рассмотреть художественные способы их воплощения.

В. А. Никифоров-Волгин (1900–1941) — писатель, чье творчество долгие годы оставалось вне поля зрения современных ученых. Писатель жил в эмиграции в Эстонии, где был расстрелян в 1941 году. Его произведения могут изучаться как в аспекте наследования опыта классической русской литературы, так и в контексте литературы XX века, когда он жил и писал. Важно понимать, что, сохраняя классическую линию в мировосприятии, автор вводит в тексты сюжеты, мотивы и детали, характерные именно для его эпохи, по-новому осмысляет привычные категории.

Доминирующим архетипом в произведениях В. А. Никифорова-Волгина становится пасхальный архетип, который он реализует через пасхальный сюжет, вводимый в текст либо прямым номинированием данного праздника, либо через сопровождающие сюжеты и мотивы, входящие в «пасхальный цикл: от Великого Поста до Троицы и Духова Дня» [10, 26]. Заметим, что в данный временной отрезок входят многие Евангельские сюжеты, распространенные в классической и православной литературе. Например, каждая из недель, подготовляющих верующих к наступлению Великого поста, имеет свое определенное название: неделя о мытаре и фарисее, о блудном сыне, о Страшном суде.

В. А. Никифоров-Волгин из предложенного спектра возможных реализаций выбирает несколько: это сюжет Тайной вечери (или причастия), сюжет притчи о блудном сыне, содержащий мотивы сюжета о благоразумном разбойнике.

В повести «Дорожный посох» писатель обращается к нескольким сюжетам пасхального цикла. Главный герой, священник отец Афанасий, в годы послереволюционных гонений попадает в тюрьму. Евангельские события становятся особенно близкими для него. В первую ночь в тюрьме с «гефсиманской тоской» батюшка сжимает нательный крест и взывает: «Господи! Научи мя оправданиям твоим!» [11, 432]. Тема грядущих страданий входит в текст через Евангельские аллюзии. После многочисленных поношений и издевательств всех священнослужителей приговорили к расстрелу, вывели и выстроили в очередь. Именно с этого мгновения для отца Афанасия происходящие события соотносятся с ожиданием причастия на литургии в церкви: «Мне вспоминается сельская церковь. Вербное Воскресение. Иконостас украшен красными прутиками вербы. Я стою в очереди причастников. Мне всего девять лет. В белой рубашке я и в сапогах новых, с желтыми ушками наружу. Медленно движется очередь причастников, и все они освещены весенним солнцем. Деревенские певцы поют «Тело Христово примите,

источника бессмертного вкусите»... «После этого причастника и я пойду к Чаше... — туманится в моей голове — Верую, Господи, и исповедую...» — шепчут уста мои» [11, 442]. Данный отрывок вводит в текст повествования указание на несколько церковных праздников Пасхального цикла: Вербное воскресенье и Чистый четверг (Тайная вечеря). Воспоминания о причастии становятся символом очищения души, отказа от всего земного (именно данный эпизод является кульминационным: приговор отменяют в последнюю минуту, священник остается жить и станет странником).

Реализуя в тексте произведения пасхальный архетип, В. А. Никифоров-Волгин чаще всего обращается к сопровождающему сюжету притчи о блудном сыне. Данная притча — это «универсальная мифологическая модель взаимоотношений поколений с ее исчерпывающей процессуальной полнотой, включающей в себя все мыслимые моменты движения-действия — модель с волеизъявлением Сына, странствованием и страданиями в чужом мире и смирением и всепрощением Отца. Основанный на конфликте поколений в ситуации выбора жизненного пути, этот сюжет отражает всевременную проблему «отцов» и «детей» [12, 10]. Начиная с произведений древнерусской книжности (например, повесть «О Горе и Злосчасти») до настоящего времени заложенные в притче смысловые уровни: «1) сакральный, высший смысл обретения Бога внутри себя, качественно новой духовной жизни (образ Отца — Бог); 2) бытовой и всечеловеческий смысл духовного единения двух поколений, понимания единства жизненных принципов и взглядов на жизнь. Обретение духовного родства оказывается выше родства по крови» [12, 11] — реализовывались в разнообразных вариантах.

Двадцатый век привнес новые модели трансформации данного сюжета. «При индивидуально-авторских различиях общим в его интерпретации является редуцирование мотива покаяния за счет акцентирования в человеке XX века как бы оправдывающей его познавательной потребности — с одной стороны, и утверждения права личности на «живую жизнь», точнее «живую страсть» — с другой» [13, 11].

В. А. Никифоров-Волгин дает свое толкование сюжета притчи, резко отличающееся от интерпретаций других авторов этого времени. Революция принесла с собой свободу от морали, отрицание прежних нравственных устоев, превратив этим, для Никифорова-Волгина, всю Россию в «страну далече», где блудный сын «расточил имение свое». Возвращение к Отцу возможно лишь через признание своей вины и слезное покаяние. Автор, на основании новой трактовки сюжета, вводит и новый тип героя — «красноармейца-покаянца» — своеобразный вариант сюжета о благоразумном разбойнике. Так,

герой рассказа «Вериги» (1929) тайно, с риском для жизни, перебирается через эстонскую границу с единственной целью — исповедоваться в своих тяжких грехах в Печерском монастыре, на месте, где великий человекоубийца Иван Грозный отрубил голову святому игумену Игнатию, а потом покаянно рыдал над его телом» [14, 495]. Подобный названному герою встречается и в других рассказах, таких как «Гробница», «Зверь из бездны» (1937), «Мати-пустыня» (1927), в повести «Дорожный посох» (1938).

Красноармеец Семен Завитухин, герой рассказа «Мати-пустыня», возвращается домой к матери. Функцию отца, встречающего своего сына, выполняет мать, что является характерной чертой рассказов писателей двадцатого века. (Например, рассказ А. Платонова «Третий сын», повесть В. Распутина «Последний срок».) Семен не решается сразу войти в избу. Его мучат воспоминания о страшных преступлениях годов революции и гражданской войны. Мать сразу узнает в присевшем отдохнув на лавочку под яблонями солдате своего заблудшего сына, которого не видела долгих восемь лет. Она «тепло и крепко обвила его худую шею и радостно, тихо заплакала, и не могла найти слов, чтобы выразить свою нечаянную радость» [11, 192].

Никифоров-Волгин в цитируемый отрывок вводит уже устоявшееся словосочетание «нечаянная радость», берущее свое начало от названия иконы Матери Божией, с которой связан случай чудесного исцеления больного, потерявшего надежду. Аллюзивно этот сюжет соотносим с сюжетом повести: Семен Завитухин тяжело болен и вернулся к матери умирать, но происходит чудо не телесного, а душевного и духовного выздоровления бывшего красноармейца (перед смертью он посещает Николину пустынь, где исповедуется и причащается).

Пасхальный сюжет, вводимый в текст произведения прямым номинированием, может разворачиваться на двух временных уровнях: это счастливое прошлое (дореволюционный период) и настоящее, омраченное наступившими после революции гонениями на церковь. Первый вариант сближает Никифорова-Волгина с традицией классической литературы. Пасха становится днем, к которому устремлены все надежды и ожидания героев (цикл «Воспоминания детства»). С другой же стороны, в силу произошедших исторических изменений, Никифоров-Волгин привносит в этот сюжет индивидуально-авторские черты. Пасха становится не только днем, символизирующим победу жизни над смертью, но и вехой, когда с настоящим смыкается прошлое, и остро ставится вопрос о будущем Русской земли (рассказы «Пасхальная заутреня», «В березовом лесу», «Свеча»).

И. А. Есаулов в своей работе «Пасхальность русской словесности» отмечает, что пасхальный сюжет

стал настолько органичным для русской словесности, что может просматриваться и в рождественских рассказах: «Вместе с тем пасхальный архетип отечественной словесности может проявлять себя таким характерным образом, что в рождественском жанре усматривается имплицитный пасхальный смысл» [9, 57]. Для подтверждения своей мысли исследователь рассматривает рассказ Достоевского «Мальчик у Христа на елке», в котором «рождественский рассказ, к тому же помещенный в очевидно «рождественский» контекст, неожиданно обнаруживает свой пасхальный смысл: замерзший на земле «на чужом дворе» мальчик воскресает».

Пасхальный смысл просвечивается в рождественском рассказе «Заутреня святителей», который позже даст название сборнику В. А. Никифорова-Волгина, опубликованному в 1937 году. Действие произведения происходит под Новый год, а значит, вводится Рождественский мотив. Это подтверждается и исследованиями Е. В. Душечкиной, которая утверждает близость, а во многом даже взаимозаменяемость, терминов «святочный рассказ», «рождественский рассказ» и «новогодний рассказ». Время действия предопределяет выбор сюжета с элементами чудесного: трое святителей: Сергей Радонежский, Серафим Саровский и Николай Угодник — идут через заснеженный Китежский лес в маленькую часовенку для совершения молитвы за всю Русскую землю. В заброшенной лесной церковке совершается великое таинство Богообщения.

Важные для автора топоры — это лес (в первую очередь в значении лесная пустынь), храм (часовня). Безусловно, эти топоры часто встречаются в русской литературе, однако особенностью авторской интерпретации становится слияние всех вышеперечисленных пространств в образе храма. Сакральными характеристиками храма являются: вертикальная устремленность, защитная функция, а самое главное — в малом пространстве вмещается необъятное таинство Богообщения. Для В. А. Никифорова-Волгина и лес, и пустыня становятся сакрально значимыми. В данном контексте вся Россия осмысливается писателем как единый храм — разрушенный и оскверненный, но сохраняющий свою глубинную святость, сокровенность, древнюю веру в возрождение Руси (недаром лес Китежский).

Время в рассказе накладывается одно на другое: историческое (время земной жизни святителей), настоящее (революционное) и вечное. Автор подробно описывает внешность странников: «Николай Угодник в старом овчинном тулупе, в больших дырявых валенках. За плечами котомка, в руках посох. Сергей Радонежский в монашеской ряске. На голове скуфейка, белая от снега, на ногах лапти. Серафим Саровский в белой ватной свитке, идет, сгорбившись, в русских сапогах, опираясь на палочку...» [11, 10–11]. Никифоров — Волгин совмещает привычные ико-

нические черты и исконно русские — крестьянские — детали одежды. Одевание Николая Угодника переосмыслено автором и соответствует народному представлению о святителе («Сам из чужих краев, а возлюбил землю русскую превыше всех» [11, 12] — говорит о нём Сергей Радонежский).

Путешествуя по дорогам революционной России, самые почитаемые русские святые путешествуют и в вечности, становясь молитвенниками за неё. Русь предстает трогательной и одухотворенной: «Дитя она — Русь!.. Цвет тихий, благоуханный... Кроткая дума Господня... дитя Его любимое... Неразумное, но любое. А кто не возлюбит дитя, кто не умилился цветикам? Русь — это кроткая дума Господня» [11, 12]. Новым для святочного рассказа становится осмысление социальной проблематики в историческом масштабе и имплицитное присутствие пасхального архетипа.

Таким образом, в хаотичной революционной российской действительности В. А. Никифоров-Волгин прозревает традиционный идеальный образ Святой Руси. Этот образ создается благодаря доминированию пасхального архетипа в его различных сюжетных проявлениях. Писателя волнует судьба не отдельного человека и не определенной социальной группы людей, а всей Руси как единого живого организма, как единой души, жаждущей покаяния и Воскресения во Христе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петровский А. Психология. Словарь / А. Петровский. — Издательство политической литературы, 1990. — 494 с.
2. Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к произведениям художественной литературы / К. Г. Юнг // Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг пер. с нем. А. М. Боквикова. — М.: Академический проект, 2007. — 60 с.
3. Гольденберг А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя: монография / А. Х. Гольденберг. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. — 261 с.
4. Фрай Н. Анатомия критики / Н. Фрай // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. Тракаты, статьи, эссе. — М., 1987. — 263 с.
5. Элиаде М. Космос и история: избранные работы / М. Элиаде. — М., 1987. — 144 с.
6. Аверинцев С. С. Аналитическая психология К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии / С. С. Аверинцев // Вопросы литературы. — 1970. — № 2. — С. 113–143.
7. Смирнов И. П. От сказки к роману / И. П. Смирнов // История жанров в русской литературе. — Л.: Наука, 1972. — Т. XXVII. — С. 284–320.
8. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. — М., 1994. — 136 с.
9. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. — М.: Кругъ, 2014. — 514 с.
10. Захаров В. Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы / В. Н. Захаров // Евангельский текст

в русской литературе XVIII — XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сборник научных трудов. — Петрозаводск. : Изд-во Петрозаводского университета, 1998. — С. 26–34.

11. Никифоров-Волгин В. Заутреня святителей / Василий Никифоров-Волгин. — М. : Паломник, 2003. — 526 с.

12. Радь Э. А. История «Блудного сына» в русской литературе: модификация архетипического сюжета в движении эпох: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Э. А. Радь. — Саратов, 2014. — 45 с.

13. Бердникова О. А. «Иду в пространстве и во време-

ни»: христианские контексты поэзии Н. С. Гумилева / О. А. Бердникова // Знаменские чтения: Филология в пространстве культуры: Материалы Третьей международной научно-практической конференции. (20-22 октября 2011 года). — Тобольск : ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2011. — С. 11–13.

14. Амфитеатров А. Тоска по Богу / А. Амфитеатров. — М. : Паломник, 2003 — 498 с.

15. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра / Е. В. Душечкина. — СПб. : Издательский отдел языкового центра СПбГУ, 1995. — 256 с.

Воронежский государственный университет

Конюхова А. С., аспирант

E-mail: asy_artemenko@mail.ru

Voronezh State University

Konyukhova, A. S., Postgraduate Student

E-mail: asy_artemenko@mail.ru

ТАЙНЫ ЧЕРНОВИКОВ СВ. ТИХОНА ЗАДОНСКОГО

Д. В. Мельников (Иеромонах Гавриил)

Липецкий государственный педагогический университет имени Семенова-Тян-Шанского

Поступила в редакцию 13 мая 2017 г.

Аннотация: в данной статье впервые в науке исследуются отрывки черновика Св. Тихона Задонского. Мнение митрополита Евгения (Болховитинова) о тверских лекциях Св. Тихона как основе его позднейшего творчества оказывается нетвердым и не обоснованным. Сделано несколько научных открытий: обнаружена тетрадная нумерация черновика Св. Тихона, выяснена структура и дана точная оценка объема черновой версии главного произведения святого «О истинном христианстве». На основе полученных фактов уточняется гипотеза о времени и месте создания черновика и окончательной версии этого произведения, намечаются перспективы дальнейшего исследования.
Ключевые слова: Тихон Задонский, Евгений Болховитинов, рукописи, РГБ, тетрадная нумерация, черновик, русские писатели, Толшевский монастырь, Задонский монастырь.

Abstract: in this article, for the first time in the area of science, extracts from St. Tikhon Zadonsky's rough copy are researched. Metropolitan Evgeny (Bolkhovitinov)'s opinion of St. Tikhon's Tver lectures as a basis of his latest creations appears to be uncertain and groundless. Some scientific discoveries have been made — the note-book numbering of St. Tikhon's rough copy has found, the structure of his main creation "True Christianity" has been found out and also, the volume of his rough copy has been accurately assessed. On the basis of the facts learned, the hypothesis about the time and place of making the rough copy and the final version of this writing is being specified. The prospects for further research are being outlined.

Key words: St. Tikhon of Zadonsk, Evgeny Bolkhovitinov, RGB (RSL), note-book numbering, a rough copy, Russian writers, the Tolshevo Monastery, the Zadonsk Monastery.

В 1861 г., августа 13 (26 н. ст.) числа Святитель Тихон Воронежский и Задонский был прославлен в лике святых. К этому времени его основные сочинения были уже неоднократно изданы [1], однако некоторые малые его произведения еще ждали своего часа. Подготовка и проведение беспрецедентных для XIX в. торжеств канонизации, прошедших в Задонске, активизировали поиск неизданных текстов святого. Уже в начале сентября 1861 г. в августовском выпуске журнала «Странник», издаваемом в том время священником Василием Гречулевичем, были опубликованы два текста «новоявленного святителя и чудотворца Тихона»: «Глава о украшении суетном» и «Краткое наставление, како подобает себе в христианской должности содержать». В сноске издатели указывали, что источником данных текстов стала для них рукописная тетрадь, полученная ими от епископа Агафангела Вятского и Слободского и в свое время предназначавшаяся Св. Тихоном для некоей его духовной дочери. Относительно «Главы о украшении суетном» сообщается, что она содержит собственноручные поправки святителя Тихона и сделанную им самим для духовной дочери приписку в полторы страницы. Отсюда видно, что основной текст рукописи не был автографом святого, а являлся рукописной копией. В сноске

добавлено, что «Глава о суетном украшении» «в пространнейшем виде (здесь и везде далее курсив мой. — и. Г.) вошла в состав большого сочинения святителя «О истинном христианстве» [9, 43].

Следующее упоминание указанной рукописной тетради и, в частности, «Главы о украшении суетном», мы встречаем в Полном собрании творений Св. Тихона 1875 г., подготовленном И. Д. Бердниковым и остающимся до настоящего времени самым полным изданием его творений [1]. В примечаниях к II-III тт. собрания творений святителя И. Д. Бердников называет «Главу о украшении суетном» из «Странника» «краткой редакцией» сочинения «О истинном христианстве», добавляя, что она представляет собой «отрывок из уроков, преподанных святителем Тихоном в бытность его ректором и учителем богословия в тверской семинарии, ученикам этой семинарии». «Уроки эти, как известно, послужили впоследствии основой для обширного сочинения святителя... несколько глав из... уроков внесены в это сочинение почти без изменений; но некоторые ввиду назначения... не для школы, а для народного чтения, подвергнуты были автором тщательному пересмотру, и частью изменены, частью дополнены» [14, примечание к 2-3 т, III].

Однако твердых оснований, позволяющих отнести «краткую редакцию» сочинения «О истинном христианстве» к семинарским тверским урокам, не

имеется. Впервые об этих уроках упоминает, по видимому, преосвященный Евгений Болховитинов в «Словаре историческом о бывших в России писателях духовного чина Грекороссийской Церкви», вышедшем впервые как отдельное сочинение в 1818 г. [7, 647], однако совершенно неясно, откуда выдающийся историк почерпнул данную информацию.

До 1818 г. мы не находим подобных сведений. Ранняя версия «Словаря... о писателях духовного чина» называлась первоначально «Новый опыт исторического словаря о российских писателях», ее статьи публиковались в 1804–1806 гг. в московском журнале «Друг Просвещения». Преосвященный Евгений (тогда епископ Старорусский, викарий Новгородский) тщательно просматривал напечатанные тексты, стремясь ко все большей точности: «Февраль нашего журнала получил я и — горе моему словарю: кроме мелочных премногих ошибок, местах в десяти совершенно даже смысл изуродован» (письмо Хвостову 31 Марта 1806 [2, 134–135]), «Нет, ваше сиятельство, полно издавать журнал, чтобы более не покраснеть нам. Займусь лучше пересматриванием и поправкою моих напечатанных уже ошибок и буду со временем издавать особо свой труд» (13 Октября, 1806 [2, 137]). Словарные очерки продолжались до буквы «К», затем журнал прекратил свое существование [2, 168–169]. Таким образом, болховитиновская словарная статья о Св. Тихоне Задонском в 1806 г. еще не существовала.

Есть сведения, что «Словарь» был завершен и в рукописи отдан на рецензию в 1812 г. [2, 156, примеч. 6]. Неизвестно, дополнялся ли «Словарь» новыми сведениями в 1812–1818 гг., но напечатан он был только в 1818 г., когда его автор, сменив Вологодскую кафедру на Калужскую, уже был архиепископом Псковским.

Теперь мы обратимся к нескольким дополнительным источникам, чтобы прояснить ситуацию с историей создания сочинений Св. Тихона. Первое жизнеописание святого, составленное игуменом Тимофеем Задонским (Самбикиным) и опубликованное впервые в 1794 г., лишь сообщает нам названия основных сочинений святого без какой-либо дополнительной информации [15]. Именно Евгений Болховитинов был первым, кто дал библиографическую информацию о сочинениях Задонского святого. В жизнеописании 1796 г. он (тогда еще протоиерей Евфимий) сообщает: «По наступлении же осени (осень 1769 г. — *и. Г.*) в продолжительныя оныя вечера предпринял он гораздо важнейшее... намерение, и начал сочинять целую Систему Догматико-Нравоучительной Богословии... Сия книга писанная вся собственною его рукою в продолжение 1770–1771 года... вышла потом... под названием О истинном Христианстве» [5, 39–40], «книга сия, как по обширности своей, так и по методическому порядку статей, больше всех стоила труда ему, но за то боль-

ше всех она доказывает... опытное и обыкновенно не скоро приобретаемое сведение Духа Христианской Религии и Евангелия» [5, 71]. Здесь мы не видим никаких намеков на тверские уроки Св. Тихона.

Относительно другого сочинения «Сокровище духовное от мира собираемое» жизнеописание 1796 г. сообщает, что оно написано в 1777–79 гг. [5, 40–41], что в нем автор «размышления сии заимствовал от нечаянно встречавшихся ему чувственных предметов... Почтенный Автор при виде или слышании таковых предметов и слов брался тотчас за перо, применял это к Христианским нравоучительным предметам, и всегда остроумно, приятно и трогательно выводил... сходство или несходство» [5, 72]. По поводу всех сочинений Задонского Е. Болховитинов пишет: «При сочинении всех сих книг он не имел никаких у себя обыкновенных ученых пособий, кроме Библии, нескольких сочинений Златоуста и не много других отцев» [5, 41].

Итак, в жизнеописании 1796 г. нет никаких намеков на использование Св. Тихоном каких-либо вспомогательных материалов, скорее даже их присутствие у святого отрицается: «Главным пособием ему в сем Авторском труде был собственный его разум, опытность и размышление: а память его была столь твердая и обширная, что, будучи напитана прежним и еще давним учением и замечаниями, служила ему до смерти вместо многокнижной библиотеки» [5, 41].

Но вот в «Словаре» 1818 г. преосвященный Евгений Болховитинов пишет уже иное: «Сокровище духовное от мира собираемое... Книга сия писана по примеру известных размышлений Иосифа Галла Епископа Оксфордского при внезапном воззрении на какую-нибудь вещь... О истинном христианстве... есть перевод его Богословских лекций в Тверской семинарии с прибавлением подробнейших изъяснений» [7, 647]. Впрочем, никаких доказательств для подобных утверждений автор не приводит.

Вскоре (1820 г.) выходит в свет дополненное и переработанное преосвященным Евгением «Жизнеописание Св. Тихона», и в нем мы читаем: «О истинном христианстве... писана Сочинителем собственноручно в 1770 и 1771 годах, то есть в первыя лета пребывания его в Задонском монастыре» — и во всем «Жизнеописании» ни намека на тверские лекции. Здесь же мы имеем следующее: «Сокровище духовное от мира собираемое... содержанием своим весьма сходна с небольшою книжкою на латинском языке, изданною Иосифом Галлом... и напечатанною и на Русском языке в Москве 1786 года» [3, 106–109]. Итак, через два года митрополит Евгений молчаливо **отказывается от своей точки зрения**, высказанной в 1818 г. — исчезает упоминание о тверских уроках Св. Тихона и утверждение о написании «Сокровища духовного» по примеру сочинения И. Галла (Джозефа Холла) заменяется на более сдержанное

высказывание о значительном «сходстве» произведений.

Этот отказ от гипотезы тверских лекций и гипотезы подражания Д. Холлу вряд ли случаен. «Жизнеописание» 1820 года — явно более зрелый результат, чем «Словарь» 1818 г., т. к. содержит целый ряд сведений, относящихся к 1803 [3, 107], 1805, 1810, 1815, 1816 [3, 18], 1812 [3, 24], 1806, 1807, 1814, 1818 [3, 46; 3, 118-119], 1820 [3, 46; 3, 116] годам. Таким образом, независимо от того, когда статья «Словаря», посвященная Св.Тихону, была точно завершена, она попадает в интервал 1806–1818 гг. и оказывается результатом более ранним и менее зрелым. «Жизнеописание» 1820 г., создававшееся в конце 1790-х гг. [6, 176–177; 17, 160–165], очевидно, существенно дополнялось перед публикацией и даже в самом 1820 г.

Именно научная честность и ответственное отношение к делу побудили преосвященного Евгения в 1820 г. изменить свой подход и уже не упоминать о гипотезе тверских лекций и гипотезе подражания Д. Холлу (высказанных им в 1818 г. в форме утверждения, а не предположения). К такой более взвешенной и осторожной позиции его могло побудить как сама подробность и детальность исправленного и дополненного жизнеописания Св. Тихона в сравнении с краткой статьей «Словаря», так и его особое отношение к Св. Тихону. Евгений Болховитинов в молодости присутствовал на погребении святого, он был главным исследователем творчества и агиографом Св. Тихона в России, создал первое подробное его жизнеописание, публиковал его творения, создание агиографического портрета св. Тихона и издание его сочинений было одним из важнейших деяний всей его жизни. Это накладывало повышенную ответственность на преосвященного Евгения и влекло его уточнять свои суждения.

Пребывая на Киевской кафедре, митрополит Евгений подготавливает издание Полного собрания творений Св. Тихона, где в 1-м томе в 1825 г. публикует жизнеописание 1820 г., оставляя его без изменений [4]. В 1827 г. он издает вторично дополненный и исправленный «Словарь», где указывает на вышедшее в 1825–26 гг. полное собрание сочинений Св. Тихона [8, 267–268], однако сохраняет здесь в точности свои старые бездоказательные утверждения из «Словаря» 1818 г. Таким образом, колебание митрополита Евгения в вопросе о происхождении сочинения «О истинном христианстве» от латинских лекций Св. Тихона в Твери и о подражании Св. Тихона Д. Холлу осталось с тех пор неразрешенным (1818 и 1827 — одна точка зрения, 1820 и 1825 — другая точка зрения).

Думается, «Жизнеописание» 1820 г. выражает ответственную позицию агиографа Св. Тихона, а «Словарь» 1818 г. и 1827 г. позволяет высказывать догадки, т. к. *гигантскость* содержащегося в нем

материала (много раз, как мы видели, исправлявшегося с 1804 г.) и совершенная новизна исследования допускают некоторую степень гипотетичности излагаемого материала.

Вероятно, лишь через привлечение дополнительных данных, неизвестных митр. Евгению, мы сможем приблизиться к определенности в данном вопросе.

Совсем недавно, изучая рукописное наследие Св. Тихона, хранящееся в РГБ, мы неожиданно обнаружили, что это собрание рукописей и есть то самое, которое считалось утраченным и на которое опирался И. Д. Бердников для подготовки самого полного собрания творений Задонского святого [1]. Среди этих рукописей мы обнаружили часть черновика, упоминаемую И. Д. Бердниковым, как «отрывок из уроков, читанных Св. Тихоном, когда он был еще ректором и учителем богословия в тверской семинарии» [13, XIII, примечание №30], таким образом, И. Д. Бердников фактически говорит еще об одном отрывке черновика «О истинном христианстве» (помимо «Главы о украшении суетном»), и считает черновик тверскими уроками святителя. Он делает это, вероятно, под влиянием «Словаря» митр. Евгения, упрощая его воззрение (согласно митр. Евгению тверские лекции были написаны на латыни, а «О истинном христианстве» стали его переводом и расширением, а И. Д. Бердников черновики на русском языке называет тверскими уроками святого). И. Д. Бердников печатает в качестве примера лишь малую часть сохранившейся черновой версии — вариант §419 «О истинном христианстве», но рукопись, сохранившаяся в РГБ, содержит §§419–427 [См.: 1]. Таким образом, §420–427 черновика святителя (тверских лекций?) остались нерасшифрованными и неопубликованными.

Обращаясь к этой уникальной рукописи (НИОР РГБ Ф609, к.1 ед.04. лл. 64-102), описанной И. Д. Бердниковым в Примечании №30 к Т. I Творений Св. Тихона, мы не видим никаких следов того, что данный текст мог быть переводом с латинского языка [11]. На полях рукописи нет ни одного слова на латинском языке, напротив, мы видим следы редактирования святителем живого русского текста переходного периода, народный русский язык в сочетании со славянскими выражениями. Святитель свободно зачеркивает слова или целые куски текста, делает вставки на полях или внутри текста между строками. Впрочем, это еще само по себе ничего не доказывает, т. к. святитель мог легко переводить с латинского, так сказать, «на бегу» (владея им в совершенстве), при этом и добавлять, и на ходу исправлять текст.

Но самое интересное мы обнаруживаем на полях рукописи. При внимательном изучении нетрудно заметить существование на полях не только обычной полистовой нумерации, но наличие тетрадной

нумерации через каждые восемь листов: это номера тетрадей «132» (л.68), «133» (очень слабо заметен в верхнем правом углу л.76), «134» (л.84), «135» (л.92), «136» (л.100), рукопись завершается листом 102. Итак, мы имеем несколько восьмилистовых тетрадей черновика произведения «О истинном христианстве», тетради «131» (лл.64-67) и «137» (лл.101-102) дошли до нас лишь частично, и пять тетрадей (132, 133, 134, 135, 136) дошли до нас целиком. Но это открытие означает гораздо большее. Изучая другие рукописи Св. Тихона, мы замечаем, что он применяет тетрадную нумерацию постоянно. Так окончательные версии 5-й статьи (§§359-442) и статьями 6 и 7 (§§443-484) «О истинном христианстве» (Ф609, к.1 ед.03; Ф609, к.1 ед.04 лл.1-63 [12; 11]) представляют собой целостные рукописи, где тетрадная нумерация проставлена рукой Св. Тихона последовательно с первой до последней тетради. Таким образом, черновик должен был иметь не менее 137 тетрадей, следовательно, черновик был огромен и содержал по меньшей мере 1096 листов. Причем 137-я тетрадь черновика содержит черновой вариант завершения §426 и весь §427, черновик логически не завершен, следовательно, он был еще больше, окончательная версия произведения завершается §531.

Обратимся к рукописи из другого фонда: НИОР РГБ Ф.317 /44/№ 50, — этот Фонд носит название «Собрание рукописных книг святителя Филарета (Дроздова)», описание рукописи № 50 содержит ошибку, это не 10-я, а 9, 10, 11 главы 8-й статьи (§§500-507) произведения «О истинном христианстве» [16, 14]. Если же повнимательнее полистать страницы этой рукописи [10], то мы обратим внимание, что все ссылки на Священное Писание в этой рукописи даются на полях, это характерно для черновика, но никак не для беловика этого произведения. На л.11 об. пропущен абзац текста, на л. 5 об., л.6 об. встречаем зачеркнутые и затем переработанные предложения: следы работы над текстом и т. п., что подтверждает тот факт, что перед нами черновик. Этот вывод подтверждается и обнаружением на полях этой рукописи тетрадной нумерации «151» на л.5. Таким образом, эта рукопись является частью тетради 150 (лл. 1-4 об.) и целой тетрадью 151 (лл.5-12), и есть еще один фрагмент огромного черновика, содержавшего, как мы теперь знаем, не менее 151 тетради и, следовательно, не менее 1208 листов.

Итак, мы имеем три отрывка черновика произведения «О истинном христианстве»: «Глава о украшении суетном» (Странник, август 1861 г.) — **черновик §§62-68** («О истинном христианстве» [14, 1.1.3.4]), дошедший до нас не в рукописи, а в печатном издании, подготовленном на основе рукописной копии, принадлежавшей преосв. Афанасию; НИОР РГБ Ф609, к.1 ед.04. лл. 64-102 — **черновик §§419-**

427 [14, 2.5.10-11], принадлежавший Саровскому монастырю; НИОР РГБ Ф.317 /44/№ 50 — **черновик §§500-507**[14, 2.8.9-11]), принадлежавший Св. Филарету Московскому.

Вспомогательным содержанием черновых отрывков текста. В **черновике §419** находим: «смотри главу о грехе, и главу о страсти и слепоте первья книги» [11, л. 69 об.], чему соответствует в беловике §419 «смотри еще статью, 2, первья кн» [12, л. 200]. Итак, черновик содержал, как и беловик, 2 книги. 1-я книга черновика имела среди прочих главы: «о грехе» и о «страсти и слепоте», чему в беловике соответствуют три главы 3-й статьи 1 части 1 книги [14, 1.1.3.1-3]: главы «О грехе» [14, 1.1.3.1], «О пристрастии...» [14, 1.1.3.2], «О слепоте человеческой» [14, 1.1.3.3]. В беловике к этим главам примыкает глава 1.1.3.4 «О суетном и прелестном украшении», черновик которой мы также имеем (**черновик §§62-68**). В беловике Св. Тихон относит ошибочно эти главы к 2-й, а не к 3-й статье 1 части, 1 книги, не есть ли это косвенное указание на то, что в черновике они принадлежали ко 2-й статье, тогда 1-й или 2-й статьи в черновике могло не быть.

В **черновике §420** имеем: «Смотри еще гл: о терпении, благодарении и усом пути первья книги» [11, л.77 об.], что почти дословно повторяется и в беловике, итак, черновик содержал главы, соответствующие еще трем главам беловика (5, 6, 7 главы 3-й статьи 2-й части 1 книги: 1.2.3.5-7). В **черновике §426** читаем: «смотри еще главу о терпении: главу о усом пути первья книги» [12, л. 101 об.], чему в беловике соответствует: «смотри еще главу о терпении и усом пути первья книги», итак, черновик более четко выражает отдельность глав «о терпении» и «о усом пути», значит, и глава «о благодарении» была в черновике отдельной главой.

В **черновике §501 «Мудрость христианская»** читаем: «смотри еще главу вторую первья книги первья статьи» [10, л.2 об.], т. е. черновик имел 1-ю статью 1-й книги с двумя главами, вторая из которых была идентична по содержанию (тема мудрости) 2-й главе, 1-й статьи 1-й книги беловика. Таким образом, фрагментарная структура черновой версии была следующей:

1-я книга: 1-я статья: 1-я глава (вероятно, «О слове Божиим»), 2-я глава (тема мудрости); (3-я или 2-я статья?) глава «О грехе», глава «О страсти и слепоте», «Глава о украшении суетном» (аналог §§62-68), (2-я часть? 3-я статья?) глава «О терпении», глава «О благодарении», глава «О усом пути».

2-я книга: (статья 5-я?) Глава 10-я § «Разсуждение грѣха можетъ съ Божією помощію отъ грѣха отвести» (статья 5-я?) глава 11-я «Какъ христианинъ долженъ себе утешать в приключаящихся скорбехъ» (статья 8-я), Глава 9-я «Мудрость христианская», глава 10-я «Свобода христианская», глава 11-я «Работа христианская».

Итак, черновик «О истинном христианстве» был не только по своему великому объему близок к окончательной версии (не менее 1208 листов), но имел и идентичную структуру. В черновике имеются статьи, главы, параграфы; порядок статей и глав внутри статей, даже нумерация ряда глав внутри статей черновика совпадает с соответствующими элементами окончательной версии (параграфы черновика автор оставлял без нумерации). При переходе к беловику сохранился целостный замысел: сохранились внутренние ссылки параграфов 2-й книги на соответствующие главы и статьи 1-й книги.

Таким образом, на уровне объема и макроструктуры черновик главного произведения Св. Тихона «О истинном христианстве» оказывается «близнецом» окончательной версии. Черновик представляет собой настолько крупное и завершенное в своей структуре произведение, что отнести его к тверскому периоду деятельности Св. Тихона просто невозможно. Невозможно черновик представить и как отрывки из тверских уроков святителя. Такое объемное и завершенное по замыслу черновое произведение могло быть написано лишь на покое, когда святитель освободился от множества административных дел (т. е. отнюдь не в период ректорства и архимандритства в Твери, викариатства в Новгороде и архипастырского служения в Воронеже). Именно 1768 г., первый год покоя в Толшевском монастыре под Воронежем, дал святителю благоприятные духовные условия и вдохновенные переживания для такого фундаментального замысла. На наш взгляд, черновик как глубокий и обширный творческий замысел мог быть написан незадолго до его переработки в окончательное произведение, а именно в 1768-69 гг. — в период нахождения Св. Тихона на покое в Толшевском монастыре и в начале Задонского периода его жизни, а в 1770–71 гг. черновик был переработан в окончательную версию.

Для дальнейшего подтверждения этой версии и окончательного решения вопроса о тверских лекциях Св. Тихона (был ли некий более краткий латинский или русский текст тверского периода в основе «О истинном христианстве») мы в ближайшее время рассмотрим микроструктуру текстов Св. Тихона (переработку текстов параграфов и пунктов черновика в беловик), малые произведения, легшие в основу «О истинном христианстве», творческую эволюцию Св. Тихона, а также некоторые дополнительные моменты. Следует констатировать, что наследие Св. Тихона Воронежского и Задонского остается слабо изученным, и наш долг пролить свет на тайны его творчества. Данная статья и является одним из первых шагов по выяснению этих тайн.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавриил (Мельников Д. В.), иеромонах. Забытые рукописи Св. Тихона Задонского (к истории вновь обретенного рукописного фонда) [в печати] / Д. В. Мельников // Христианское чтение. 2017, № 3.

2. Грот Я. К. Переписка Евгения с Державиным, чтение Я. К. Грота. С приложением писем Преосвященного к графу Хвостову и К. К. Гирсу / Я. К. Грот. — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1868. — С. 65–216.

3. Евгений (Болховитинов), митр. Описание жизни и подвигов Преосвященного Тихона, Епископа Воронежского и Елецкого, собранное для любителей и почитателей памяти сего Преосвященного. Издание второе, вновь пересмотренное, исправленное и умноженное. М., 1820. — 120 с.

4. Евгений (Болховитинов), митр. Описание жизни Преосвященного Тихона, Епископа Воронежского и Елецкого, сосочиненное для любителей и почитателей памяти сего Преосвященного // Сочинения преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. — Т. I — СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1825.–100 с.

5. Евфимий Болховитинов, прот. Полное описание жизни Преосвященного Тихона, бывшего прежде Епископа Кексгольмского и Ладожского и Викария Новгородского, а потом Епископа Воронежского и Елецкого, собранное из устных преданий и записок очевидных свидетелей с некоторыми историческими сведениями касающимися до Новгородской и Воронежской иерархий, изданное особенно для любителей и почитателей памяти сего Преосвященного В.С.П.П. Е. Болховитиновым. СПб., 1796. — 78 с.

6. Олейников Т. М. К истории издания творений и жития Св. Тихона (по материалам рукописного сборника №1751 библиотеки московской синодальной типографии) / Т. М. Олейников // Воронежская старина. Выпуск 11, 1912. — С.177–177.

7. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. Изд. 2-е., исправленное и умноженное, с присовокуплением трех списков писателей: азбучного, хронологического и перечневого — СПб.: Типография Н. Греча, 1818 г. — 712 с.

8. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. Изд. 2-е., исправленное и умноженное, с присовокуплением трех списков писателей: азбучного, хронологического и перечневого — СПб.: Типография Ильи Глазунова, 1827 г. — Т. 2. — 334 с., LXXVI с.

9. Странник. Духовный учено-литературный журнал, издаваемый священником, М. Б. Василием Гречулевичем. — СПб., 1861. — Август. Отдел 2. — 164 с.

10. Тихон Задонский, святитель. О истинном христианстве (черновик части 8-й статьи 2-й книги). НИОР РГБ Ф.317 /44/№ 50.

11. Тихон Задонский, святитель. О истинном христианстве (черновик части 5-й статьи 2-й книги). НИОР РГБ Ф.609, к.1 ед.04 лл. 64–102.

12. Тихон Задонский, святитель. О истинном христианстве 5-я статья 2-й книги. НИОР РГБ Ф.609, к.1 ед.03.

13. Тихон Задонский, святитель. Творения. М.: Синодальная типография, 1875 г. — Т.1. —244 с., XIVс.

14. Тихон Задонский, святитель. Творения. — М.: Синодальная типография, 1875 г. — Т. 2-ТЗ. — 360 с., 420 с., IVс.

15. Тимофей (Самбикин), игумен. Краткое описание жизни преосвященного Тихона первого епископа Воронежского и Елецкого // Три книги сочинения преосвященного Тихона I, епископа Воронежского и Елецкого — СПб., Синод. тип., 1794 — С. 1–21 (первая книга конволюта).

Липецкий государственный педагогический университет имени Семенова-Тян-Шанского

Иеромонах Гавриил (Мельников Д. В.), клирик Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря, старший преподаватель Липецкого государственного педагогического университета имени Семенова-Тян-Шанского, кандидат богословия СПбДА

16. Описание фонда: Филарет (Дроздов Василий Михайлович): собрание, XVII-XIX в. — 79 ед. хр. НИОР РГБ Ф.317 URL: <http://search.rsl.ru/ru/search#q=%D0%A4.317> С.14: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01004861455#?page=24> (дата обращения 10.05.2017).

17. Шмурло Е. Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767-1804 / Е. Шмурло. — СПб. : Типография В. С. Балашева, 1888. — 460 с.

Lipetsk State Pedagogical University named after Semyonov-Tyan-Shansky

Hieromonk Gabriel (Melnikov D. V.) a Clergyman of Zadonsk Mother of God Nativity Monastery, a Senior Teacher, Candidate of Theology area, SpbDA

ТЕМА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ В РАССКАЗАХ Г. П. БЕЛОРЕЦКОГО

Р. С. Переславцева

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Воронежский филиал)

Поступила в редакцию 26 февраля 2017 г.

Аннотация: статья посвящена теме русско-японской войны 1904–1905 годов в творчестве Г. П. Белорецкого. Указанное событие с точки зрения автора несет в себе одновременно чудовищный и нелепый смысл, неслучайно в 1906 году писатель объединяет указанные рассказы в книгу с символическим названием «Без идеи». Война для Г. П. Белорецкого не только феномен превращения живого в неживое, но и «своих» в «чужих».

Ключевые слова: русская литература XX века, уральские писатели, русско-японская война 1904–1905 гг., Г. П. Белорецкий

Abstract: the article discusses to the theme of the Russian-Japanese war of 1904–1905 in the works of G. P. Beloretsky. The specified event carries the simultaneously monstrous and absurd sense from the point of view of the author, it is not coincidence that the writer brings together these stories in 1906 in the book with a symbolic title “No idea”. The war for the G. P. Beloretsky not only the phenomenon of the conversion of the living to the inanimate, and “our” to “stranger”.

Keywords: Russian literature of the twentieth century, Ural writers, the Russian-Japanese war of 1904–1905, G. P. Beloretsky

Григорий Прокофьевич Белорецкий (настоящая фамилия — Ларионов) служил во время русско-японской войны 1904–1905 гг. военным врачом. После демобилизации, в 1905–1906 гг. в журналах «Русское богатство», «Русская мысль» публикуются его рассказы, посвященные указанному событию. В 1906 году в Санкт-Петербурге выходит книга «Без идеи (Из рассказов о войне)». По решению Цензурного комитета тираж сборника был фактически полностью уничтожен. В советское время несколько рассказов о русско-японской войне было опубликовано в сборнике «Избранное» (Уфа, 1958). До настоящего времени при изучении творчества писателя внимание исследователей обращено прежде всего на его рассказы и очерки из народного быта. Между тем, по мнению В. Б. Королевой, «военная проза Белорецкого о русско-японской войне сродни лейтенантской прозе <...> о Великой Отечественной войне» [1, 455].

Метафорой русско-японской войны для героя Г. П. Белорецкого становится образ «химеры» (название одноименного рассказа писателя). «Всякое воспоминание» о событиях в Маньчжурии ассоциируется у рассказчика с «дородной и пошлой фигурой» генерала, «грязно-желтым пятном выступающей на фоне трупов, языков пламени» [2, 73]. Самый яркой чертой в образе генерала становятся его «фарфоровые глаза». Обычно фарфор ассоциируется с хрупкостью, совершенством, изяществом. Стоит принять во внимание и устойчивое сочетание «китайский

фарфор». Оно имплицитно актуализировано в тексте, так как смерч войны, олицетворением которой служит генерал, затрагивает прежде всего китайское население. Однако в рассказе Г. Белорецкого «фарфоровые глаза» генерала соотносятся с искусственностью (кукольностью), механистичностью и безжизненностью: «Если бы мне сказали, что они у него искусственные, я бы не удивился» [2, 73]; «Глаза — неподвижные, большие, слегка на выкате, отчетливо голубые, фарфоровые» [2, 73]; «Глаза выражали неприятное, глупое и совершенно безжизненное, кукольное добродушие» [2, 73]. Фарфоровые глаза генерала напоминают герою «родные аксессуары физиономии нашего российского Держиморды» [2, 73].

Сравнение командира с образом полицейского из гоголевской комедии «Ревизор» подчеркивает в образе генерала не только природную склонность к жестокости, но и указывает на воплощение в последнем государственных карательных функций. Логично, что по завершении войны «генералу NN поручено водворить спокойствие» в двух больших округах» [2, 87]. Фактически образ генерала «сшивает», объединяет пространство фронта и тыла в единую территорию войны, которую ведет с японцами, китайцами и своими подданными (!) государство. Этот сюжетный ход мы встречаем также в произведениях С. Н. Сергеева-Ценского, посвященных русско-японской войне («Бабаев», «Поручик Дерябин», «Убийство»), в которых театр военных действий представлен пространством русской провинции с восстаниями, демонстрациями, погромами, а также

с сюжетом рассказа А. И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников», где ареной военных действий станет Петербург.

Неживой, механистический образ генерала усиливают эпитеты, которыми рассказчик наделяет его голос: «скрипучий», «безжизненный», «будто искусственный», «деревянный» [2, 74]. Образ персонажа абсолютно секуляризован: его «брюшко» защищают в буквальном смысле слова «бумажник и иконка» [2, 73]. Образ генерала-«химеры» также встречается в рассказе Г. П. Белорецкого «На войне» (например, в описании его портрета повторяется следующая деталь: на его груди топорчатся «бумажник и икона» [4, 15]).

Автор заметки, посвященной рассказу Г. П. Белорецкого «Химера», пишет о том, что на войне «теряется граница между человеком и зверем... зверь выходит человечнее человека» [3, с.212]. Тюрьма, где томятся ожидающие казни китайцы, представлена как «человеческий зверинец» [3, 213]. Генерал не столько занят собственно боевыми действиями, сколько казнями, которые он ставит на поток (три дня в неделю) и сам не прочь исполнить обязанности палача («хотелось самому отрубить голову»; «голубые фарфоровые глаза так и сияли» [1, 86], от предстоящей казни «был в полном восторге» [3, 214].

Будучи безжизненной, искусственной функцией разрушения всего живого, генерал воспринимает окружающих не как личность, индивидуальность, а как часть бюрократической государственной машины. У него «совершенно не было понятия “человек”: был “я”, потом “господа офицеры”, “нижние чины”, неприятель, китайцы и прочие одушевленные, то есть способные самостоятельно двигаться, предметы» [1, 75].

В рассказе «Химера» автор пишет о бездарности генерала как военного, стратега: «Все его распоряжения в больших боях были бестолковы... В промежутках между сражениями он занимался разведками; раз в месяц отправлялся на авось, без карты... наткнулся на японцев — шел обратно», «все это так гармонировало с общей картиной бестолковой и глупой войны, что казалось естественным и даже понятным» [2, 74]. Таким образом, генерал олицетворяет чудовищность войны не только в смысле ее необоснованной, слепой жестокости, но и также в части бестолковости ведения боевых действий. В данном случае в рассказе реализуется второй смысл слова «химера» как «пустой выдумки» [10, 650], связанной с притязаниями государственных лиц на Дальнем Востоке.

О пустоте и пошлости маньчжурских событий говорят герои в рассказе «На войне». Офицер Унтерберг, приехавший в Маньчжурию добровольцем, замечает: «Удивительно здесь мельчаешь» [4, 22]. Он рассказывает, что, когда ехал на фронт, полагал, что война — «сильнее, страшнее», нечто «полное геро-

изма», а в итоге даже «смерть! — и та произведена в разряд самых ординарных, самых пошлых явлений» [4, 24]. Действующие лица на войне изображены живыми мертвецами. Казаков рассказчик описывает следующим образом: «стоят как изваяния с каменными, неподвижными лицами, ничего не выражающими глазами» [4, 28]. Похожее описание офицеров С. Н. Сергеев-Ценский приводит в романе «Бабаев».

Автор с особой экспрессией описывает в рассказе «На чужой стороне» смерть на войне. Она лишена какого-либо героизма, напротив, труп казака Ильи Гусыни вызывает у рассказчика непреодолимое отвращение: «Помнил, что сзади везут труп, отвратительный, грязный и холодный, как лед» [6, 82]. Илья Гусыня ранен в живот, он долго и мучительно умирает, его труп несколько раз падает с испуганной лошади в грязь. Хоронят Илью в воскресенье, при этом погода резко контрастирует с событием: «все весело и ярко и в Японии, и вероятно, в России» [6, 84], тело его кладут в отобранный у китайцев гроб с иероглифами, при этом рассказчик предполагает, что китайцы этот гроб затем выкопают. Полковник Кобылин в надгробной речи путает имя покойного. Рассказчик с горькой иронией приводит слова полковника, пафосные и бессмысленные, состоящие из штампов: «он пал, как герой, потому что был ранен в живот. Пал он за Царя православного и Русь святую... Желаю и всем вам такой же смерти» [6, 85]. Автор «Журнального обозрения» справедливо писал, что в рассказах Г. П. Белорецкого «кроме страшного война имеет в себе еще и много пошлого» [7, 220].

Даже традиционная молитва «Отче наш» на фронте воспринимается как хаос звуков, звучит «грубее, беспорядочнее, бестолковее» [4, 18]. Студент Иван Петрович жалуется на отупение на войне: «это какая-то тина: с каждым разом опускаешься все больше и больше» [4, 10]. Подобные рассуждения героев являются общим местом в произведениях о русско-японской войне 1904–1905 гг. Л. Сулержицкого, В. Вересаева, Г. Эрастова, И. Митропольского, А. Куприна и др.

Закономерно, что Г. Белорецкий при подготовке (в 1906 году) сборника произведений о русско-японской войне дает рассказу «На войне» новое название «Без идеи». Оно станет и общим названием книги автора. По мнению В. Б. Королевой, «подтекст названия книги (“Без идеи”) содержит антитезу официальным патриотическим лозунгам» [1, 456].

Для Н. Ю. Грякаловой словосочетание «без идеи» — синоним незнания, недооценки российским государством и русскими войсками врага и территории, где развернулись боевые действия, то есть указание на химеричность державных притязаний на Дальнем Востоке, их несбыточность: «Говоря современным языком, возник кризис идентификации:

утрата своего “я”, потеря власти над пространством и, следовательно, над ситуацией» [9, 31]. В качестве примера исследовательница приводит книгу военного корреспондента Людовика Нодо «Они не знали...», изданную в России в 1905 году. Н. Ю. Грякалова также отмечает, что «рефрен “они не знали” звучал и в книге очерков Г. Белорецкого “Без идеи. (Из рассказов о войне)” (1906)» [9, с.31]. Характерно, что в рассказе «В чужом пиру» герой говорит о том, что японцы воюют за идею, они знают, зачем эта война. В рассказе «На чужой стороне» казак в письме родным пишет: «А скоро ли будет замирение, это нам ничего не известно. И зачем японец бунтуется, тоже не знаем» [6, 83].

Похожая тема звучит и у других авторов, пишущих о русско-японской войне. Для штабс-капитана Рыбникова оппозиция знание / незнание становится главным маркером «чужих» и «своих» — японцев и русских: «Они (японцы. — *Р.П.*) дерутся за жизнь, за славу, за самостоятельность, а мы почему ввязались? Никто не знает» [8, 383]. В очерках В.Вересаева «На японской войне» персонажи так характеризуют японцев: «Жизнью своею никто не дорожит, каждый готов все отдать за родину <...> Потому что у них есть идея... они знают, за что сражаются» [10, 27].

Единственной возможностью преодоления войны, способностью духовного самосохранения, выживания для героя Г.П. Белорецкого становится попытка нахождения «своего» в «другом» и «чужом»: «Я видел, что мы — не русский и китаец, а просто два человека, связанные с другими людьми и землей совершенно одинаковыми и простыми человеческими чувствами» [11, 100]. Такую попытку рассказчик предпринимает во время разговоров с Ли Пин Лином («На войне»), при описании трагической судьбы переводчика в русской армии — китайца Ивана Ивановича («В чужом пиру»).

Обозреватель «Русской мысли» отмечает, что писатель на войне «прежде всего <...> увидел горе не русское и не японское, а китайское» [7, 220]. Рассказчик признается: «Из всех бессмысленно-отвратительных картин войны..., самыми жестокими и бессмысленными кажутся мне те, центральными фигурами которых были китайцы» («В чужом пиру») [11, 88]. Герой позиционирует мир китайцев как мир «милых, наивных детей» [4, 7], которые производят «впечатление взрослых» [11, 88]; «делают вид, что взрослые» [11, 88]. Они тщательно обрабатывают свои скромные наделы, живут без замков, «тесно, но не мешая друг другу» [11, \91]. Китайцы, с одной стороны, представлены как «дети», которых, согласно христианской и особенно русской православной традиции, обижать грешно, так как они сакральны в силу своей непорочности и чистоты. Иначе говоря, разрушая их миниатюрный мир, русская армия уже совершает неправо дело. С другой стороны, китайцы — «другие», «странные» люди, в то же время во

многим похожие на русских крестьян. Поэтому казаки, которых самих оторвали от «непаханных полей», порой, очнувшись от жестокости и отупения войны, жалеют китайцев, чьи поля потоптали лошаадьми, а фанзы пожгли. Одному из китайцев-переводчиков в русской армии казаки дают в знак уважения русское имя и отчество: Иван Иванович. Именно ему, человеку, по судьбе которого война прошла с особой жестокостью (разорена и сожжена фанза, неизвестна судьба жены и детей, помешавшегося от горя отца казаки ловят и запарывают до смерти) автор доверяет главные слова в своем цикле рассказов: «зачем война?» [11, 97].

Рассказчик обнаруживает точки соприкосновения в межличностном общении, пространственном коде (санитар Корнышев говорит: «Ордынские здесь места... Дикие» [4, 20–21]) и духовном плане: он встречает маленькие часовенки с изображениями святых и находит последние, «удивительно похожими на русские иконы» [12, 6]. Война, которую олицетворяют генералы русской армии, несущая «непоправимое разорение», превращает китайцев из «детей», «других», «странных», но потенциально «своих», в «чужих» и врагов. Казаки рассуждают: «с голоду они (китайцы. — *Р.П.*) в фунфузы идут... Земли бы им побольше, да никто бы их не трогал» [12, 5].

Таким образом, русско-японская война 1904–1905 годов в рассказах Г. П. Белорецкого предстает чудовищным («химерой»), крайне жестоким, ничем не оправданным действием, находящимся как за гранью христианских ценностей, так и норм общечеловеческого общежития, а также бессмыслицей, глупостью. «Зачем война?» не знают ни китайцы, по территории и судьбам которых проходит линия фронта, ни казаки, которых хоронят с казенными словами в гробах с иероглифами. Война заставляет людей, имеющих похожие ремесла, духовные и исторические связи, граничащие территории, смотреть друг на друга сквозь прорезь винтовки. Для генерала, который служит олицетворением машины войны, в принципе не существует понятия «человек», поэтому он с одинаковым удовольствием казнит китайцев и усмиряет русских бунтовщиков. Государственная машина, преследующая свои амбициозные и непонятные призывникам планы, распространяет театр военных действий с линии фронта в Маньчжурии вглубь российской территории. Единственной попыткой выживания, сохранения в себе человеческого начала, преодоления судьбоносного влияния «химеры» становится поиск в «другом», даже возможном и потенциальном неприятеле, признаков «своего».

ЛИТЕРАТУРА

1. Королева В. Б. Национальное и наднациональное в произведениях Г. Белорецкого о войне / В. Б. Королева // Литература Урала : история и современность : сб. ст. —

Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. — Вып.5 : Национальные образы мира в региональной проекции. — С.451–458.

2. Белорецкий Г. Химера / Григорий Белорецкий // Современность. — № 2. — 1906. С. 72–87.

3. Арн. Журнальное обозрение / Арн. // Русская мысль. — 1906. — № 6. — С. 211–219.

4. Белорецкий Г. На войне / Григорий Белорецкий // Русское Богатство. — 1905 — № 2. — С. 3–30

5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Избранные статьи / В. И. Даль / Под ред. Л. В. Беловинского. — М. : ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2004. — 700 [4] с.

6. Белорецкий Г. На чужой стороне (из недавних воспоминаний) / Григорий Белорецкий // Русское богатство. — 1905 — № 9. — С.75–85.

7. Журнальное обозрение // Русская мысль. — 1905 — № 5. — С. 214–226.

8. Куприн А. И. Повести и рассказы. В 2 т. Т. 1 : Повести и рассказы 1893–1905 / А. И. Куприн. — М. : Худож. лит., 1963. — 623 с.

9. Грякалова Н. Ю. Война на Востоке и кризис европейских ценностей (Евро-Азиатский маршрут Максимилиана Волошина) / Н. Ю. Грякалова // Русская литература. 2004 — № 3. — С. 29–39.

10. Вересаев В. На японской войне; Живая жизнь / В. Вересаев. — Мн. : Нар. асвета, 1988. — 496 с.

11. Белорецкий Г. В чужом пиру / Григорий Белорецкий // Русское богатство. — 1905 — № 10. — С. 88–118.

12. Белорецкий Г. На войне / Григорий Белорецкий // Русское богатство. — 1905 — № 3. — С. 3–33.

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

Переславцева Р. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

E-mail: west30@yandex.ru

Russian economic University named after G. V. Plekhanov

Pereslavl'tseva R. S., Candidate of Philology, Associate Professor of the Languages Department

E-mail: west30@yandex.ru

ФИЛОСОФСКОЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПТА «АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА»

С. К. Б. Рабеев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье рассматривается философское и лингвистическое значение концепта «американская мечта» и его развитие в Америке как базового концепта всех идеалов, созданных американским обществом.

Ключевые слова: «американская мечта», Декларация, личная свобода.

Abstract: *the article deals with philosophic and linguistic meaning of the concept «the American dream» and its development in the United States as a basic concept of the ideals created by the American society.*

Keywords: «the American dream», Declaration, personal freedom.

Становление собственной культурной и литературной идентичности Америки относится к революционному периоду её ранней истории. Важным текстом этого периода является автобиография Бенджамина Франклина. В ней рассказывается история решительного молодого человека, который добился всего, не боясь никакой тяжелой работы. Начальная цель написания автобиографии Франклином заключалась в желании рассказать историю своего возвышения от бедности до богатства сыну Уильяму.

Франклин писал: «Дорогой сын... Предполагая, что и тебе тоже будет небезынтересно узнать обстоятельства моей жизни, многие из которых тебе неизвестны, и предвкушая наслаждение, которое я получу от нескольких недель ничем не нарушаемого досуга, я сажусь за стол и принимаюсь за писание. Имеются, кроме того, и некоторые другие причины, побуждающие меня взяться за перо. Хотя по своему происхождению я не был ни богат, ни знатен и первые годы моей жизни прошли в бедности и неизвестности, я достиг выдающегося положения и стал в некотором роде знаменитостью. Удача мне неизменно сопутствовала даже в позднейший период моей жизни, а поэтому не исключена возможность, что мои потомки захотят узнать, какими способами я этого достиг и почему с помощью провидения все для меня так счастливо сложилось. Кто знает, вдруг они, находясь в подобных же обстоятельствах, станут подражать моим действиям [4, 903].

Однако незаметно замысел Франклина расширился. Автор сознательно начал определять себя как человека, идеализму и успеху которого могли подражать все американцы. Автобиография Франклина стала первой историей в американской литературе,

в которой содержались размышления об «американской мечте» и которая сыграла большую роль в развитии этой идеи. Её можно считать фундаментом в здании «американской мечты» в национальной литературе Америки. Вместе с тем укажем, что сама идея старше, чем Соединенные Штаты Америки. Ещё в конце XVII века европейцы стали связывать свои надежды с новым, неизведанным континентом на западе за океаном.

Сократ сказал, что, в сущности, все изучаемое является определяемым, и он был первым, кто смог определить сущность вещей [3, 484]. Чтобы с максимальной возможной точностью определить для себя значение концепта «американская мечта», следует в первую очередь обратиться к истокам — к Декларации независимости, в высшей степени повлиявшей на формирование национальных идеалов Америки. После утверждения, что все законные права человеку даны Богом, Декларация объявляет, что важнейшие «среди них [прав] — жизнь, свобода и стремление к счастью». Любое значимое определение «американской мечты» поэтому должно фактически сосредоточиться на поиске разумного сочетания трёх основ — стремлении к счастью, борьбе за свободу и святости (защите) жизни. Это ясное обоснование оригинальной «американской мечты». Одним словом, «американская мечта» — если у нее есть какое-либо значение вообще — является свободой выбора того, что мы хотим сделать в этой жизни, но при условии, что при этом мы соблюдаем права всех других людей.

Мечта — это личная свобода, хотя эта свобода реализует себя лишь до известной степени. Если мы требуем собственной свободы выбора, скажем, будучи заключёнными в «тюрьму», или иначе — будучи вынужденными жить в «рабстве» у какого-либо правительства, или учреждения, то наше требование

свободы становится пустым. Как многие рабы (заметим, что есть тысячи форм рабства, в котором рабы либо не знают о своей судьбе, либо смирились с ней), мы можем думать, что у нас есть свобода просто потому, что мы в состоянии выжить или преуспеть, соответствуя чужим требованиям. Но это все еще рабство (и самообман) — неистинная свобода выбора. Это обстоятельство показывает, что «американская мечта» не ограничена только «материальным успехом», она не сводима лишь к желанию «разбогатеть».

Мечта существует только до того предела, при котором она существует одинаково для всех. Если «все люди созданы равными», как утверждается в Декларации, то существует требование, чтобы любые возможности существовали одинаково для всех. Поэтому проблема равных возможностей является главной в «американской мечте». Америка была основана как государство на предпосылке, что все люди имеют равное право получить одинаковые возможности для себя — без несправедливого вмешательства в их судьбы, без дискриминации или препятствий — в гармонии с принципом свободы и ее выражением в человеческой креативности, изобретательности и инициативности.

Долгое время под различные дефиниции «американской мечты» подводили общий знаменатель, взятый из сочинения историка Джеймса Траслоу Адамса: «Американская мечта — мечта о земле, на которой жизнь должна быть лучше и более богатой, более полной для всех с возможностью для каждого, согласно способностям или успеху» [1, 404].

Однако нельзя обойти вниманием большой вопрос — насколько однородна «американская мечта»? Исчерпывается ли её понимание определением Адамса или она распадается на множество отдельных целей, которые преследует человек?

В своей книге «Американская мечта: краткая история идеи, которая сформировала нацию» (2003) Джим Каллен исследует сложность этого понятия. Он высказывает предположение, что в ядре «мечты» находится вообще вера в то, что вещи и обстоятельства могут становиться лучше, что по этой причине «американская мечта» может актуализироваться в сознании человека вновь и вновь. «Помимо этих соображений, мечта также включает подтверждение другой важной действительности: она находится вне абстрактной веры в возможность, нет никакой американской мечты, — пишет исследователь. — Вместо этого существует множество разновидностей американской мечты» [2, 7].

Термин «Американская мечта» использовался в различных интерпретациях, но по существу «американская мечта» — это гуманистическая идея, которая предполагает, что все люди имеют возможность стать успешными и счастливыми, пусть даже через тяжкий труд. Многие из этих «мечтателей»

сосредоточились на владении землей и создании процветающих компаний, которые теоретически должны были бы подарить им счастье. Другие связали свою «американскую мечту» с идеями религиозной свободы. Окончательное закрепление концепта «мечты» в американском общественном сознании произошло после его актуализации во время Великой депрессии.

Однако при этом многие полагают, что структура американского общества делает невозможной реализацию «американской мечты». Они указывают на классовое неравенство, на разницу этнического происхождения, которые разрушают идею «американской мечты» для всех. И действительно, торжество бесклассового общества вряд ли возможно в Америке, к тому же идеалистическое видение «американской мечты» также предполагает непредвзятое отношение к людям вне зависимости от вероисповедания, пола и национальной принадлежности, — чего, к сожалению, не происходит в Соединенных Штатах.

Америка действительно стала великой во всех областях. Однако в наше время в Америке происходит спад в области промышленности, изобретательства, культуры и многого другого, потому что прежняя «американская мечта» больше не существует. Многие культурологи замечают, что её существование в основном является иллюзией.

Скептики предлагают относиться к «американской мечте» как к чему-то дразнящему и недостижимому, ибо то счастье, которое она обещает человеку, не может быть настолько простым.

Желая увязать идеалистическое представление об «американской мечте» с реальностью, те же скептики иногда говорят, что «мечта» представляет собой простую возможность прожить лучшую, чем у родителей, жизнь. Это соображение особенно важно для иммигрантских общин, где новые граждане Америки были изначально поставлены в более трудные условия по сравнению с коренными обитателями страны. Именно оно обуславливает некоторые важные особенности художественных произведений писателей-иммигрантов современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Adams J. T. The Epic of America / J. T. Adams. — Safety Harbor, FL : Simon Publications, 2001.
2. Cullen J. The American Dream: A Short History of an Idea That Shaped a Nation / J. Cullen. — Oxford, New York : Oxford UP, 2003.
3. Guthrie W. K. C. A History of Greek Philosophy : Volume 2, The Presocratic Tradition from Parmenides to Democritus / W. K. C. Guthrie. — Cambridge University Press, 1965.
4. Rousseau, Cellini, De Quincey, Pompadour, Franklin, St. Augustine : Pickwick Publishers, 1929.

*Воронежский государственный университет
Рабееах Сафаа Кхалид Бреесам, аспирант кафедры
зарубежной литературы
E-mail: safaa.rabeeakh@mail.ru*

*Voronezh State University
Rabeeakh Safaa Khalid Breesam, Postgraduate Student of
the Foreign Literature Department
E-mail: safaa.rabeeakh@mail.ru*

ДИНАМИКА ОРФОГРАФИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ДЕТЕЙ 6-7 ЛЕТ

О. С. Сальникова

Череповецкий государственный университет

Поступила в редакцию 13 мая 2017 г.

Аннотация: в статье рассматриваются девиации и нормативные написания детей дошкольного и младшего школьного возраста с точки зрения их системности. Динамика орфографических стратегий представлена с учетом соотношения морфологических, фонетических и гиперкорректных написаний.

Ключевые слова: орфография, письмо детей дошкольного возраста, орфографические стратегии, гиперкорректные написания.

Abstract: the article discusses the deviation and regulatory writing of children of preschool and younger school age from the point of view of their consistency. Dynamics of the spelling strategies presented into account the ratio of morphological, phonetic and hypercorrect writing.

Keywords: spelling, writing of preschool children, spelling strategies hypercorrect writing.

Орфографический портрет ребенка дошкольного и младшего школьного возраста представляет собой совокупность типичных и уникальных орфографических особенностей и субъективного опыта (межсловесные ассоциации, письмо по аналогии, интуитивное владение языком и др.) речевой личности ребенка на определенном этапе освоения письменной формы речи.

Нас интересуют особенности становления орфографической компетенции в ее онтогенезе. Орфографическая стратегия рассматривается как выбор написания речевой личностью: «пишу, как слышу», «слышу и пишу по-другому», подбор проверочного слова для «сомнительного написания», написание «по аналогии». Орфографический портрет при этом отражает орфографическую личность ребенка.

Цель данной статьи — анализ нормативных написаний и девиаций в письме детей как иноорфографических написаний, включенных в организованную по правилам ребенка систему.

В качестве материала для исследования выступают письменные тексты детей 6-7 лет: естественная письменная речь и данные проведенных нами экспериментов и наблюдений за письмом детей дошкольного и младшего школьного возраста.

База исследования: «ЦДР МОДУ № 3 г. Череповца», «ЦДР МОДУ № 123 г. Череповца», «ЦДР МОДУ № 127 г. Череповца», «МОУ СОШ № 5 г. Череповца», «МОУ СОШ № 7 г. Череповца», «МОУ СОШ № 39 г. Череповца», «МОУ СОШ № 31 г. Череповца».

Анализ полученных данных еще раз показывает, что письмо ребенка дошкольного возраста напоминает упрощенную фонетическую транскрипцию:

дети выбирают вариант письма, близкий к произношению.

1. Стратегия «пишу, как слышу» в письме ребенка 6 лет

Для ребенка дошкольного возраста, придерживающегося стратегии «пишу, как слышу», написания типа *баранка*, *работа* (Алена Б., 7) не выходят из общей системы «звук-буква» и нормативно передаются в письме, в отличие от написаний типа *сабака* (собака), *кароцка* (коробка) (Алена Б., 7), которые представляют собой орфографические девиации.

Дети дошкольного возраста в естественной письменной речи передают нормативно и согласные, подверженные ассимиляции по глухости как проверяемые (45% респондентов): *книжка*, *сливки* (Оля Г., 7), *сказки* (Даша Ф., 6.10), *рыбка* (Оля С., 6), так и непроверяемые (13% респондентов): *вкуснае морожнае* (вкусное мороженое) (Глеб Г., 6.11), *вторник*, *второе* (Даша Ф., 6.9), *позавтракали* (Даша Ф., 6.10).

Девиации типа *арбус* (арбуз) (Витя, 6), *деш! Морос* (Дед Мороз) (Люба П., 6.7) (86% респондентов) и нормативные морфологические фонетические написания типа *будильник* (Оля С., 6), *холодильник* (холодильник) (Рома Т., 5) (100% респондентов) соответствуют произношению и не выходят из системы «пишу, как слышу», но отмечены и нормативные морфологические нефонетические написания: *хлеб*, *утюг* (Оля Г., 7), *город* (Поля М., 6), *друг* (Саша Р., 7), *снег*, *глаз*, *гриб* (Витя Р., 6) — у 34% респондентов.

Нормативные написания типа *утюг* (Оля Г., 7), *город* (Поля М., 6) противостоят стратегии «пишу, как слышу», но соответствия типа *город* – *города* как проявление единообразия морфемы, в данном случае — корня, проявляется для ребенка в звучащей

речи. «Частотность буквы также оказывается значимой» [1, 52]: *вторник, в прятки, позавтракали* (Даша Ф., 6.9).

В случае детей дошкольного возраста можно рассматривать не только «портретное» письмо морфем, но и «портретное» письмо целых слов (40% респондентов). Дети запоминают зрительный образ слова: *молоко* (Оля С., 7.5), *чай* (Илья П., 6.3), *молоко* (Денис С., 7), *молоко* (Сереза С., 7), *вторник, россии* (России), *москва* (Москва) (Даша Ф., 6.9). С графическим образом подобных слов дети часто встречаются в повседневной жизни. Ребенок запоминает не только написание отдельных словоформ, но и их совокупности: *наклейираскрсь* (наклей и раскрась) (Даша Ф., 6.9).

В наших наблюдениях (в задании с пропущенными буквами) отмечены случаи, когда дети дошкольного возраста самостоятельно проверяли его: *зубы, снеговик, паровозы*: «...знаковые единицы языка (слова и морфемы), выраженные графическим способом, могут выступать как оперативные единицы письма» [2, 254]. Данные еще раз подчеркивают то, что у детей дошкольного возраста высокий уровень морфемно-деривационных способностей.

Встретилась и проверка детьми «сомнительных» согласных добавлением суффиксов: *дубик, дубок*, окончаний: *зубы, паровозы, шарик – шары* (своя пара слов). Образование *дубик*, по типу *зубик*, указывает на понимание ребенком значения слов с суффиксом *-ик* как чего-либо маленького: «овладевая языком, человек усваивает не только систему лексических значений (так сказать, корневых значений типа *стол*), но и функции специальных морфологических единиц – суффиксов, окончаний и т. п., ту «семантическую работу», которую эти единицы выполняют. Только когда эта система усваивается, человек может оперировать значением слова как комплекса несущих информацию частей» [3, 30].

Все сказанное соотносится с концепцией эмерджентной грамотности, согласно которой «навыки, связанные с овладением устной и письменной речью, развиваются на протяжении ряда лет, начиная с младенчества, и постепенно совершенствуются в ходе не прерывающегося ни на мгновение процесса» [4, 476]. Способствовать приобретению данных навыков будет обогащенная речью среда, в которой находится ребенок, как справедливо указывает А. Н. Гвоздев: «Детский язык представляет из себя эволюцию языка, направляемую воздействием языка окружающей среды» [5, 6]. Опорой в формировании письма для ребенка-дошкольника является языковой опыт (по выражению К. Д. Ушинского, «чутье языка»).

В 1-м классе ребенок приступает к систематическому изучению правил письма. Анализ писем к Деду Морозу детей 7 лет показывает, что сочета-

ние *Дед Мороз* соответствует норме у 71 % респондентов, девиации отмечены при обозначении на письме качественной редукции предупредительного гласного (*мароз*) и закона конца слова (*дем*). Возможно, на нормативное написание оказало влияние то, что сочетание *Дед Мороз* как обращение используется детьми при написании писем к Деду Морозу вместе с родителями, при этом используется и вариант *Дедушка Мороз*: *дедушка мороз пожалуйста подари мне волшебную палочку и приставку и сенсорный телефон* (Аня Ф., 7 лет). Ребенок слышит сочетание *к Деду Морозу* и с опорой на звучащую речь выбирает нормативный вариант письма для случаев *Дед Мороз*.

Влияние орфографических норм проявляется не только в выборе нормативного варианта написания, но и в орфографоцентризме как принципе обыденного метаязыкового сознания, которое формируется в школе: «сильнейший акцент на написании отдельных орфограмм не может не способствовать развитию элементаристских представлений о речевой деятельности. Орфографическое поведение школьника формируется под влиянием таких установок, как «ошибкобоязнь», «опора на сомнение» [6].

На практике орфографоцентризм проявляется в появлении гиперкорректных написаний, написаний «на всякий случай»: *баран* (баран), *егурд* (йогурт). Сомнение ребенка выражается и в обозначении двух вариантов написаний: *апе/ильсин, ко/атенок*. В наблюдениях С. Н. Цейтлин за письмом детей отмечена также замена гласного в сильной позиции: *красный* (красный) [7, 233].

При анализе написаний учеников 1-го класса проявилась взаимообратная связь: гиперкорректные написания чаще встречаются вместе с нормативными написаниями, не соответствующими проношению: *дуб, но салат* (салат).

Стратегия «пишу, как слышу» и стратегия «слышу и пишу по-другому» не исключают друг друга и соседствуют в письме первоклассников.

В основе детских девиаций лежит стремление ребенка привести все факты языка в систему, в которой нет каких-либо ограничений: *салат* и *дуп*. Данное стремление сохраняется и в письме младших школьников, а именно в гиперкорректных написаниях: *коровай, кормель, мокроны, копуста, работа, покет, торелка, тобурет*.

Системность девиаций подчеркивает их иноорфографический характер: ребенок создает свою систему письма, беря за основу какой-либо единичный факт.

В целом, процесс освоения письма ребенком 6-7 лет основан на естественном развитии ребенка, его когнитивных особенностях (восприятие, мышление, память), общем речевом развитии, последовательности этапов освоения письма, сформированности

языковой интуиции, лингвистических факторах (системе графики и орфографии).

На орфографические обобщения детей дошкольного возраста и учеников 1-го класса, возможно, оказывает влияние формирующийся читательский опыт: *дед мороз, на новый год* (Маша Ф., 7) и внимание ребенка к звучащей речи: *сад – садик, дед – де-душка*. В письме детей наблюдается дифференцированный подход к написанию каждого слова: отсюда различные варианты написаний у одного ребенка: *валчуса* и *волчуса* (волчица).

Анализ письма детей показывает, что элементы фонетического письма сохраняются в непроверяемых и проверяемых написаниях, при этом гиперкорректные написания в большей степени представлены в письме учеников 1-го класса, возможно, как проявления связующего мышления детей: если *вд-рона*, то и *могозин*. В данных написаниях отражается осторожность ребенка при письме, на всякий случай выбирается вариант, далекий от произношения.

Ребенок при освоении системы письма проходит ряд этапов, при этом переход от одного к другому этапу и в письме детей дошкольного возраста, и младшего школьного возраста не имеет четкой границы. Ребенок создает свою индивидуальную систему письма, включающую в себя выбор стратегии письма, орфографическую тактику, знание и применение орфографических правил, интуитивные алгоритмы письма, речевой опыт. Данная система и проявляется в орфографическом портрете.

Череповецкий государственный университет

Сальникова О. С., кандидат филологических наук, ассистент

E-mail: salnikovaos@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Цейтлин С. Н. К анализу буквенных замен в письменной речи дошкольников и младших школьников / С. Н. Цейтлин // Проблемы детской речи — 1998. Доклады всероссийской научной конференции / Ред. сост. Р. Л. Смутаковская. — Череповец : ЧГУ, 1998. — 48–53 с.
2. Кузьмина Т. В. Оперативные единицы письма в детской письменной речи / Т. В. Кузьмина // Онтолингвистика — наука 21 века: материалы международной конференции, посвященной 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. И. А. Герцена (4–6 мая 2011 г., Санкт-Петербург) / редкол. Т. А. Кругликова (отв. ред.) и др. — СПб. : Златоуст, 2011. — С. 252–258.
3. Негневицкая Е. И. Язык и дети / Е. И. Негневицкая, А. М. Шахнарович. — М. : Наука, 1981. — 111 с.
4. Крайг Г. Психология развития / Г. Крайг. — СПб. : Питер, 2003. — 992 с.
5. Гвоздев А. Н. Значение изучения детского языка для языкознания. Как дети дошкольного возраста наблюдают явления языка (Детская речь: Хрестоматия. Ч. III / Сост. С. Н. Цейтлин) / А. Н. Гвоздев. — СПб. : БИОНТ, 1999. — 64 с.
6. Голев Н. Д. Когнитивный аспект русской орфографии: орфографоцентризм как принцип обыденного мета-языкового сознания [Электронный ресурс] / Н. Д. Голев // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике: Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. Т. И. Стекловой. — Новосибирск, 1999. — С. 97–107. — Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z01.html>.
7. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи / С. Н. Цейтлин. — М. : ВЛАДОС, 2000. — 240 с.

Cherepovetz State University

Salnikova O. S., Candidate of Philology, Assistant

E-mail: salnikovaos@yandex.ru

ЯЗЫК СИМВОЛОВ В РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»

Л. Г. Сатарова, Н. В. Стюфляева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 1 марта 2017 г.

Аннотация: в статье признается бесперспективным узкосоциологический подход к роману М. А. Шолохова «Поднятая целина» и раскрываются его духовно-нравственные смысловые доминанты. Писатель передает трагический дух эпохи 30-ых годов через особенности символики, которая восходит к библейской образности.

Ключевые слова: коллективизация, конфликт, символика, мотив, сюжет, библейский контекст, пейзаж.

Abstract: the paper accepts the restricted sociological approach to the novel "Virgin Soil Upturned" by M. A. Sholokhov being dead-end and reveals its spiritual and moral conceptual dominants. The writer conveys the tragic spirit of the 30s by means of symbolism originated in the Bible.

Keywords: collectivization, conflict, symbolism, motif, plot, biblical context, scenery.

Роман М. А. Шолохова «Поднятая целина» вот уже несколько десятилетий, как исключен из школьной программы по литературе. Но справедливо ли? На заре перестройки появился ряд публикаций, в которых развенчивалось это талантливейшее и правдивейшее произведение о коллективизации. Остановимся на некоторых из них, показательных для постсоветской эпохи. В 1988 году в журнале «Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР» публикуется статья Г. М. Ребель «Предостережение (опыт прочтения романа «Поднятая целина»)». В ней в соответствии с духом времени в очередной раз бичевался и проклинался Сталин и его политика в деревне, которая определялась как безусловное зло для нашей страны. Автор статьи, которая, заметим, любит творчество Шолохова, предложила новый подход в трактовке конфликта и сюжетно-композиционной структуры «Поднятой целины». По ее мнению, линия Давыдов — Половцев выражает только внешнюю сторону содержания романа, его фабулу. А основной сюжет спрятан внутри позиций тех членов партии, которые затеяли и проводили переворот в деревне. В чем же не согласен, например, Макар Нагульнов со Сталиным? Г. М. Ребель констатирует: «Может быть, ошибок своих несомненных признавать не хочет? Да нет, с этим у него все в порядке: «Я согласен с тем, что влево загибал с курями и с прочей живностью...» Неприятие, протест Нагульнова вызваны совсем другим, действительно очень серьезным поводом. Ошибки, допущенные местными руководителями по неведению, неопытности, от излишнего рвения, а большей частью — из-за по-

рочности самих установок, в статье Сталина квалифицируются как действия, ведущие «к усилению наших врагов, а авторы этих искривлений», оказывается, «льют воду на мельницу правого оппортунизма». Не справедливая критика, а эта еще только нарождающаяся, но вскоре приобретающая зловещие масштабы тенденция навешивания ярлыков и поиска козлов отпущения и вызывает справедливое негодование Нагульнова» [1].

Так выглядит ситуация с коллективизацией на Дону в статье украинской исследовательницы. Но так ли это было на самом деле? Письма М. А. Шолохова к Сталину говорят об обратном. Именно местные партийные чиновники, горящие желанием отомстить казакам за их упорное сопротивление «расказачиванию» в годы гражданской войны, устроили из коллективизации настоящую бойню, которая превзошла жестокость и «перегибы» красноармейцев эпохи военного коммунизма. Убийства, изощренные пытки, издевательства, которые в конце концов привели к массовому голоду на тихом Дону, грозили навсегда уничтожить этот край русской воинской славы. И если бы не вмешательство Сталина, на которое его подвигли письма автора «Тихого Дона», не было бы сейчас той колыбели казачества, на основе которой стало возможным его современное возрождение. Голодомор, о котором так любят говорить на Украине, был не менее свирепым и кровавым в самом сердце России. Сталин выделил зерно голодающим на Дону, но зададимся вопросом: а почему коллективизация крестьянских и казачьих хозяйств должна была вестись «ударными» темпами? Потому что Сталин и его приспешники были просто некомпетентными людьми, фанатиками марксистско-ленинской идеологии? И этот тезис опровергнут вре-

менем: доказано, что у большевиков во главе со Сталиным просто не было другого выхода. Их загнал в тупик Запад, который потребовал от Советского Союза очень дорогую плату за станки и новейшие производственные технологии: не золото, а зерно, которое взять у единоличников было невозможно, а у колхозов — гораздо проще. И если бы не было ускоренной коллективизации, то не было бы у нас и промышленного прорыва, а стало быть, и Победы в Великой Отечественной войне. Таким образом, русское казачество и крестьянство в очередной раз принесли **кровавую жертву** на алтарь Отечества, но виноват в этом далеко не только один Сталин. М. А. Шолохов понимал это, позже он скажет: «Был культ, но была и личность». Современный контекст понимания романа «Поднятая целина» позволяет прояснить очень важные моменты в нашей истории, избавиться от многочисленных клише, которые формируют клиповое сознание молодого поколения начиная со школьной скамьи. Современные студенты и школьники, «благодаря» исчезновению «Поднятой целины» из программы, совершенно лишены подлинного понимания того, что происходило в стране в 30-е годы XX века.

Но и сам роман, конечно же, нуждается в новом прочтении, причем не только с точки зрения исторической правды. М. А. Шолохов не был бы великим художником, если бы создал свой роман исключительно на злобу и потребу дня. В «Поднятой целине» заложены вечные символы и смыслы, которые ждут своей адекватной интерпретации. Разумеется, на этом пути было сделано немало попыток, в том числе и в советском шолоховедении. Однако этот накопленный багаж, обладающий несомненным научным потенциалом, в наше время практически не востребован, поскольку само произведение М. А. Шолохова, по мнению либеральных идеологов, подлежит забвению. Всё не так просто, ведь даже в исследовании известного ученого мы читаем следующее:

«Здесь уже соцреализм предстает во всей канонической чистоте... Партия (хуторская ячейка) руководит строительством светлого будущего, классовые враги, как и положено, препятствуют, но новое в трудной борьбе побеждает, пусть и дорогой ценой, растет социалистическое самосознание трудящихся масс... и так далее. Все описано с такой правдоподобной естественностью, что трудно догадаться о лжи, положенной в самую основу всех событий.

Ложь уже в том, что трагедия коллективизации преподносится как исторический прогресс, как борьба за народное счастье. Или: нет у автора и тени сомнения, что рабочий-двадцатипятилетний Давыдов и впрямь может лучше организовать сельскохозяйственное производство, чем те мужики, которые выросли на земле: у него же классовое передовое сознание... Так ведь больше ничего. А для земли этого недостаточно» [2].

Однако в среде видных православных деятелей рубежа XX–XXI веков нашлись чуткие души, которые разглядели христианский смысл и в образах коммунистов на страницах романа М. А. Шолохова. О. Дмитрий Дудко, протоиерей и член Союза писателей России, написал следующее: «Я для себя открыл Шолохова, то есть я давно его знал и любил, не верил тому, как клеветали на него, но теперь отчетливо увидел, какой это большой писатель, более того, писатель религиозный.

Я решил все перечитать у Шолохова, начал с «Поднятой целины», и на этом произведении я все увидел. Больше всего нападали на это, и именно это произведение показывает, что Шолохов — религиозный писатель...

...Шолохова нельзя обвинять в предвзятости, в нелюбви. У коммунистов он находит человеческие чувства, у белогвардейцев тоже и заставляет читателя пожалеть тех и других, заносится меч, и тут же дети останавливают этот меч.

О Шолохове надо писать все заново, мы его не понимали. Меня особенно поразило, с какой широтой и любовью он дает потрясающие картины, все люди у него живые, не надуманные, по его произведениям можно судить, что происходит в мире, и еще настаиваю на том, что по его произведениям можно судить о религиозной линии, проходящей в наших сердцах» [3].

Первоначальное название романа М. А. Шолохова было: «С потом и кровью», оно изменилось не по воле автора. Образ кровавого пота как символа предельного напряжения человеческих сил восходит к Евангелию, к сюжету «моления о чаше». Накануне распятия Сын Божий молился Отцу: «Отче! О, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22, 42). И со лба Его падал на землю пот, смешанный с кровью. Именно Евангелие, уникальный пример Иисуса Христа, добровольно идущего на жертвенную смерть ради искупления человечества, являет нам пример истинной свободы выбора между Добром и злом. Смерть на кресте, когда невинная кровь Богочеловека омыла грехи всего мира, призывает христиан к той свободе, которая сливается с волей Творца и дает высшую духовную радость служения ближним. Именно этот образ должен был прикровенно освещать весь роман о коллективизации, которая явилась следствием и продолжением революции.

Идея жертвы, которую приносит казачество на алтарь государства, является сквозной в «Поднятой целине». Она реализуется на разных уровнях: мотивов, диалогов, символов, сюжетных ходов, деталей и др. Если в «Тихом Доне» дед Гришака искал ответы на вечные вопросы в Библии, то в «Поднятой целине» такой знаковой книгой становится «Камо грядеши» Г. Сенкевича, которую постоянно читает бывший белый офицер Лятевский (образ, недо-

статочно оцененный критикой). Лятевский — в какой-то степени продолжение образа Листницкого из «Тихого Дона», оба они — дворяне и борцы за идею и собственные привилегии. Это, однако, не отменяет того факта, что герои предельно искренне и трезво оценивают свои шансы на успех возвращения к прошлому. Судьба Листницкого трагична, он кончает самоубийством (тоже свобода без креста!), но именно ему принадлежит точная и ёмкая характеристика большевиков: «...это хуже холерных бактерий! Хуже в том отношении, что легче прилипает к человеку и внедряется в самые толщи солдатских масс. Я говорю про идею... Среди большевиков есть, несомненно, талантливые люди... есть просто фанатики, но преобладающее большинство — разнузданные, безнравственные субъекты. Тех не интересует сущность большевистского учения, а лишь возможность пограбить, уйти с фронта, они хотят прежде всего захватить власть в свои руки, на любых условиях кончить, как они выражаются, «империалистическую» войну, хотя бы даже путем сепаратного мира, — земли передать крестьянам, фабрики — рабочим. Разумеется, это столь же утопично, сколь и глупо, но подобным примитивом достигается расположение солдат» [4].

В романе «Поднятая целина» автор «дает» в руки Лятевского роман Г. Сенкевича, где изображается эпоха первых христианских мучеников. В этом романе показывается и то семя, которое произрастает из крови погибших за Христа. Под влиянием их жертвенного стояния до смерти за Истину языческий мир начинает постепенно меняться. Эта надежда на Преображение присутствует и в романе М. А. Шолохова. Если рассматривать «Поднятую целину» в контексте писем М. А. Шолохова к Сталину, то мы без труда обнаружим сходство «методов» коллективизации с теми изуверскими пытками, которые представлены в романе Г. Сенкевича. Сами колхозники свидетельствовали, что в коллективизацию родная советская власть разорила их хуже, чем белые в гражданскую войну. Однако никакого восстания, которого так чаял Половцев, не последовало. К 1930 году народ уже сделал выводы и извлек уроки из междоусобицы. Казаки так объяснили это Половцеву: «Прошедший раз слухали мы вас, как вы нам золотые горы сулили, и диву давались: уж дуже ваши посулы чижолые! Вы говорили, что, мол, союзники нам — на случай восстания — в один момент оружию примчат и всю военную справу. Наше, мол, дело только постреливать коммунистов. А посля раздумались мы, и что же оно получается? Оружиюто они привезут, это добро дешевое, но, гляди, они и сами на нашу землю слезут? А слезут, так потом с ними и не раскобекаешься! Как бы тоже не пришлось их железякой с русской землицы спихивать. Коммунисты — они нашего рода, сказать, свои природные, а энти, черт-те по-каковски гутарют, ходют

гордые все, а середь зимы снегу не выпросишь, и попадешься им, так уж милости не жди!.. Мы этих союзников раскусили и поотведали! Нет уж, мы тут со своей властью как-нибудь сами помиримся, а сор из куреня нечего таскать...» [5].

Конфликт белых и красных продолжает развиваться и в «Поднятой целине», однако взгляд на него, представленный в позиции Григория: «Ни те, ни эти не по совести», — получает существенную корректировку. Казаки отказываются восставать потому, что русская кровь льется в междоусобице напрасно. И ярчайшим подтверждением этого служит убийство Половцевым семьи Хопровых задолго до всяких восстаний и переворотов. Никита Хопров отказывается принимать участие в «Союзе освобождения Дона», решает покаяться перед властью за прошлые грехи, но именно этого ему не прощают бывшие белогвардейцы. На алтарь их неправого дела приносятся невинные жертвы, например, жена Хопрова, которая приходится **кумой** Якову Лукичу, просит о пощаде, и Островнов жалеет ее, да и у Половцева «ворохнется» мысль: «Завтра же выдаст! Но она — женщина, казачка, мне, офицеру, стыдно...» [5, 98]. Однако он убивает ее со зверской жестокостью ради «идеи». Похожий эпизод есть и в «Тихом Доне», когда Михаил Кошевой убивает кума Петра Мелехова, а Дарья стреляет из винтовки в своего кума Котлярова. Попраны не только кровно-родственные связи, но и духовные, установленные Церковью. Так М.А. Шолохов настойчиво подчеркивает, что кровавые жертвы приносятся бесам революции, о которых писал еще Ф. М. Достоевский. В романе «Поднятая целина» Лятевский открыто и цинично говорит об этом Островнову:

«А зачем ты, дура этакая стоеросовая, связался с нами? Ну, спрашивается, зачем? За каким чертом? Половцеву и мне некуда деваться, мы идем на смерть... Да, на смерть! Или мы победим, хотя, знаешь ли, хамлет, шансов на победу прискорбно мало... Одна сотая процента, не больше! Но уж мы таковы, нам терять нечего, кроме цепей, как говорят коммунисты. А вот ты? Ты, по-моему, просто **жертва вечерняя**. Жить бы тебе да жить, дураку...» [6, 176].

Из приведенного отрывка создается впечатление, что М. А. Шолохов, вероятно, был знаком с романом И. А. Родионова «Жертвы вечерние», где известный до революции писатель, изображая гражданскую войну, называет молодых белогвардейцев цветом нации, которые усеяли своими благородными костями донские степи. Яков Лукич Островнов — один из главных героев романа М. А. Шолохова — тоже жертва: он талантливый хозяин, любящий землю и понимающий ее сокровенную жизнь. Однако он вынужден разрываться между колхозом и Половцевым, что создает определенный драматический накал в этой судьбе. Само понятие «жертвы вечерней» содержится в 140-м псалме: «Да испра-

вится молитва моя яко кадило пред Тобою: воздеяние руку мою, жертва вечерняя» (Пс. 140, 2). Блаженный Феодорит трактует это поэтическое высказывание следующим образом: «С молитвою соединил Пророк упражнение в добродетели. Ибо сие означает **воздеяние рук**; потому что руки даны нам на делание. Пророк умоляет, чтобы молитва возносились, подобно курению фимиама, и была также благоуханна, а равно и распростертие рук уподобляется жертве вечерней. Упомянул же о жертве вечерней, а не утренней, потому что находился в бедствиях и скорбях, а бедствие подобно тьме и ночи» [7, 659].

Таким образом, языческая тьма, которая накрыла Россию после революции, коррелирует в сознании Лягьевского не только с Библией, но и с романом Г. Сенкевича, где в кровавой схватке сходятся новое и старое понимание блага и спасения человека. Что же может остановить «красное колесо», жертвами которого становятся не только участники «Союза освобождения Дона», но и сами коммунисты — Давыдов и Нагульнов? В романе «Поднятая целина» М. А. Шолоховым дается свой символ трагической истории России в XX веке. В известном фрагменте XIX главы первой книги противопоставлены революционная Москва и казачий хутор Гремячий Лог. Язык символов позволяет уловить тончайшее кружево философско-религиозной мысли автора, которая выводит его произведение в русло широких общенациональных обобщений:

«Отделенная от Гремячего Лога полутора тысячами километров, живет и ночью, закованная в камень, Москва: тягуче-призывно режут паровозные гудки, переборами огромной гармонии звучат автомобильные сирены, **лязгают, визжат, скрегоочут** трамваи. А за Ленинским Мавзолеем, за Кремлевской стеной, на вышнем холодном ветру, в озаренном небе трепещет и свивается полотнище красного флага. Освещенное снизу белым накалом электрического света, оно кипуче горит, струится, **как льющаяся алая кровь**. Коловертью кружит вышний ветер, поворачивает на минуту **тяжко обвисяющий** флаг, и он снова взвивается, устремляясь концом то на запад, то на восток, пылает багровым полымем востаний, зовет на борьбу...» [5, 138].

Образ столицы нового советского государства, где становится «ненужным» свет месяца и звезд, где звуки городского пейзажа явственно передают «победный» скрежет железа, венчает главный символ победы революции — красный флаг, который струится на ветру, как «льющаяся алая кровь». Трудно выразить яснее авторскую позицию. И здесь же рядом — совсем иной образ бесконечно дорогой М. А. Шолохову родной Донщины, выдержанный в контрастной стилистике:

«В Гремячем же Логу ночью стынет **тишина**. Искрятся пустынные окрестные бугры, осыпанные

лебяжьим пухом молодого снега... Почти касается горизонта дышло Большой Медведицы. Черной свечой тянется к тягостно высокому черному небу раина, растущая возле сельсовета. Звенит, колдовски бормочет **родниковая струя**, стекая в речку. В текущей речной воде ты увидишь, как падают отсветившие миру звезды. Вслушайся в мнимое безмолвие ночи, и ты услышишь, друг, как заяц на кормежке гложет, скоблит ветку своими желтыми от древесного сока зубами. Под месяцем неярко светится на стволе вишни янтарный натек замерзшего клея. Сорви его и посмотри: комочек клея, будто вызревшая нетронутая слива, покрыт нежнейшим дымчатым налетом. Изредка упадет с ветки ледяная корочка — ночь укутает хрустальный звяк тишиной. Мертвенно-недвижны отростки вишневых веток с рубчатými серыми сережками на них; зовут их ребятишки «кукушкиными слезами»...

Тишина...» [5, 138–139].

В двух образах-символах Москвы и Дона представлены мир Божий и мир искусственный, но тем не менее претендующий на первенство и лидерство. Автор — на стороне сокровенно звучащих природных голосов, в донском пейзаже поет его душа, он поднимается до лирического пафоса, до прямого обращения к читателю, с которым вступает в открытый диалог, называя его «другом». В романе сакрализуется образ тишины как Богом данного дара вслушивания человека в самого себя. Образ тишины и созерцания вечной красоты Божьего мира противопоставлен гремящему коловертью борьбы новому социалистическому «раю». Эта идея реализуется на разных художественных уровнях романа. В частности, в развитии классического любовного треугольника: Разметнов — Марина Пояркова — Демид Молчун. Критика практически не рассматривала те смыслы, которые заложены в их отношениях. А ведь из тройки коммунистов, проводивших коллективизацию в Гремячем Логу, в живых остается только Андрей Разметнов, что совершенно оправданно. Его фигура венчает роман, следовательно, М. А. Шолохов придавал герою особо важное значение. «Любушка» Андрея — Марина Пояркова, казачка-богатырь, наделена автором не только недюжинной физической силой. Она показывает казакам пример истинной свободы выбора: «Последней в Гремячем Логу вышла из колхоза милушка Андрея Разметнова — Марина Пояркова... Что-то не клеилась у них совместная жизнь. Марина потянулась к Богу, стала богомольной, говела весь великий пост, на третьей неделе ходила каждодневно молиться в тубянскую церковь, исповедалась и причастилась. Она смиренно и молчаливо встречала упреки Андрея, на его ругню не отвечала, все больше помалкивала, не хотела «осквернять причастие». Андрей, придя как-то поздно ночью, увидел, что в горенке горит лампадка» [5, 233]. Андрей разрывает с Мари-

ной, но она находит в себе силы побороть страсть к нему и выходит замуж за Демида Молчуна, который и получил свое прозвище за то, что всегда удерживал свой язык (а это считается в христианстве добродетелью). После революционных речей и поступков Разметнова брак с Демидом, наконец, принес Марине счастье. Вот как об этом пишет М. А. Шолохов:

«А Марина, как назло, все чаще попадалась Андрею на глаза и по виду была довольна, счастлива.

Демид Молчун ворочал в ее крохотном хозяйстве, как добрый бык: в несколько дней он привел в порядок все надворные постройки, за сутки вырыл полуторасаженной глубины погреб, на себе носил десятипудовые стояны и сохи... Марина обстирала, обшила его, починила бельишко, соседкам нахвалиться не могла работоспособностью Демида.

— То-то, бабочки, он мне в хозяйстве гожий. Сила у него медвежина. За что ни возьмется — кипит у него в руках. А что молчаливый, так уж Бог с ним... Меньше ругани промеж нас будет...» [5, 324]. Это и есть христианское отношение к браку, которое проявляет героиня М. А. Шолохова, изображенная автором с большой симпатией. Мотив тишины, молчания как вслушивания в самого себя начинает сопровождать Андрея Разметнова в финале произведения, когда он приходит на кладбище проведать свою покойную венчанную жену Евдокию. Именно кладбищенский умиротворяющий пейзаж завершает рассказ о коллективизации в романе. Как всегда, финал у М. А. Шолохова символичен и многозначен. Коммунист Разметнов обнаруживает веру в загробную жизнь, бессмертие, он разговаривает со своей женой, как с живой:

«Не по-доброму, не в аккурате соблюдаю твое последнее жилье, Евдокия... А ведь я доньше люблю тебя, моя незабудная, одна на всю мою жизнь... Видишь, все некогда... Редко видимся... если сможешь — прости меня за все лихо... За все, чем обидел тебя, мертвую...»

Он долго стоял с непокрытой головой, словно прислушивался и ждал ответа, стоял не шевелясь, по-стариковски горбясь. Дул в лицо ему теплый ветер, накрапывал теплый дождь» [6, 385].

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Стюфляева Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: stuf77@mail.ru

У Андрея есть за что просить прощение у покойной. В гражданскую войну белые казаки надругались над Евдокией, потому что ее муж воевал на стороне красных. Она не выдержала позора и повесилась. И только спустя много лет герой, наконец, осознает свою вину перед ней и просит простить. Знаменательно, что этот герой — именно Разметнов, который когда-то пожалел казачьих ребятишек, не стал мстить своему врагу и не захотел по этой же причине раскулачивать однохуторян. Ему принадлежит будущее, но оно — не в коловерти восстаний и непрерывной классовой борьбы, а в той священной кладбищенской тишине, которую обещает в романе говорящая деталь пейзажа — «последняя в этом году гроза» [6, 386].

Финалы двух великих романов М. А. Шолохова перекликаются между собой главной христианской идеей — возможностью и желанием покаяния за совершенные грехи. И Григорий Мелехов, и Андрей Разметнов находятся на пороге новой истинно свободной жизни, которая определяется духовной природой человека, созданного Творцом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ребель Г. М. Предостережение (Опыт прочтения романа «Поднятая целина») / Г. М. Ребель // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. — Киев, 1988. — № 11. — С. 61.
2. Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 т. Т. VI / М. М. Дунаев. — М.: Христианская литература, 2000. — С. 149-150.
3. Дудко Д., протоиерей. О Шолохове / Протоиерей Д. Дудко // М. А. Шолохов и Православие. Сб. статей. — М., 2013. — С. 28.
4. Шолохов М. А. Тихий Дон: В 4 книгах. Кн. IV / М. А. Шолохов. — М.: Художественная литература, 1962. — С. 76.
5. Шолохов М. А. Поднятая целина: В 2 книгах. Кн. I / М. А. Шолохов. — М.: Советская Россия, 1960. — С. 214.
6. Шолохов М. А. Поднятая целина: В 2 книгах. Кн. II / М. А. Шолохов. — М.: Советская Россия, 1960. — С. 176.
7. Феодорит епископ Кирский. Псалтирь с объяснениями значения каждого стиха / Блаженный Феодорит, епископ Кирский. — М., 1997. — С. 659.

Lipetsk State Pedagogical University named after P. Semenov-Tyan-Shansky

Satarova L. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department

Lipetsk State Pedagogical University named after P. Semenov-Tyan-Shansky

Styuflyayeva N. V. Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: stuf77@mail.ru

РУССКИЕ ГЛАГОЛЫ С ФОРМАНТОМ -СЯ В ЗЕРКАЛЕ ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКА

Динь Тхи Хонг Тхам, О. Н. Чарыкова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 мая 2017 г.

Аннотация: статья посвящена рассмотрению залоговых характеристик русских глаголов с формантом -ся с позиции носителя вьетнамского языка; в ней раскрываются трудности употребления данных глаголов и аспекты работы над оптимизацией их изучения во вьетнамской аудитории.

Ключевые слова: глагол, валентность, сочетаемость, ошибка.

Abstract: the article is devoted to the consideration of collateral characteristics of Russian verbs with a formant -ся from the position of Vietnamese language. It reveals the difficulties of using these verbs and aspects of work on optimizing their study in the Vietnamese audience.

Keywords: verb, valence, compatibility, error.

Залог — это глагольная категория, которая выражает отношение действия к субъекту (производителю действия) и объекту действия (предмету, над которым действие производится). В русистике выделяют три основных залога: действительный, средневозвратный и страдательный [1; 8].

Грамматические средства выражения залоговых значений могут быть морфологическими и синтаксическими. Морфологическим средством является глагольный аффикс -ся. Данный формант в русском языке может быть показателем двух залоговых форм: возвратной (*умываться, лечиться, улыбаться*) и страдательной формы переходного глагола (*книги издаются большим тиражом*). Синтаксическими средствами выражения категории залога являются: а) синтаксическое различие субъекта и объекта действия, например: *Солнце освещает сосны. — Сосны освещаются солнцем*; б) наличие объекта действия и полное отсутствие его, например: *Дождь повышает урожай. — Дождь начинается*; в) различие падежных форм и семантики существительных, управляемых глаголами разного залога: *Договор заключается подрядчиком. — Договор заключается с подрядчиком*.

Различение данных форм и их использование составляет значительную трудность для носителей вьетнамского языка. Особенно частотными являются ошибки в построении предложений с глаголами, имеющими формант -ся, к числу которых относятся: 1) смешение переходного глагола действительного залога без постфикса -ся и соотносительного с ним глагола возвратного залога, например: *Она вернёт домой в сумерки* (вместо *вернётся*); 2) смешение переходного глагола действитель-

ного залога без постфикса -ся и глагола возвратного залога, который не имеет общего значения с глаголом без -ся: *Они легко относятся к жизни*. В данном случае вместо возвратного глагола *относиться*, имеющего значение «составить своё представление о ком-, чём-либо; принять что-либо каким-либо образом» употреблён глагол *относить*, имеющий значение «нести, доставить куда-либо или кому-либо»; 3) использование вместо возвратного невозвратного глагола, не существующего в русском языке: *И так мы надеем на будущее поколение* (вместо *надеюсь*); 4) смешение переходного глагола действительного залога без постфикса -ся и производного от него глагола страдательного залога: *В магазине нет депо, в которое складываются продукты* (вместо *складывают*); 5) использование вместо возвратного глагола с постфиксом -ся сочетания невозвратного глагола и местоименного сочетания «сам себя»: *Тхйеу сам себя научил плавать* (вместо *научился*) [2].

Появление таких ошибок обусловлено структурными особенностями вьетнамского языка. Как указывает Е. И. Листунова, вьетнамский язык — ярко выраженный изолирующий и моносиллабический. Если исходить из традиционного определения морфологической категории как системы грамматических значений, выраженных формами одного и того же слова, то нужно признать, что во вьетнамском языке нет морфологических категорий. Поскольку формы словоизменения отсутствуют, количество служебных слов невелико, порядок слов и интонация ограничены в своих возможностях выражения грамматических значений, постольку целый ряд значений, которые в других языках являются морфологическими, во вьетнамском выражены средствами синтаксиса и лексики. Во вьетнамском языке

нет специальных залоговых глагольных форм (взаимных, возвратных, пассивных) и, следовательно, морфологической категории залога нет. Взаимное и возвратное значения во вьетнамском языке выражаются с помощью производных взаимных и возвратных конструкций, которые образуются из исходной конструкции путем замены дополнения прономинальным словом-заместителем “*tu*” — “*сам*”, “*самостоятельно*”, “*сам себя*” и “*теш*” — “*туловище*”, “*тело*” [4, 5].

Данная точка зрения подтверждается и другими исследователями, которые отмечают, что в отличие от русского языка вьетнамский язык не имеет форм залога и аффикса, аналогичных индоевропейским [9, 69; 5, 209; 3]. Таким образом, причиной трудностей использования вьетнамцами русских глаголов с формантом -ся служат значительные отличия грамматических систем русского и вьетнамского языка.

Для предупреждения ошибок в речи вьетнамских учащихся необходима специальная работа над следующими аспектами: а) категория залога русского глагола; б) категория возвратности глаголов; в) валентность и модели управления глаголов, относящихся к разному залогу, например переходного глагола действительного залога без постфикса -ся и соотносительного с ним глагола возвратного залога.

Продемонстрируем это на примере русских глаголов *использоваться* — *использовать*. Согласно словарному определению, возвратный глагол *использоваться* имеет значение: «*Применяться где-л., в чём-л.*».

На основании анализа контекстов употребления данного глагола, представленных в Национальном корпусе русского языка, выявляется, что облигаторной валентностью для данного глагола средневозвратного залога является употребление с существительными в **предложном** падеже, обозначающими **место** или **сферу** действия: *использоваться где?* (в странах Латинской Америки, к космосе и т. д.); *использоваться в чём?* (в промышленности, в образовании, в геологии и т. д.). Кроме того, возвратный глагол *использоваться* в русском языке может сочетаться с существительными в **родительном** падеже с предлогом **для**, обозначающими **цель** действия: *использоваться для чего?* (для поручений, для отдыха, для наблюдений).

Глагол *использовать* имеет значения: «1) *Употребить* — *употреблять что-л. для какого-л. дела*; 2) *Воспользоваться* — *пользоваться услугами кого-, чего-л. с какой-л. целью*». Облигаторной валентностью для данного переходного глагола действительного залога является употребление с существительными в **винительном** падеже без предлога, обозначающими **объект** действия: *использовать что?* (силу, приём, технику). Кроме того, этот глагол может со-

четаться с существительными в **родительном** падеже с предлогом **для**, обозначающими **цель** действия (*для труда, для занятий*).

Форма страдательного залога от глагола *использовать* является омонимичной глаголу возвратного залога *использоваться*. Облигаторной для глагола в страдательном залоге является позиция правого актанта, то есть позиция субъекта. Сравним сочетаемость данного глагола в действительном и страдательном залоге.

Действительный залог. *Люди используют (что?) интернет для поиска информации.* В действительном залоге глагол *использовать* реализует облигаторную валентность в форме винительного падежа без предлога, обозначающего объект действия (*интернет*), и факультативные валентности субъекта действия (*люди*) и цели действия (*для поиска*).

Страдательный залог. *Интернет используется людьми для поиска информации.* В страдательном залоге глагол реализует облигаторную валентность грамматического субъекта (*интернет*) и факультативные валентности грамматического объекта, являющегося логическим субъектом (*используется кем? людьми*), и цели действия (*используется для чего? для поиска*).

Проведённое сопоставление показывает, что глаголы с формантом -ся в русском языке могут выражать формы средневозвратного и страдательного залога. Возвратные глаголы отличаются от соотносимых с ними невозвратных глаголов следующими признаками:

1. от глаголов действительного залога: а) наличием форманта -ся; б) лексическим значением; в) облигаторной валентностью;
2. от глаголов страдательного залога: а) лексическим значением; б) облигаторной валентностью.

Следует отметить, что, при обязательном отличии облигаторной валентности, у соотносимых глаголов, имеющих разный залог, факультативные валентности могут полностью или частично совпадать. Учёт перечисленных факторов позволит оптимизировать процесс обучения вьетнамских студентов грамматике русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н. С. Современный русский язык : Учебник / Под ред. Н. С. Валгиной. — 6-е изд., перераб. и доп. / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина. — М.: Логос, 2002. — 528 с.
2. Динь Тхи Хонг Тхам, Чарыкова О. Н. Глаголы с формантом -ся с позиции носителя вьетнамского языка / Тхам Хонг Тхи Динь, О. Н. Чарыкова // Сопоставительные исследования 2016. — Воронеж: Истоки, 2016. — С. 218–222.
3. Еловков Д. И. Теоретическая грамматика кхмерского языка / Д. И. Еловков. — СПб.: изд-во СПбГУ, 2004. — 190 с.

4. Листунова Е. И. Типологические характеристики медиальных глаголов: дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Листунова. — Волгоград, 1998. — 177 с.

5. Оглоблин А. К. К истории яванского пассива (формы третьего лица субъекта действия) / А. К. Оглоблин // Проблемы грамматики и типологии. Сборник статей памяти В. П. Неद्याлкова (1928–2003). — М. : Гнозис, 2010. — С. 209–239.

6. Розенталь Д. Э. Современный русский язык : Учеб. пособие / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. — М. : АЙРИС-пресс, 2014. — 448 с.

7. Солнцев В. М. Вьетнамский язык. / [Отв. ред. В. М. Солнцев] / В. М. Солнцев, Ю. К. Лекомцев, Т. Т. Мхитарян, И. И. Глебова. — М. : Изд-во восточной литературы, 1960. — 100 с.

*Воронежский государственный университет
Динь Тхи Хонг Тхам, аспирант кафедры общего языкознания и стилистики
E-mail: ochar@inbox.ru*

*Voronezh State University
DinThi Huong Tham, Postgraduate Student of the General Linguistics and Stylistics Department
E-mail: ochar@inbox.ru*

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Т. В. Чвягина

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

Поступила в редакцию 18 ноября 2016 г.

Аннотация: данное исследование ставит своей целью рассмотрение экологической лексики русского языка и определение единиц, входящих в состав лексико-семантического поля ЭКОЛОГИЯ.

Ключевые слова: экология, лексико-семантическое поле, экологическая лексика русского языка.

Abstract: the present study aims at considering Russian ecological vocabulary and determining what constitutes its lexico-semantic field.

Keywords: ecology, lexico-semantic field, Russian ecological vocabulary.

Экология — это общественно значимая научная область, занимающаяся вопросами охраны и рационального использования природы, которая получила номинацию ЭКОЛОГИЯ и объединила в зонтичном аспекте ряд наук. Таким образом, возникло лексико-семантическое поле ЭКОЛОГИЯ на базе детерминологизации и переосмысления терминологии ряда наук и направлений и придания общественного статуса основным решаемым этими науками проблемам.

Экология — зонтичный термин, куда входят данные разных наук, образуя направления, а именно:

- **БИОЭКОЛОГИЯ** (*общая экология*) — изучает условия существования живых организмов и взаимосвязи между организмами и средой, где они обитают [1, 11];
- **ГЕОЭКОЛОГИЯ** (*глобальная экология*) — рассматривает живую природу как геологическую силу, трансформирующую биосферу под воздействием антропогенных, космических, геофизических и других факторов [2, 153];
- **СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ** (*экология человека*) — исследует многообразные связи между обществом и природной средой, их гармонизацию и устойчивое развитие [1, 12];
- **ПРИКЛАДНАЯ ЭКОЛОГИЯ** — определяет способы управления природными процессами в хозяйственной деятельности человека [2, 28–29].

Ядром лексико-семантического поля, или его семантической доминантой, является термин ЭКОЛОГИЯ. Стилистически ограниченная в употреблении терминология относится к периферии лексико-семантического поля ЭКОЛОГИЯ.

Рассмотрим подробнее структурные особенности лексико-семантического поля ЭКОЛОГИЯ.

Ядро поля образовано общеизвестными, коммуникативно значимыми и социально релевантными лексемами, которые входят в тематические подгруппы Социальной и Прикладной экологии, например:

Противоречия общества с окружающей средой

- общество одноразового потребления
- природосберегающее общество
- урбанизация природы
- загрязнение окружающей среды: естественное (природное), антропогенное
- загрязнитель/агент/экоотоксикант
- деградация природной среды
- экоцид
- антропогенный стресс/нагрузка на окружающую среду
- экологические проблемы: парниковый эффект/глобальное потепление, истощение озонового слоя/экрана, кислотные дожди, обезлесивание (обезлесение), эрозия почвы, вымирание/гибель/потеря живых организмов, истощение/исчерпание природных ресурсов
- экологическая катастрофа/бедствие/ущерб/кризис
- демографический взрыв
- глобальная продовольственная проблема
- ядерная катастрофа/война
- оружие массового поражения: ядерное, химическое, биологическое
- самоуничтожение населения Земли

Природоохранная деятельность человека

- экологический мониторинг: биоэкологический (санитарно-гигиенический), геосистемный (природно-хозяйственный), биосферный (глобальный)
- экологическая экспертиза/прогнозирование/моделирование
- рациональное/нерациональное природо-

- пользование
- природопользователь
- природоохранные методы/мероприятия
- защита/охрана окружающей среды/природы
- охраняемые природные территории: биосферный заповедник, заповедник, национальный/природный парк, заказник, резерват, памятник природы/всемирного наследия, заповедно-охотничьи хозяйства, санитарно-курортные зоны
- инвентаризация природных ресурсов
- кадастр: земельный, водный, биологический, лесной, медико-биологический, рекреационный, природных ресурсов и др.
- предельно допустимая концентрация (ПДК)
- предельно допустимый сброс (ПДС)
- экологический паспорт/паспортизация предприятий
- экологическая стратегия
- устойчивое развитие

В **ближней периферии** выделяются менее частотные лексемы Социальной и Прикладной экологии, например:

Загрязнение окружающей среды

- виды отходов: бытовые (коммунальные), производства (промышленные)
- сжигание/захоронение отходов
- химические «ловушки»
- дезактивация опасных (токсичных) отходов/радиоактивных отходов
- эмиссия тяжелых металлов/загрязняющих веществ/примесей
- концентрация парниковых газов в атмосфере
- аридизация климата
- эвтрофирование (эвтрофикация)/азотфикация
- цветение вод/«красный прилив»
- ухудшение кислородного режима
- массовый замор рыб
- нефтяная плёнка
- экологический шум
- сердечно-сосудистые заболевания
- повреждение органов слуха
- хроническая усталость/сонливость/ утомляемость
- восприимчивость к болезням

Ресурсосбережение /ресурсосберегающие технологии

- рециркуляция ресурсов/рециклинг (производство — потребление)
- реутилизация (переработка) отходов производства
- безотходная (малоотходная) технология
- биоразлагаемые материалы/экоматериалы
- типы природных (естественных) ресурсов:

неисчерпаемые (неистощимые), исчерпаемые — возобновимые, невозобновимые

- типы альтернативной энергетики: гелиоэнергетика, ветроэнергетика, гидроэнергетика, биоэнергетика, геотермальная энергия

Дальняя периферия представлена общими терминами из области Геоэкологии и Биоэкологии, например:

Структура Земли

- оболочки земли: литосфера, атмосфера (гомосфера, гетеросфера; тропосфера, стратосфера, мезосфера, ионосфера (термосфера), экзосфера), гидросфера
- биосфера: живое, биогенное, косное, биокосное вещество и др.
- географические пояса земли: экваториальный, субэкваториальный, тропический, субтропический, умеренный, субарктический/субантарктический, арктический/антарктический

Экосистемы

- виды экосистем: микроэкосистема, мезоэкосистема, макроэкосистема, глобальная экосистема (биосфера Земли)
- типы природных экосистем: биомы (наземные), оробиомы (горные), пресноводные (лентические (стоячие) воды, лотические (текущие) воды, заболоченные угодья), морские
- биогеоценоз: биоценоз (фитоценоз, зооценоз, микробоценоз), биотоп/экотоп (неорганический субстрат)

Окружающая (внешняя) среда

- среда обитания/ местообитание
- ареал: сплошной, прерывистый (дизъюнктивный)
- ёмкость среды
- экологическая ниша
- станция (сезонные станции кочёвок и размножения, станция переживания)

К **крайней периферии** относятся узкоспециальные термины всех направлений. Здесь, например, можно выделить следующие тематические подгруппы:

Экологические факторы

- абиотические факторы: климатические, эдафические (почвенные), гидрографические (водной среды)
- биотические факторы: внутривидовые — демографические, этологические (поведенческие), конкуренция и др.; межвидовые — нейтрализм, конкуренция, аменсализм, паразитизм, хищничество, комменсализм, протокооперация, мутуализм

Биологический круговорот

- биогенная миграция атомов химических элементов

- трофические (пищевые) цепи
- трофические уровни: продуценты (автотрофные организмы); консументы (гетеротрофные организмы) — растительноядные, плотоядные, хищники; редуценты (деструкторы)
- биологическое накопление

Выживание организмов

- благоприятные/неблагоприятные условия окружающей среды
- адаптация (экологическое приспособление)/коадаптация
- лимитирующий фактор
- летальные/сублетальные значения фактора
- толерантность (выносливость) вида
- предел/диапазон толерантности
- экологический оптимум
- экологическая валентность: эврибионтный вид, стенобионтный вид
- гетеротермия
- анабиоз
- гибернация (зимняя спячка)/эстивация (летняя спячка)
- мимикрия (подражание, имитация)

- вид-имитатор
- «кольцо мимикрии»

Таким образом, лексико-семантическое поле ЭКОЛОГИЯ в основном состоит из терминологической лексики. Общеупотребительные лексические единицы входят в состав только ядерной группы, которая наравне с периферийными группами содержит множество составных терминов, заимствованных слов и синонимичных форм. Также замечено пересечение зон лексико-семантического поля ЭКОЛОГИЯ с лексико-терминологическими полями других наук, таких как *биология* и *география*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамедов Н. М. Основы общей экологии. Федеральный учебник для старших классов общеобразовательной школы / Н. М. Мамедов, И. Т. Суравегина, С. Н. Глазачев. — М. : МДС, 1998. — 272 с.
2. Ястребов М. В. Экология: соотношение основных понятий: учебное пособие / М. В. Ястребов, И. В. Ястребова. — Ярослав. гос. ун-т. — Ярославль : ЯрГУ, 2005. — 156 с.
3. Вронский В. А. Прикладная экология: учебное пособие / В. А. Вронский. — Ростов н/Д. : Изд-во «Феникс», 1996. — 512 с.

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова
Чвягина Т. В., старший преподаватель кафедры иностранных языков естественно-научных факультетов
E-mail: cht15@yandex.ru

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov
Chvyagina T. V., Senior Lecturer of the Foreign Languages for Natural Sciences Department
E-mail: cht15@yandex.ru

КОНТРАСТИВНЫЙ ДВУЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ: ПРИНЦИПЫ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛА

Н. М. Черепкова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 января 2017 г.

Аннотация: целью данного исследования является обоснование принципов контрастивной лексикографии и описание способов лексикографической фиксации лексики в двуязычном словаре.

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, лексика, словари, контрастивное описание лексики.

Abstract: The purpose of this study is to substantiate the principles of contrastive lexicography and describe the ways of lexicographic fixation of vocabulary in a bilingual dictionary.

Keywords: contrastive linguistics, vocabulary, dictionaries, contrastive description of Vocabulary.

КОНТРАСТИВНЫЙ ДВУЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ: ПРИНЦИПЫ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛА

Одним из актуальных направлений современной лексикографии является создание контрастивных двуязычных словарей. Создание подобных словарей стало возможным в результате развития контрастивных исследований лексики и развития семной семасиологии, которая позволяет с достаточно высокой точностью описать как семантическое сходство, так и семантическое различие лексических единиц сравниваемых языков.

Семная семасиология на современном этапе исходит из представления о значении слова (семеме) как упорядоченной совокупности семантических компонентов разного типа. Семантические компоненты значения могут быть подразделены на мега-, макро- и микрокомпоненты [1, 33]. Е. А. Маклакова обосновывает применение аспектно-структурного метода описания семантики слова. Данный метод заключается:

В последовательном вычленении и описании денотативных, коннотативных и функциональных аспектов семантики каждой семемы;

В унификации метаязыкового описания сем в рамках семантического класса или лексико-семантического поля;

В обязательности приложения трафаретной структурной модели значения того ли иного семантического разряда к описанию каждого значения данного разряда, то есть в прослеживании наличия всех возможных в рамках каждого аспекта типов сем в каждой отдельно взятой семеме, включая как их наличие, так и отсутствие;

В перечислении сем в рамках каждого семантического аспекта в определенном фиксированном порядке [2, 26].

Контрастивный анализ лексики предполагает использование следующей терминологии: *межъязыковые соответствия, переводные соответствия, исходный язык и язык сопоставления, линейные соответствия, векторные соответствия и лакуны.*

Методика контрастивного описания лексики описана в работах [3], [4]. Применение данной методики позволяет создать контрастивное описание семантики межъязыковых соответствий через последовательное семное сопоставление единицы родного языка с возможными переводными соответствиями этой единицы в иностранном языке.

Результат описания может быть представлен в виде контрастивного двуязычного словаря.

Для создания контрастивного словаря необходимо представить структуры значения контрастируемых слов в семном виде, последовательно сопоставляя семы и выделяя совпадающие, несовпадающие и отсутствующие семы в сопоставляемых языках.

Покажем возможности составления такого словаря на материале наименований дорог в русском и французском языках.

Предлагается описание значений сравниваемых слов в семном виде путем последовательного представления в дефиниции архисемы и дифференциальных сем. В обязательном порядке описываются коннотативные и функциональные семы.

Используются следующие условные обозначения:

- 0 — отсутствие семы
- Жирный шрифт — семное сопоставление, в котором фиксируется то или иное различие сем сопоставляемых значений
- = — полное совпадение значений по составу сем (семная эквивалентность);
- в таком случае семный состав значения не дублируется для иноязычного слова;
- 0 — отсутствие соответствия русскому слову во французском языке.

Примеры словарных статей:

АВЕНЮ – avenue

улица	улица
широкая	широкая
0	прямая
0	протяженная
обычно обсаженная деревьями	обычно обсаженная деревьями
в городе	в городе
0	для пешеходов
неоцен.	неоцен.
неэмоц.	неэмоц.
межстил.	межстил.
общенар.	общенар.
соврем. общераспр.	соврем. общераспр.
малоупотреб.	высокоупотреб.

АВТОМАГИСТРАЛЬ – grand-route

дорога	дорога
главная	главная
большая	большая
наезженная	наезженная
с большим движением	с большим движением
0	в деревнях
для транспортного сообщения	для транспортного сообщения
скоростная	скоростная
соединяет крупные населенные пункты	0
неоцен.	неоцен.
неэмоц.	неэмоц.
книжн. межстил	межстил
общенар.	общенар.
соврем. общераспр.	соврем. общераспр.
малоупотр.	малоупотр.

АВТОСТРАДА = autostrade

дорога
широкая
для автомобильного движения
с интенсивной непрерывной скоростью
без поперечных наземных переходов
между крупными населенными пунктами
неоцен.
неэмоц.
книжн.
общенар.
соврем.
общераспр.
малоупотреб.

ДОРОГА – chemin

полоса земли	полоса земли
для передвижения	для передвижения
из одного места в другое	из одного места в другое
0	местного значения
0	обычно в сельской местности
неоцен.	неоцен.
неэмоц.	неэмоц.
межстил.	межстил.
общенар.	общенар.
соврем. общераспр.	соврем. общераспр.
употреб.	употреб.

ДОРОГА – route

полоса земли	полоса земли
для передвижения	для передвижения
из одного места в другое	из одного места в другое
0	специально построенная (оборудованная)
0	между крупными населенными пунктами
неоцен.	неоцен.
неэмоц.	неэмоц.
межстил.	межстил.
общенар.	общенар.
соврем. общераспр.	соврем. общераспр.
употреб.	употреб.

ДОРОГА – voie

полоса земли	полоса земли
для передвижения	для передвижения
из одного места в другое	из одного места в другое
0	специально построенная (оборудованная)
неоцен.	неоцен.
неэмоц.	неэмоц.
межстил.	межстил.
общенар.	общенар.
соврем. общераспр.	соврем. общераспр.
употреб.	употр.

МОСТОВАЯ = chaussée-1

часть улицы
для передвижения
с твердым покрытием
в населенном пункте
неоцен.
неэмоц.
межстил.
общенар.
соврем. общераспр.
употр.

ТРАССА – 0

дорога
для транспортного сообщения
между крупными населенными пунктами
областного и государственного значения
неоцен.
неэмоц.
межстил.
общенар.
совр.общераспр.
употр.

ТРОТУАР – trottoir

полоса земли	полоса земли
для пешеходов	для пешеходов
Покрыта каменными плитами, асфальтом или досками по краям улицы или площади обычно приподнята над проезжей частью	покрыта плитами или асфальтом по краям улицы расположенная выше проезжей части
0	для прогулок, отдыха
неоцен.	неоцен.
неэмоц.	неэмоц.
межстил.	межстил.
общенар.	общенар.
совр. общераспр.	совр. общераспр.
употр.	употр.

Контрастивные словари будут востребованы в первую очередь переводчиками, а также изучающими иностранный язык.

При этом в силу подробности описания (исчисление всех семантических компонентов) они достаточно громоздки по объему, в связи с чем целесообразно создавать такие словари в электронном виде либо создавать контрастивные словари отдельных тематических групп лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Про-

блемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. — М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. — 288 с.

2. Маклакова Е. А. Типы семантических компонентов и аспектно-структурный подход к описанию семантики слова / Е. А. Маклакова. — Воронеж : Истоки, 2013. — 32 с.

3. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 1985. — 253 с.

4. Зленко И. П. Контрастивная методика выявления национальной специфики семантики слова (на материале лексики трудовой деятельности в русском и французском языках) / дис. ...канд. филол. наук / И. П. Зленко. — Воронеж : изд-во ВГУ, 2004. — 195 с.

Воронежский государственный университет

Черепкова Н. М., доцент кафедры французской филологии

E-mail: cherepkova@vsu.ru

Voronezh State University

Cherepkova N. M., Associate Professor of French Philology Department

E-mail: cherepkova@vsu.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕН ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»

Чыонг Тхи Фыонг Тхань

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 марта 2017 г.

Аннотация: статья посвящена изучению семантики имен персонажей в повести «Котлован». Объясняется системность отбора антропонимической лексики и её происхождение. Выявляется также значение личных имен в повести.

Ключевые слова: имя персонажа, фамилия, отчество, прозвище, этимология, антропонимия.

Abstract: the article is devoted to the semantics of the names of characters in the novel «Kotlovan». The systemic selection of anthroponymic vocabulary and its origin is explained. The importance of personal names in the story is also revealed.

Keywords: name of characters, surname, patronymic, nickname, etymology, anthroponymy.

Имя персонажа — один из элементов, ярко выражающих характеристики, черты персонажей и идеи автора. Когда автор дает персонажу имя, у него уже есть представление о данном персонаже и свой художественный замысел. Некоторые имена стали типичными в литературе и могут передать не только всю характеристику персонажа, но и содержание произведения, например Евгений Онегин, Илья Обломов, Павел Корчагин и т. д.

В повести «Котлован» А. Платонова рассказывается о строительстве общего дома для пролетариата в городе. Этим же строителям отправляют в деревню, в колхоз имени Генеральной Линии. В отношении развития социализма в том виде автор выражал свои негативные позиции. В реализации этого единого строительства участвуют, в большей или меньшей степени, все герои произведения.

Платонов известен своей искусностью в придумывании имен персонажей в произведениях. Все имена строятся по типичной для русских имен схеме (при помощи суффиксов *-ев*, *-ин*) но не имеют «прямого» лексического значения.

Самая первая фамилия по своему смысловому объёму, как очевидно, фамилия главного героя повести *Вощев*. Эта фамилия этимологически не связывается конкретно ни с каким словом. Е. Толстая-Сегал пишет, что в фамилии *Вощев* «корень ассоциируется не только с *воск-/вош*— (как в *вощенный*), но также и с фонетически неотличимым *вообще*, в просторечии *ваще*; с близким *вотще* и *во щи*. Ряд фонетических аналогий можно продолжить русской поговоркой: *Попал как кур во щи (в ощип)*, в которой центральным является звуковой комплекс «*вощи*». Эти добавочные смыслы взаимодействуют друг

с другом, в результате получается как бы веер значений: *воск/вош* — актуализируется не значение «обыденный природный и хозяйственный материал», а «мягкий, податливый, поддающийся формовке», то есть то свойство воска, которое традиционно осознается как наиболее ему присущее; «*вообще*» напоминает о главном деле жизни героя — поиске смысла отдельного и общего существования, попытке додуматься до «плана общей жизни» [1, 154–155]: <...> «О чем ты думал, товарищ Вощев? ... — Я думал о плане общей жизни» [2, 103]; <...> «он почувствовал сомнение в своей жизни и слабость тела без истины, он не мог дальше трудиться...» [2, 105]; «И Вощев почувствовал стыд и энергию — он захотел немедленно открыть всеобщий, долгий смысл жизни, чтобы жить впереди детей, быстрее их смуглых ног, наполненных твердой нежностью». [2, 107]; «У меня без истины тело слабнет, я трудом кормиться не могу, я задумывался на производстве, и меня сократили...» [2, 111]. Е. Толстая-Сегал связывает эту фамилию и с *вотще* — идеей тщеты и разочаровывающей безрезультатности такого поиска и обреченности героя [1, 154–155]: «Он уже не знал, где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и в убежденном впечатлении? Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движением? Вощев согласился бы снова ничего не знать и жить без надежды в смутном вожделении тщетного ума, лишь бы девочка была целой, готовой на жизнь, хотя бы и замучилась с течением времени» [2, 232].

Станным образом этот спектр значений объясняет логикой развития этого образа в повести — от надежды обрести «всемирную истину» к осозна-

нию (после смерти Насти) тщетности общих усилий в достижении идеала и личного существования и всё это совпадает с основными семантическими и сюжетообразующими характеристиками персонажа» [3; 64,65].

Другие фамилии, которые считаются традиционно русскими — *Медведев, Козлов, Сафронов*. Очевидна лишь сюжетная этимология фамилии *Медведев: Медведев* и есть *медведь*. Абсолютно реалистическая фамилия принадлежит, однако, совсем не традиционному персонажу — медведю-молотобойцу, который обладает классовым чутьем: «Пока Елисей равнодушно ходил на Оргдвор, медведь сделал четыре подковы и просил еще трудиться...» [2, 200]; «Девочка все время следила за медведем, ей было хорошо, что животные тоже есть рабочий класс...» [2, 201].

В повести медведя именуют *Мишей*, даже *Миш* — в обращении к медведю кузнеца при первом знакомстве: «Скорее, Миш, а то мы с тобой ударная бригада!» [2, 199], *Мишкой, Михаилом*. А Михаил с древнееврейского означает «равный Богу» [4, 241], то есть при этом молотобоец переходит как бы на иную социальную ступень. Олицетворение медведя выражается не только тем, что пролетарский молотобоец Миша вместе с людьми раскулачивает зажиточных крестьян в колхозе имени Генеральной Линии, но и тем, что Настя даёт ему фамилию, она называет его *Медведевым Мишкой*. И теперь медведь имеет полные характеристики человека: «В барак пришел Воцев, а за ним Медведев и весь колхоз» [2, 232].

Фамилия *Козлов*, так же как и фамилия *Медведев*, образуется от названия животного *козёл* при помощи суффикса *-ов*. Но в отличие от *Медведева*, что Платонов именует его *Медведевым*, потому что он и есть медведь, *Козлов*, как любой *козёл*, самая презренная личность в коллективе: «Не выдумаешь, — не отвлекаясь, сообщил Сафронов, — у тебя не будет памяти вещества, и ты станешь вроде Козлова думать сам себя, как животное». [2, 118]; «Козлов, ты скот! — определил Сафронов» [2, 120]. Он «слабый» и в духовных, и в физических силах и всегда переживает критические оценки Сафронова: «Козлов опять слаб! — Не переживает он социализма — какой функции в нем не хватает!» [2, 126].

Таким образом, *Козлов* и *Медведев* оказываются антиподами — но не только потому, что сами они — разные существа, а эпонимами их фамилий являются названия животных, а потому, что один — презираемый «паразит»: «Сафронов, услышав от Козлова эту мысль, счел его паразитом...» [2, 143]), а другой — уважаемый пролетарий: ««Медведь — правильный пролетарский старик», — мысленно уважал Чиклин» [2, 214].

В повести присутствует такой персонаж, который, как было сказано выше, всё время критикует, даже ругает *Козлова* — *Сафронов*. *Сафронов* из гре-

ческого языка, *Софрон* — значит *благоразумный* [4, 301]. Это значение достаточно совпадает с основной характеристикой персонажа. Автор звал его даже товарищем при первом появлении в повести: «Но теперь он поел хладнокровно, и наиболее активный среди мастеровых, товарищ Сафронов, сообщил ему после питания ...» [2, 112]. Это правда, что он настоящий активный социалист, который может часами слушать лозунги и призывы руководства: «Сафронов слушал и торжествовал, жалея лишь, что он не может говорить обратно в трубу, дабы там слышно было об его чувстве активности, готовности на стрижку лошадей и о счастье» [2, 112].

Следующий герой в повести «Котлован» — председатель окрпрофсоюза. Его зовут *Лев Ильич Пашкин*. На первый взгляд, его имя *Лев Ильич* ассоциируется с названием животного, так же как и *Козлов* или *Медведев*, но в нём возникает ассоциация с именами известных политических деятелей Ленина (Владимир *Ильич*) и Троцкого (*Лев* Троцкий), который был предан остракизму, и образ Пашкина все стремительней приобретает черты политической карикатуры, воплощавшей целый комплекс отрицательных характеристик. Поэтому понятна реакция «проверяющих» деятельность Пашкина: «Даже к имени придирались: почему и Лев и Ильич? Уж что-нибудь одно!» [2, 133]. Общими чертами для этих известных политиков является активное жизненное начало, духовная или физическая сила. Всего этого совершенно лишен персонаж, что создаёт контраст между персонажем и политическими деятелями, и единственное, что его роднит с ними, — это положение «лидера». При таком контрасте не стоит удивляться, что свое будущее в «новом мире» Лев Ильич Пашкин представляет в виде минимальной единицы — точки: «Пашкин же, пока шел по вестибюлю, обдумал увеличить котлован не вчетверо, а в шесть раз, дабы угодить наверняка и забежать вперед главной линии, чтобы впоследствии радостно встретить ее на чистом месте, — и тогда линия увидит его, и он запечатлеется в ней вечной точкой» [2, 168].

Как мы уже убедились, в повести случайность в употреблении того или иного варианта имени исключена, но форма именования героя по его деятельности тоже хорошо характеризует персонажей: такие персонажи, как активист, поп, председатель сельсовета.

Активист вообще не имеет имени, этот персонаж условен и символичен, внешний портрет его, как правило, отсутствует, его заменяет символическая деталь, штрих, дающий сущностную характеристику активисту: «Активист наклонился к своим бумагам, прощупывая тщательными глазами все точные тезисы и задания; он с жадностью собственности, без памяти о домашнем счастье строил необходимое будущее, готовя для себя в нем вечность, и потому он сейчас запустел, опух от забот и оброс редкими волосами. Лампа горела перед его подозрительным

взглядом, умственно и фактически наблюдающим кулацкую сволочь» [2, 170]. Платонов выбрал форму именования героя по его социально-общественной роли (он инициатор и руководит раскулачиванием «зажиточного бесчестья» в колхозе имени Генеральной Линии), которая в данном случае особенно явно выражает и его суть, и авторское неприязненное к нему отношение: «...здесь живет активист общественных работ по выполнению государственных постановлений и любых кампаний, проводимых на селе» [2, 170]. Не случайно он не имеет ни лица, ни имени и говорит «вполне по завету», что и должен, по христианскому преданию, делать слуга дьявола, пародируя Христа. Даже само слово «активист» весьма созвучно слову «антихрист» [5, 193].

На селе была даже сокращенная форма от «активиста» — «актив»: «В избе-читальне стояли заранее организованные колхозные женщины и девушки.

— Здравствуй, товарищ *актив!* — сказали они все сразу.

— Привет кадру! — ответил задумчиво активист и постоял в молчаливом созерцании» [2, 185].

Имя, словесный облик имени приобретают в «Котловане» особый вес. Имя нередко сразу с максимальной полнотой представляет героя. В этом произведении речь идет об *Иване Семеновиче Крестинине*, эпизодическом персонаже в повести, которому отведен всего один, но очень значимый в концептуальном отношении эпизод. Во всей повести Иван Семенович Крестинин единственный, кому даны имя, отчество, фамилия, что уже само по себе формирует впечатление о нём как о человеке уважаемом. Фамилия *Крестинин* точно связывается со словом *крестьянин*, а имя *Иван* — популярное имя для всякого русского). Крестинин своими руками выкорчевывает молодые садовые деревья, и это выкорчевывание считается знаком несостоявшейся гармонии мира человека и мира природы, это трагическая метафора, за которой — судьба российского крестьянства: «Старый пахарь Иван Семенович Крестинин целовал молодые деревья в своем саду и с корнем сокрушал их прочь из почвы, а его баба причитала над голыми ветками; (...) деревья эти — моя плоть, и пускай она теперь мучается, ей же скучно обобществляться в плен!» [2, 192–193].

Еще одним персонажем повести Платонова «Котлован» стал инвалид, потерявший ногу во время первой мировой войны и передвигающийся на тележке, по фамилии *Жачев*. «Фамилия *Жачев*, — как полагают А. Булыгин и А. Гущин, — вызывает многочисленные ассоциации: здесь и *жать*, и *жадность*, и *жалость*, и *жар* и др. Однако все это не более чем ассоциации, и выстраивать на их основе концепции довольно рискованно. Обнаруженное А. Харитоновым диалектное слово «*жачить*» (много работать) не дает оснований считать инвалида каким-то особенным тружеником — как мы уже убедились, зна-

чение внутренней формы фамилии героя у Платонова может быть прямо противоположно содержанию образа» [6, 229]. Трудно согласиться с таким мнением.

Грубость Жачева на виду: «Имей в виду — любой кодекс для меня слаб! Здесь инвалид вырвал из земли ряд роз, бывших под рукой, и, не пользуясь, бросил их прочь» [2, 132]; (...) «Вам, товарищ Жачев, я полагаю, уже достаточно бросать свои выраженья...» [2, 152]. Однако трудно сказать, почему А. Платонов избрал фамилию, образованную, видимо, от французского варианта имени *Яков (Жак)*. Быть может, как продолжение ряда *Лев Ильич: Яков (Свердлов)*.

И наконец, самый яркий смысл носит имя *Настя*, символизирующей счастливое будущее общества: «Зафиксируй, товарищ Пашкин, Настю — это ж наш будущий радостный предмет!» [2, 167]. Настя противостоит активисту. Активист — средоточие умертвляющей силы, центр отталкивания; Настя — начало живое, центр притяжения. *Настя* — *Анастасия* из греческого «возрождение» [4, 114]. Это значение доказано несколькими такими фактами: Настя действительно в буквальном смысле выходит из могилы: Чиклин спасает её по существу из могилы, комнаты, в которой умерла её мать и в которой Чиклин сделал «склеп» для умершей. Однако значение имени *Настя* оказывается трагически противоречивым с её судьбой: она предназначена для того, чтобы перейти в новую, вечную жизнь, но она погибает, унося собой надежду и веру в будущее. Смерть *Настя* — сюжетный и смысловой итог повести. И её могила общепролетарского дома мрачно символизирует утопическое счастье.

Таким образом, чтобы понять значение имен персонажей повести «Котлован», необходимо обратить внимание не только на сами имена, но и на такие факты, как: сюжет произведения, контексты, авторское описание героя. Анализ имён персонажей помогает нам больше понять и их характеристику и смысл, который автор хочет выражать через имена этих художественных образов. Самую главную функцию в смысловом выражении играют имена *Вощева* и *Настя*. *Вощев* осознал, что смерть *Настя* — «возрождения» уносит всю надежду и веру в лучшее и счастливое будущее, и теперь поиск смысла жизни лишь тщетность в фантастическом обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстая-Сегал Е. О связи низших уровней текста с высшими (проза А. Платонова) / Е. Толстая-Сегал. In: Slavica Hierosolymitana 1978, Vol. 2. p. 169–212.
2. Платонов А. П. Повести и рассказы / А. П. Платонов. — М.: Эксмо, 2003. — 448 с.
3. Крючков В. П. Вощев и его поиски вещества существования. О символике имени главного героя повести А. Платонова «Котлован» / В. П. Крючков // Журнал «Ли-

тература в школе», 1998, №7, Тампере : Отпечатано АО «Алпринт», 1998.

4. Суперанская А. В. Словарь русских личных имен / А. В. Суперанская. — М. : АСТ, 1998. — 528 с.

5. Пастушенко Ю. Поэтика смерти в повести «Котлован» / Ю. Пастушенко // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 2. По материалам второй Международной научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения А. П. Платонова.

17-19 октября 1994 года. М. : Наследие, 1995.

6. Булыгин А. К. Плач об умершем боге. Повесть-притча Андрея Платонова «Котлован» / А. К. Булыгин, А. Г. Гущин. — СПб., 1997.

7. Ковалёв Г. Ф. Пушкин и имя / Г. Ф. Ковалёв. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2009. — 218 с.

8. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego / A. Brückner. — Warszawa, 1957.

Воронежский государственный университет

Чыонг Тхи Фыонг Тхань, аспирант кафедры славянской филологии

E-mail: phuongthanh2310@gmail.com

Voronezh State University

Truong Thi Phuong Thanh, Postgraduate Student of the Slavic Philology Department

E-mail: phuongthanh2310@gmail.com

АКВАТИЧЕСКИЕ И СОЛЯРНЫЕ МОТИВЫ В ЛЕТНИХ ТЕКСТАХ РУССКИХ ПОЭТОВ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Е. В. Шохина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 марта 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается мифопоэтика летних лирических текстов пушкинской поры, включающая в себя солярные мифы и акватические мотивы. Доминантной мифологемой становится могущественное светило — солнце, заключающее в себе мощный ассоциативный поэтический потенциал. Солярным мотивам сопутствуют акватические; взаимосвязанные с ними и противоборствующие им одновременно. Образ водной стихии представлен любовными, русалочьими мотивами, мотивами очищения, дождя / бури, не всегда маркированными положительно.

Ключевые слова: поэзия пушкинской поры, мифопоэтика, лето, поэтика времен года, акватические мотивы, солярный миф.

Abstract: the article considers the mythopoetics of the summer lyrical texts of Pushkin's time, which includes solar myths and aquatic motifs. The dominant mythologeme is a powerful luminary — the sun, which contains a powerful associative poetic potential. The solar motifs are accompanied by aquatic ones. Interconnected with them and opposing them simultaneously. The image of the water element is represented by love, mermaid motifs, motifs of cleansing, rain / storms, not always marked positively.

Keywords: Pushkin's poetry, mythopoetic, summer, poetics of the seasons, aquatic motifs, solar myth.

Комплекс летних текстов начала XIX века включает в себя знаковые приметы лета, отличающие это время года от предшествующей ему весны: на первый план выходит образ солнца, несущего в себе жар / зной / огонь, с которым может соперничать только образ воды, воплощенной в дожде, росе, различных водоемах. Лето — жаркий сезон, когда природа находится в самом расцвете, она роскошна, прекрасна, богата, что отражается в подавляющем большинстве текстов интересующего нас периода: «В дни лета природа роскошно, / Как дева младая, цветет, / И радостно денно и ночью / Ликует, пирует, поет» [1, 283] (П. Вяземский «Зима»).

Доминантной мифологемой летних текстов становится могущественное светило — солнце, заключающее в себе мощный ассоциативный поэтический потенциал. «В поэзии культивируются идеи, непосредственно связанные с живительной энергией Солнца: торжество жизни, гармония человека и природы в циклически повторяющемся круговороте времен года, связанные с природным циклом явления — молния, гром, ветер, дождь — что составляет мифопоэтический космос солярного культа» [2, 517]. Согласно языческой символической, солнечный бог — посредник между небом и землей, а согласно христианскому восприятию, солнце — это «естественный символ Христа» [3, 40].

С солнцем органически связан комплекс определенных образов и мотивов: огонь, тепло, жизнь, жар, свет.

В связи с тем, что дневное светило способствует развитию жизни, обновлению природы, оно наделяется функциями творящего начала: «О, первых листьев красота, / Омытых в солнечных лучах, / С новорожденною их тенью!» [4, 134] (Ф. Тютчев «Первый лист»). Также солнце выполняет роль гармонизирующего начала, связанного с сохранением космического порядка. Лирический субъект летних текстов воспринимает появление летнего светила как момент наивысшей интенсивности самого света, его нестерпимой жгучести.

Согласно мифологической логике, часть абсолютно тождественна целому, поэтому луч обладает всеми признаками самого солнца [5, 68]. Солнечный луч эксплицирует лето в разных ипостасях: начало лета или конец, жаркое / палящее или прохладное: «И солнце вершины лесные / Тоскливым лучом обдает: / Знать, в нем уходящее лето / Лобзание прощальное шлет» [6, 211] (А. А. Фет «Желтеет древесная зелень...»); «Омытый Феб, спустяся с полден, / Лучи косые мечет в мир / С своих пылающих колес» [7, 151] (С. С. Бобров «Херсониды»).

«Связь золота, райского сада и его плодов с солнцем характерна для солярных мифов и основанных на них волшебных сказок многих народов, в том числе славян» [8, 461-462]. Золото является традиционным солнечным металлом, а лето часто наделяется эпитетом «золотое»: «Настанет лето золотое, / Природа, радости полна, / Вздохнет отраднее в покое» [9] (Н. А. Некрасов «Весна»), «Давно им грезились весной, / Весной и летом золотым...» [4, 134] (Ф. Тютчев «Первый лист»).

Согласно мифологической системе, солярные мифы относятся к астральным мифам. В наиболее архаических изводах солярные мифы представляют собой близнечные мифы, в которых солнце и месяц / луна образуют пару связанных и одновременно противопоставленных друг другу героев. Поэтому в *летних* текстах на смену солнцу неоднократно приходит луна, также выступая отличительным знаком летнего периода. «Я уезжал — то было летом, — / Сияла пышная луна, / Была прозрачным полусветом / И свежей влагой ночь полна» [10, 158] (Н. П. Огарев «Зимний путь»). Маркером преобразования ночного мира в ранней лирике А. Фета является игра «отраженного» лунного света [5, 70–72].

Луна, выступая покровительницей женщин, позволяет лирическому субъекту выстроить с нею более интимные отношения, чем с солнцем: она участлива и доброжелательна, что объясняет ее «оберегающую» функцию в лирике по отношению и к влюбленным, и к миру в целом. Органична связь луны с водными мотивами: она отражается в воде или освещает свидание героев в роще. Это связано со многими традиционными древними культами: вода считается стихией Луны, так как она, подобно воде, является образом, воплощающим женское начало. Излюбленным приемом Фета становится отражение видимого мира в воде и таким образом превращение луны в «тень теней» [5, 70–72].

Субстанция воды является антитетичной по отношению к стихии солнца / огня; однако античное философское учение «рассматривает воду в структуре космоса как модификацию огня» [5, 79], возможно, поэтому в поэзии начала XIX века соперничество этих стихий не рождало острого конфликта. Герои могли страдать от летнего зноя и желать появления живительной влаги в виде дождя или ручейка в тени деревьев. В стихотворении В. Жуковского «Песня» читаем: «Где фиалку я видал, / Там поток игривой / Сердце в думу погружал / Струйкой говорливой... / Пламень лета был жесток; / Истощенный, смолк поток» [11, 268].

Как отмечает Г. Башляр, «вода есть объект одной из величайших символических ценностей, когда-либо созданных человеческой мыслью: архетипа чистоты» [12, 34]. Именно поэтому вода связана со святостью: освященная вода смывает грехи с человека. Вода олицетворяет собой все движущееся, а в связи с этим изменчивое, а также дарит земле плодородие, представляя собой основу всего плодородного [13, 166]. Солнце и вода — вот два элемента, которые нужны для того, чтобы летом природа могла плодоносить.

Будучи динамичной стихией, вода может вступать в различные соединения с другими элементами мира и принимать самые разнообразные формы. Солнце дарит воде свой атрибут — связь с золотом, а вода, будучи сопряженной с образами текучести,

плавности, жидкости, растворяет золото солнца в себе: «Стеклянные реки лучом полуденным / Жидкому злату подобно текут...» [14, 300] (Г. Р. Державин «Лето»). Неслучайно в стихотворении А. Н. Майкова «Летний дождь» вода, предстающая в виде дождя, превращается в драгоценный металл: «Золото, золото падает с неба!» — / Дети кричат и бегут за дождем...» [15].

Г. П. Козубовская определяет водное пространство как место обитания божеств: «сумрачный чертог Наяды говорливой» — мифологизированное пространство; «подводный чертог» — место любви богов, Аполлона и Фетиды; «зеркало Наяды» — место и одновременно атрибут божеств [5, 84]. Мифологема воды может играть роль как женского, так и мужского начала. Богини любви непременно связаны с водой, что объясняет широкое распространение эротической метафоры воды. Вот почему именно лето — это период, когда для героев, возможно, наступает последний шанс признаться друг другу в чувствах и насладиться любовными восторгами: «Кто там под сено-листным сводом... / Спешит к живому водоему?.. / То Цульма, благородна дочь,... / Спешит искать в струях прохлады» [7, 154] (С. С. Бобров «Херсониды...»).

Присутствующие в разных мифологических системах мифы о соперничестве двух божеств — божества солнца и божества грозы — находят отражение и в русской поэзии: «Ты в лете, окружен и зноем и грозою... / То нам благотворишь, сокрытый туч громадой. / И в полдень пламенный, и ночи в тихий час, / С дыханием дубрав, источников с прохладой, / Не Твой ли к нам летит любви полный глас?...» [11, 81] (В. А. Жуковский «Гимн»). Вода, «репрезентированная как дождь и слезы», коннотирует собой очищение в фетовском поэтическом мире [5, 85]: «Ни тучки нет на небосклоне, / ...И в дальном колокольном звоне / Как будто слезы неба есть» [6, 303] (А. Фет «Дождливое лето»). Это стихотворение раскрывает такой ракурс бытия, где в едином настроении безверия и общего страдания оказываются земля, природа и человек [5, 119]. Г. Козубовская отмечает протеичность дождя, которая «обусловлена космическим ритмом, она знак неизменности внутри временного природного цикла» [5, 85]: «Вчера зарей впервые у крыльца вечерний дождь звездами начал стынуть» [6, 303] (А. Фет «Псовая охота»). Образ дождя сопрягается с шумом, бурей, даже с опасностью, маркированной затемнением неба. В основе такого страха перед ливнем лежит архетип о рассерженном божестве, которое появляется из воды в особые, пограничные моменты бытия — в бурю, когда высшие силы угрожают земному: «Шумит над нивой грозна буря: / Ложится нива перед бурей... / С небес шумливый дождь стремится, / Из глаз его ток слез катится» [7, 147] (С. С. Бобров «Херсониды»). Таким образом, в абсолютно противо-

положных ипостасях лета — зное и дожде, душа лирического субъекта равно может соприкоснуться с природой.

В поэтической системе А. С. Пушкина семантика лета связана с так называемым «русалочьим текстом», который становится основным ядром летних текстов в пушкинской лирике и влияет на остальные произведения [16, 11–14]. «Однажды летом у порогу / Поникшей хижины своей / Анахорет молился богу. / Дубравы делались черней / Туман над озером дымился...» [18, 81] (А. С. Пушкин «Русалка»). Однако Л. В. Гайворонская отмечает, что анахорет сам делает шаги навстречу злу, монах молится на берегу озера и прекращает молитву с наступлением темноты, как бы зазывая скорее кого-то из темной пучины. В образе русалки прочитываются демонические ноты, связанные с особым взглядом — «чудном взоре» демона, бледностью, ярко выделяющейся на фоне ночи [17, 95–99]: «Дубравы вновь оделись тьмою; / Пошла по облакам луна, / И снова дева над водою / Сидит, прелестна и бледна» [18, 82] (А. С. Пушкин «Русалка»).

Летние любовные коллизии Пушкина описаны в печальном свете, так как в пушкинском мире герои обретают истинную любовь только зимой, благодаря провидению судьбы. Летние романы разочаровывают лирического субъекта или могут обратиться «ловушкой судьбы»: «Вянет, вянет лето красно; / Улетают ясны дни; / Стелется туман ненастный / Ночи в дремлющей тени... / Хладен ручеек игривый...» [18, 249] (А. С. Пушкин «К Наташе»); «Летним вечером страшитесь / В темной рощице воды: / В темной рощице таится / Часто пламенный Эрот...» [18, 262]. Как и в русалочьих текстах, опасность для героя исходит из водного пространства: бог любви прячет там свои стрелы. Вода несет в себе в данном случае, несомненно, мужское начало (недаром это «он», ручей, поток, нескромно ведет себя с молодой красавицей): «И прелести ее поток волной игривой / С весельем орошал. / Житель рощи торопливый, / Будь же скромн, о ручей!» [18, 261] («Леда» (Кантата)).

На фоне столь мрачной семантики лета единственное «светлое пятно» — локус дубрав у воды, представляющийся местом не только для любовных встреч с русалками, но и творческих устремлений поэта, а в некоторых случаях, подключая «реалии» античной мифологии, и свиданий с музой [16, 14–15]. Лето — это время изнурения человека в физическом плане из-за жары / духоты, которые губят душу («душевные способности»). Эта «архисема» лежит в основании всех летних событий в пушкинских текстах [16, 10]: «Ох, лето красное! любил бы я тебя, / Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи. / Ты, все душевные способности губя, / Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи» [18, Т.2., с. 379] (А. С. Пушкин «Осень (Отрывок)»).

И у Пушкина, и у Тютчева наблюдается частотное обращение к водной стихии, связанной часто с комплексом летних текстов. У поэтов восемнадцатого века Тютчев перенимает стилистические приемы изображения пейзажей: живописное изображение — у Державина [19, 79], используя яркие и насыщенные цвета в описании природы; перекличка с текстами Ломоносова наблюдается на образном уровне: например, в стихотворении «Летний вечер» с «Одой на день брачного сочетания великого князя Петра Феодоровича и великия княгини Екатерины Алексеевны 1745 года» [19, 78]. Если у Ломоносова солнце в конце вечера опускается в волны, то у Тютчева «мирного вечера пожар» поглощается морской волной. В строках: «Река воздушная полней / Течет меж небом и землею» — прочитывается соперничество еще и между водной и воздушной стихиями.

Часто в поэтических текстах начала XIX века, посвященных лету, художники четко не разграничивают весну и лето, смешивая их названия даже в стихотворениях, описывающих уже сезон июля-августа, превращая тем самым лето в форму весны. Скорее всего, такое плавное перетекание одного времени года в другое связано с древней традицией, разделяющей годовой цикл всего на две части: весну, как время зарождения жизни, и осень, как ее смерть.

Попытка обозначить принципиальные границы между весной и летом в поэтическом сознании приводит к выявлению отличительной черты лета: оно обладает жаром, зноем, которые обрушиваются на лирического субъекта с не меньшей силой, чем летние ливни и бури. «Лето пугает своей стихийной мощью, за пределом которой — разрушение» [5, 119]. Полдневный зной и умиротворение летнего вечера, чаще всего у водоема, «равноценны в силу причастности к ним человека, включенного в процесс мировой жизни, ставшего свидетелем мирового пожара» и его затухания [5, 119].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вяземский П. А. Стихотворения / П. А. Вяземский. — Л. : Советский писатель, 1958. — 506 с.
2. Маркелова Е. Е. Мифопоэтика луны в русском искусстве рубежа XIX–XX веков / Е. Е. Маркелова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — №2. — Т.14. — 2012. — С. 516–520.
3. Авдейчик Л. Л. Огненно-световая сфера природы в поэзии В. С. Соловьева / Л. Л. Авдейчик // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика, 2007. — № 3-4. — С. 39–46.
4. Тютчев Ф. И. Первый лист / Ф. И. Тютчев // Лирика: В 2 т. / АН СССР. — М. : Наука, 1966. — Т. 1. — 448 с.
5. Козубовская Г. П. Поэзия А. А. Фета и мифология: учебное пособие / Г. П. Козубовская. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. — 256 с.

6. Фет А. А. Собрание сочинений и писем. Стихотворения и поэмы 1839-1863 / А. А. Фет. — СПб. : Академический проект, 2002. — 552 с.
7. Бобров С. С. Херсонида, или Картина лучшего летнего дня в Херсонисе Таврическом. Лирико-эпическое песнотворение / С. С. Бобров // Поэты 1790–1810-х годов. — Л. : Советский писатель, 1971. — С. 132–158.
8. Иванов Вяч. Вс. Солярные мифы / Вяч. Вс. Иванов // Мифы народов мира: Энциклопедия. — М., 1980. — Т. 2. — С. 461–462.
9. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем в 15 томах / Н. А. Некрасов. — М. : Наука, 1981–2000. Режим доступа : <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/nekrasov33.html> (дата обращения: 20.03.2017).
10. Огарев Н. П. Зимний путь / Н. П. Огарев // Избранные произведения в 2х томах. — Т.2. Поэмы. Проза. Литературно-критические статьи. — М, 1956. — С. 145–161.
11. Жуковский В. А. Собрание сочинений в 4 т. / В. А. Жуковский. — М.; Л., 1959. — Т. 1. — 480 с.
12. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи / Г. Башляр. — М. : Издательство гуманитарной литературы, 1998. — 268 с.
13. Эвола Ю. Метафизика пола / Ю. Эвола. — М. : Беловодье, 1996 — 448 с.
14. Державин Г. Р. Стихотворения / Г. Р. Державин. — Л. : Советский писатель, 1957. — 465 с.
15. Майков А. Н. Сочинения в двух томах. / А. Н. Майков. — Том 1. — Режим доступа : http://az.lib.ru/m/majkow_a_n/text_0220.shtml (дата обращения: 20.03.2017).
16. Гайворонская Л. В. Семантика времен года в художественном мире А. С. Пушкина / Л. В. Гайворонская. — Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. — 196 с.
17. Гайворонская Л. В. Характерология русской литературы (первая треть XIX в.): учебное пособие для вузов / Л. В. Гайворонская. — Воронеж : ИТОУР, 2009. — 108 с.
18. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах / А. С. Пушкин. — М. : ГИХЛ, 1959-1962. — Т. 1. — Т. 2. — 643 с.
19. Шапурина А. В. Традиции русской поэзии XVIII века в лирике природы Ф.И. Тютчева / А. В. Шапурина // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. — №1 (38) — 2013. С. 72–82.

Воронежский государственный университет
Шохина Е.В., аспирант
E-mail: shoelen@mail.ru

Voronezh State University
Shohina E.V., Postgraduate Student
E-mail: shoelen@mail.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ФИНАНСИРОВАНИЕ СМИ В РЕСПУБЛИКЕ МАЛИ

Кейта Кали

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 апреля 2017 г.

Аннотация: в данной статье анализируются проблемы, связанные с особенностями законодательного регулирования СМИ Мали, в частности, в сфере их финансирования. В статье показано, что в республике Мали сохраняются сложности с законами о работе журналистов. Сделан вывод о замедлении прогресса в развитии СМИ из-за недостаточного финансирования государственных изданий.

Ключевые слова: законы о СМИ, финансирование, государственные СМИ, реклама, цензура.

Abstract: the article deals with legal regulations of mass media in Mali. Laws on media financing are scrutinized. It is proposed that legislation restraints remain the deterrent for journalists. The conclusion is drawn about insufficient financing as a brake for media development.

Key words: political communication, mass media, party, Mali, journalist, politicians.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СМИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В СТРАНЕ

Журналисты во всех странах считаются наиболее активной частью населения во время выборов. Их деятельность имеет не только информационный, но и организационный характер. Освещая ход избирательных кампаний, они в то же время помогают избирателям сделать правильный выбор, определиться с платформой и программами партий [1; 3]. Африканские страны после получения независимости старались сделать массмедиа орудием демократии, инструментом модернизации и прогресса. В законах, в частности законодательных документах о СМИ, прописаны многие верные положения, регулирующие и электоральный процесс, и работу СМИ. Но политическая жизнь в большинстве случаев не подтвердила декларации о независимости журналистики как профессии, поэтому борьба за выполнение правильных законов является магистралью журналистской и общественной деятельности на современном этапе [3, с. 34].

Республика Мали до недавнего времени считалась одним из лучших примеров для африканского континента с точки зрения свободы выражения мнений и демократического плюрализма. Этот статус республика Мали должна была заслужить еще и из-за распространения СМИ и разнообразия медийного ландшафта. Динамизм средств массовой информации и свобода слова в стране сделали ее одной из ориентиров континента, а создание революционной законодательной и нормативно-правовой базы способствовало развитию СМИ с учетом

выводов первого дня национального Сопровожения по вопросам управления информацией и коммуникацией в декабре 1991 года. Правовая база коммуникационной политики закрепились в конце второго дня Сопровожения о СМИ в 1991 г. и позже в 1996 году, когда создавались условия для улучшения и развития средств массовой информации в государстве. Несмотря на эффективность медийной политики в осуществлении свободы выражения мнений всех граждан сегодня все равно существуют проблемы. Ситуация кризиса, стоящего перед страной с 2012 года, стала поводом для властей и различных групп давления в плане безопасности, для создания законов, созданных для того, чтобы ограничить свободу выражения мнений. Согласно рейтингу организации «Репортеры без границ» Республика Мали в эти годы пережила серьезный удар по свободе прессы. Таким образом, с 2011 по 2016 год Мали сместилась с 25-го (2011 год) на 118-е место (2016 год) во всем мире [4, 33]. Законодательство о финансировании СМИ является способом косвенной цензуры, а дефицит финансирования укрепляет самоцензуру в редакциях.

В качестве государственных СМИ мы можем привести в пример Телерадиовещательную службу Республики Мали (ORTM), которая включает в себя два радиоканала (Национальное радио и Канал 2, который покрывает только город Бамако и близлежащие округа), два телевизионных канала (Национальное телевидение и Второй канал ТМ2). Существует также Агентство прессы и Рекламы Мали (АМАР), которое печатает национальную ежедневную газету «L'ESSOR» и Национальное агентство по коммуникациям и развитию (ANCD). Аудиовизуальный сектор

обычно охватывает каналы, которые относятся к радио и телевидению. Механизм урегулирования аудиовизуального сектора, который будет рассмотрен ниже, касается и печатной прессы, и радиовещания, и телевидения. Общественное вещание регулируется в Мали законами и постановлениями о создании государственных органов: ORTM, AMAP, ANCD. Что же касается частного вещания, то оно регулируется четырьмя документами [3, с. 34]:

— Постановление № 92-037 / P-CTSP от 14 мая 1992 года, разрешающее создание частных вещательных служб.

— Постановление № 92-156 / PM-RM от 14 мая 1992 года, определяющее условия и порядок получения, приостановления действий или изъятия разрешения создания частных вещательных служб.

— Межведомственный Приказ № 94-7166 / MCC-MATS от 16 июня 1994 года, фиксирующий технические требования аудиовизуальной коммуникации частных служб.

— Приказ № 95/0331 / MFC-CAB от 16 февраля 1995 года, фиксирующий налоги за частные услуги вещания [5, с. 44].

Два органа отвечают за регулирование СМИ в Республике Мали: частное вещание входит в компетенцию Высшего совета коммуникации (CSC), который был создан в 1992 году, а также есть Комитет по обеспечению равного доступа к государственным СМИ (CNEAME). CSC консультирует по вопросам гарантии свободы коммуникаций и условий работы коммуникаций, а также все министерские проекты национального значения, влияющие на сектор коммуникаций, в частности для определения малийского варианта в международных переговорах по деятельности, связанной с радиовещанием, работой телевидения и печатных средств массовой информации. CSC определяет всю ограничительную практику свободной конкуренции или оказывает содействие в монополизации отрасли связи и коммуникаций, о распределении и выводе частот для радио— и телевизионных станций. Это обеспечивает соблюдение ими их специфики. Наконец, он инициирует исследования, предлагает планы помощи средствам массовой информации.

Операционные расходы Комитета по обеспечению равного доступа к государственным СМИ (CNEAME) и Высшего Совета коммуникации (CSC) обеспечиваются за счет Государственного бюджета и Высшего совета коммуникации, не пользующихся финансовой и бухгалтерской автономией. Высший совет коммуникаций не участвует в подготовке своего собственного бюджета, несмотря на ясность закона. В статье 2 говорится: «Высший Совет коммуникаций принимает свою программу деятельности; рассматривает и решает вопросы исследования, а также документы, которые он инициирует или которые ему переданы. Также он представляет свой

бюджет государству (правительству) на утверждение». Это экономическое вмешательство противоречит статье 7 Декларации о свободе выражения мнений.

Высший совет коммуникаций (CSC) отчитывается перед министром связи и новых технологий с докладом. Его постоянный секретарь, который не является членом Совета, назначается постановлением Совета министров по представлению министра связи и новых технологий. Комитет по обеспечению равного доступа к государственным СМИ (CNEAME), который руководствуется институтами Республики, также имеет постоянного секретаря, назначаемого Президентом Республики.

Для урегулирования частного сектора, Высший Совет коммуникаций взаимодействует со структурами, участвующими в урегулировании аудиовизуальных услуг: это комитет по управлению использованием частот, предназначенных для частных услуг радио и телевизионного вещания, основанный в соответствии с решением № 96 14 сентября 1991 года. Его миссия заключается в создании условий для распределения спектра, контроль правильного использования частот, передача Международному комитету регистрации частот для их отнесения к соответствующим станциям и предложение министерству надзора выдачи или отмены лицензий. Министр коммуникаций руководствуется комитетом, секретариат которого обеспечивается Офис радиовещания и телевидения Мали (ORTM). Членами данного компонента являются: Малийская телекоммуникационная компания (SOTELMA), Офис радиовещания и телевидения Мали (ORTM), Служба связи вооруженных сил, Департамент полиции, Гражданская авиация и Управление Внутренних Дел.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ СМИ

1. Государственное финансирование

С точки зрения источников финансирования, плата, которая используется для общественного вещания в соседних странах, не существует в Мали. Государство не выполнило свое обязательство, принятое в ходе утверждения спецификаций, определяющих обязанности ORTM и государства в рамках выполнения миссии государственной службы радио и телевидения. Действительно, государством было обещано, что в дополнении к ежегодной субсидии нужно будет установить плату, чтобы позволить ORTM обеспечить стабильную работу с нормальным циклом.

В отсутствие платы за телевидение, финансирование малийского государства для программ ORTM остается ограниченным. С момента подписания спецификации мы больше не говорим об аудиовизуальной плате или налоговой, таможенной льготе. ORTM просил Правительство проиндексировать счета за электроэнергию, но инициатива не удалась,

но Мэрия города Бамако и SOTELMA (Телекоммуникационная компания Мали) получили эти льготы. Было также предложение индексации на горючее (топливо), но высокие цены на нефть, инфляция и социальные волнения не позволили осуществить этот вариант. Наконец, захотели проиндексировать импорт IT-продуктов (телевизоры), но это снова не увенчалось успехом в той степени, потому что импорт не контролируется. ORTM имеет миссию государственной службы, но все расходы не могут быть полностью обеспечены субсидиями. Государство не поддерживает инициативу платы за использование ТВ и РВ услуг, несмотря на рекомендации Национального собрания, на своей сессии в октябре 2000 года. Установление платы за использование ТВ и РВ услуг позволяет ORTM иметь большие ресурсы, чтобы лучше справиться с его миссией государственной службы. Поэтому происходит нехватка ресурсов на всех уровнях, в то время как инвестиционные и эксплуатационные потребности огромны.

В целом в бюджете государственных средств массовой информации наблюдается значительный прирост. Это заметно на примере ORTM: 8,72 % в 2012 году, 14,96 % в 2013 году, 7,20 % в 2014 году. Хорошо, что бюджет АМАР вырос пять лет подряд, 9,40 % в 2013 году, 5,25 % в 2012 году, 1,29 % за 2014 год, этот рост не является постоянным. Правительство не вмешивается непосредственно в списание долга, но оно платит за определенные фактуры, которые являются важной частью бюджета. Например, государство оплатило 22,435,754 франков КФА за просроченные счета за воду и электричество в 2013 году в дополнении к 2014 году. В этом же году субсидиями были оплачены задолженности по связи телефонных компаний *Malitel* и *Orange*. Субсидии не уточняют, что общественные СМИ «финансируются» для создания программ в области образования, здравоохранения, гражданского образования или других. Действительно, соглашение, достигнутое в ходе подготовки спецификаций, еще остается в силе. Государство, будучи основным источником финансирования, требует даже на уровне технического управления. Если верить директору по программированию ORTM «эта ситуация влияет на характер программирования, но не на редакционные стратегии» [6, с. 32]. Действительно, каждый министр хочет, чтобы оперативно освещали его деятельность на телевидение в тот же день, в результате чего возникает давление со стороны правительства на службу программирования, министерское давление на журналистов, ответственных за коммуникации данного министерства, и недопонимания между журналистами. Таким образом, редакционная независимость находится под вопросом.

2. Финансирование за счет рекламы

Реклама на радио и телевидении является важной частью в генерации доходов государственных

СМИ. В 2014 году реклама составила 40,16 % собственных доходов ORTM. Рекламные доходы состоят из традиционной рекламы, которая занимает 48 % и спонсорство (52 %). Реклама отличается от сообщений, коммюнике и различных услуг. В регионах реклама занимает 12,9 % от выручки. Помимо Сегу, который является вторым по величине городом в Мали, где реклама и занимает третью часть ресурсов, полученных на местном уровне, другие регионы характеризуются низкими доходами от рекламы по сравнению с бюджетом: Сикассо 3,3 %, Мопти 4,6 % и Кайс 5,3 %.

На рекламном рынке доминирует Малийское агентство печати и рекламы (АМАР), которое помимо своих задач выполняет законодательства, регулирующие рекламу в Мали и участие в создании всех структур для развития рекламы в Мали. ORTM получает 70 % своего рекламного рынка, а 30 % остается с АМАР, которое обеспечивает управление рекламы ORTM. Тем не менее, ORTM имеет возможность проводить рекламные соглашения через отдел маркетинга в обход АМАР: футбольный матч, конкретные события, поэтому деньги идут непосредственно к ORTM. Малийское законодательство требует от общественных административных предприятий (ЕРА) того, чтобы иметь сбалансированный бюджет в доходах и расходах, но государственные СМИ не обязаны иметь прибыль. В течение последних пяти лет наблюдается тенденция роста расходов во всех государственных вещательных компаниях.

Выводы. В настоящее время мы видим тенденцию в средствах массовой информации, ведущую к концентрации, чтобы медиа-компании были жизнеспособными и независимыми. В качестве примеров можно привести *Jamana*, *TDM*, *KAYIRA*, *Klédu*. Малийские СМИ, конечно, «повзрослели» и профессионально, но многие недостатки остаются. Создание НАС (Высший орган коммуникаций) как единого органа надзора над СМИ вместо двух или более позволит государству экономить средства и облегчить жизни СМИ, т. к. для решения всех проблем теперь у них только один собеседник. Гражданское общество, которое представлено в экономическом, социальном и культурном советах при правительстве, влияет на финансовую политику слабо. Законы и нормативные акты определяют чаще всего расходование государственных средств на поддержку официальной массовой информации в Мали. Вопросы свободы слова регулируются в недостаточной мере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверькова И. В. Адаптация стран Африки к процессам финансовой глобализации : автореф. дис. ... канд. соц. наук / И. В. Аверькова. — Москва, 2005.
2. Бисвас А. Африка : стремление к восстановлению в XXI веке / А. Бисвас // Азия и Африка сегодня, 2004. —

№ 1. — С. 50–57.

3. Хорольский В. В. Медийность текстов в средствах массовой коммуникации / В. В. Хорольский. — Воронеж, 2016.

4. Baromètre des médias africains. Friedrich-Ebert-Stiftung, Bamako, Mali 2016.

5. Atlas du Monde Global / P. Boniface, H. Vedrine. — Paris, 2008.

6. Diarra M. La production cinématographique et télévisuelle au Mali : Outils de promotion, canaux de distribution et fonds de financement du Mali / mémoire de fin de cycle de master II l'Université de Bologne, Italie, 2015.

*Воронежский государственный университет
Кейта Кали, аспирант кафедры истории журналистики и литературы
E-mail: beaugars10@gmail.com*

*Voronezh State University
Keita Kali, Postgraduate Student of the History of Journalism and Literature Department
E-mail: beaugars10@gmail.com*

ТРЕНДЫ ЖУРНАЛИСТИКИ XXI ВЕКА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ В ОБУЧЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ЖУРНАЛИСТОВ ЭПОХИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Л. А. Коханова

Московский государственный университет

Поступила в редакцию 15 февраля 2017 г.

Аннотация: в данной статье речь идет о специальных семинарах как форме подготовки научных кадров нового поколения в области журналистики. На основе анализа реальной практики определены основные требования к нему, которые способствуют повышению его эффективности. К ним автор относит актуальность тематики, проектное обучение и овладение основами методологии изучения средств массовой информации. На примере конкретного спецсеминара, организованного с учетом этих требований, показана его результативность. Он посвящен исследованию форм и методов взаимодействия традиционных СМИ и социальных сетей, в результате которого появляются новая специализация журналиста печатных изданий.

Ключевые слова: журналистика, информационно-коммуникативная система, спецсеминар, исследовательский проект, проектное обучение, тренды журналистики, социальные сети, страницы или аккаунты в социальных сетях, новая специализация журналиста печатных изданий.

Abstract: this article deals with special seminars as a form of research training of a new generation in the field of journalism. On the basis of the actual practice of the basic requirements for it that enhance its effectiveness. These author considers the relevance of subjects, project learning and mastering the basics of methodology for studying the media. For example, a particular special seminar organized with these requirements, its performance is shown. It is dedicated to the study of forms and methods of interaction between traditional media and social networks, as a result of which there is a new specialty of journalist publications.

Keywords: journalism, information-communicative system, special seminar, research project, project learning, trends in journalism, social networking pages or accounts in social networks, a new specialization journalist publications.

В День российской науки в этом 2017 г. в Кремле были вручены премии в области науки инноваций молодым ученым. Среди лауреатов — лишь представители естественных и технических наук. Гуманитариев среди них нет, тем более исследователей в области журналистики. «Вместе с тем, — пишет профессор Е. Дугин, — все более ощутимы реалии информационного общества, в основе которого лежит производство, потребление и распространение информации, выдвигают в качестве центральной проблемы научное познание социальных информационно-коммуникативных процессов» [1, с. 81].

Казалось бы, сегодня как никогда необходимо включиться молодым исследователям в процесс движения теоретической мысли, в основе которой находятся сформулированные идеи, сведения, факты и оценки как результат исследования отечественных СМИ. Но этого, к сожалению, пока не происходит. Тому есть ряд причин.

Одной из главных, пожалуй, можно считать минимальное включение студентов-гуманитариев в исследовательские проекты. Курсовые и выпуск-

ные квалификационные работы, которые они выполняют в процессе обучения в бакалавриате, в основе своей носят обзорный характер. Мало кто из их авторов владеет теоретической методологией научного исследования. Этим грешат в большинстве своем магистерские и диссертационные работы, которые «вместо глубокого изучения особенностей функционирования СМИ жонглируют статистикой доходов, количеством «лайков» в Интернете и на этом... пытаются обосновать так называемые теоретические концепции, которые по большей части оказываются заемными у зарубежных разработчиков» [1, с. 87].

Что касается технической высшей школы, то ей при всем реформировании последних десятилетий удалось сохранить принципы ведущих отечественных вузов, где студент с первых курсов включается в исследования, ведущиеся на кафедрах или в научных лабораториях. Тем самым он становится членом творческого коллектива, и не на словах, а на практике, участь у старших коллег, осваивает методологию научного исследования.

Безусловно, необходимость подготовки таких специалистов осознают многие преподаватели гу-

манитарной высшей школы, в том числе и факультетов и отделений журналистики. Благо, что в их распоряжении осталась такая форма обучения как специальный семинар, который при всей формализации учебного процесса дает определенную возможность для педагогического творчества.

Тема «Тренды журналистики XXI как исследовательский проект в обучении журналистов в эпоху цифровизации» было предложена студентам в рамках учебного спецсеминара на кафедре периодической печати факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. Название на протяжении последних четырех лет изменялось, но суть оставалась прежней. На данный момент это «Особенности подготовки текстов для социальных сетей». Целью и задачами проводимых студенческих исследований стали выявление специфики работы журналиста газеты в различных социальных сетях как в особой сфере распространения данных, определение специфики трудовой деятельности нового для редакции специалиста, поиск и фиксация особенностей двусторонней связи между журналистом и аудиторией.

При этом мы исходили из того, что в процессе использования в работе журналистом социальных сетей формируются не только новые методы и приемы его трудовой деятельности, связанные с поиском данных и публикацией материалов в различных ресурсах — меняется информационная и психологическая, а также мировоззренческая и идеологическая составляющие.

В зависимости от конкретной социальной сети вырабатываются особенности подачи материалов. На каждом сайте формируется различный контент, отвечающий запросам пользователей, и он может быть в той или иной степени использован журналистами. «В медиаиндустрии первая стадия — это производство содержания. Для всех СМИ это означает работу создателей текстов и аудиовизуального ряда — журналистов, писателей, режиссеров, актеров, музыкантов. В некоторых случаях (например, в Интернете) содержание может сразу востребоваться аудиторией, однако чаще всего следующей стадией становится стадия «упаковки» содержания. На стадии «упаковки» газетные или журнальные статьи объединяются в одном номере газеты или журнала» [2].

На основании анализа данной формы обучения и собственного опыта, можно утверждать, что работа студентов становится более результативной, если спецсеминар отвечает ряду следующих требований:

— актуальность тематики, которая не только востребована студенческой аудиторией, но и значима для развития журналистики в контексте общественных запросов;

— организация работы в рамках коллективного исследовательского проекта, нацеленного на конечный результат группы;

— опора на методологию изучения журналистики в рамках деятельностного, коммуникативного подхода, в основе которого лежит опыт, наработанный ранее отечественными научными журналистскими школами. При этом важно исходить «из того, что призвание журналиста искать и предлагать обществу новые смыслы» [1, с. 93].

Актуальность тематики реально востребована студентами. Газеты и журналы активно осваивают сетевое пространство, поэтому специалисты рекомендуют «издателям газет готовиться к «ренессансу» газетного содержания, что должно дать им значительные преимущества в продолжающейся информационной революции» [3, с. 10]. Причем уже очевидны этапы этого освоения и в российской действительности.

Сегодня отчетливо видно, что в редакциях газет сначала создавали сайты, затем увидели для себя реальные перспективы в сотрудничестве с блогерами. Теперь они ведут страницы своих изданий в социальных сетях и очень внимательны к тем пользователям, которые имеют также свои аккаунты. Это очень удобная платформа для комментариев к материалам, опубликованным в печатных версиях. Хотя следует помнить о том, что это «игра на чужом поле». Как утверждает Е. Дугин, «с помощью глобальной сети удерживается и всемерно наращивается информационное североамериканское «господство в облаке» над остальным миром. Это нетрудно сделать с учетом того, что информационные технологии, операционные системы, программное обеспечение и социальные сети едва ли не полностью имеют американское происхождение» [1, с. 88]. Следовательно, редакциям сегодня нужны специалисты, которые могут противостоять негативным процессам, которые знают, как в социальные сети вбрасывается необходимая информация, каким искусно она продвигается, становясь предметом обсуждения сетевого сообщества, новостью первых полос в традиционных СМИ. К сожалению, сегодня в редакциях таких обученных специалистов немного, и получается, что любители играют против профессионалов.

Интересный пример привел в своем исследовании «Особенности работы журналиста в социальных сетях (на примере газеты «Аргументы и Факты»)» студент М. Мовчан. В газете «Аргументы и Факты» 1 марта 2016 г. была опубликована заметка: «Солиста «Непары» возмутил завтрак, поданный ему на гастролях в Соликамске» [4]. Информационным поводом послужило само сообщение солиста группы «Непара» Александра Шоуа в социальной сети о завтраке в гостинице. Автор приводит цитату из блога музыканта: «Кто сказал, что мы всегда счастливы? Кто до сих пор желает стать музыкантом? Выходи и стройся! Стране нужны повара!», — и показывает в своем материале фотографию, сделанную певцом в его блоге.

Для того чтобы добыть эту новость, журналист подписался на аккаунты в социальных сетях знаменитостей и постоянно следит за происходящими в их жизни событиями. Это позволило ему найти аналогичную историю, которая почти одновременно произошла с другим деятелем искусства. Станислав Садальский находился на гастролях в Перми. О состоянии железнодорожного вокзала, которое его потрясло, артист рассказал в своем личном блоге: «Снега по колено на перроне, внутри грязь, деревянные ступеньки, обсыпанные стены, крысы — всё это жд вокзал в Перми — чудо 21 века! стыдно «миллионнику» иметь такой старый страшный вокзал». К сообщению была прикреплена фотография вокзала с потрескавшимися стенами и разрушенным напольным покрытием, а также лужами [5].

Так взятые из сети факты, авторами которых к тому же являются знаменитые люди, позволили журналисту написать хороший материал для своего издания. Он привлек внимание читателей печатной версии, получил желаемые «лайки» в электронном варианте издания. Да и тема, поднятая газетой, далеко не из области милых пустячков, которыми сегодня изобилуют социальные сети.

В работе Н. Заруцкой «Формат новостных заметок в Twitter (на примере газеты «Московский комсомолец» и Gazeta.ru)» отмечается, что одних новостей пользователям сетей уже недостаточно, они желают общения с умным понимающим собеседником. Именно этого многим недостает в современной жизни.

Целью исследования «Устно-письменный текст в сети» стал сбор реальных текстов студенческой аудитории, которые они пишут на своих страницах. Результаты были обобщены в работе Н. Анашиной «Трансформация журналистского текста на современном этапе под влиянием социальных сетей (на примере издания «Комсомольская правда» и социальной сети «ВКонтакте»)».

Таким образом, проектное обучение стало вторым обязательным условием результативной работы семинара как творческого коллектива. Прежде всего были обозначены ведущие тренды или направления развития СМИ, среди которых главный связан с осознанием того факта, что блогосфера, социальные сети сегодня значительно влияют на характер профессии журналиста. За эти годы сделано около тридцати работ, которые составят готовя-

щийся к печати сборник. Следует заметить, что проектный подход не сразу был принят студентами (здесь уместно вспомнить образное выражение академика А. Чубарьяна об «аллергии на вопросы методологии в целом» [6, с. 12]). Не сразу пришло понимание того, методология исследований журналистики есть вид познавательной деятельности по анализу информационно-коммуникативных процессов. Он предполагает сбор, подготовку и распространение информации, что корреспондирует с работой непосредственно журналиста. При этом в его основе лежит совокупность принципов, положений, методов, приемов, способов и процедур «исследования смыслопорождения и стимулирования смысловой деятельности у различных коммуникативных сообществ и групп аудитории» [1, с. 93]. Это опять сродни журналистской деятельности, в которой уже многие из студентов попробовали себя параллельно обучению на факультете.

Подобного рода семинары могут со временем стать основой для появления научных отечественных школ, которых сегодня явно недостает в информационно-коммуникативной сфере. Более того, именно такой подход позволяет студентам перейти в область практических действий и определить, в чем заключается специфика работы журналиста редакции, который работает в сети.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугин Е. Я. Методологический поворот исследований информационно-коммуникативных систем и журналистика / Е. Я. Дугин // Журналист. Социальные коммуникации. — 2015. — № 3-4 (19-20).
2. Интернет для журналиста / [под ред. А. Носика, С. Кузнецова]. — М. : Галерея, 2008.
3. Газеты на пороге новой эры. Материалы 52-го Всемирного газетного конгресса. Цюрих, июнь 1999 г.
4. Пермские высмеяли солиста группы «Непара» за претензии к завтраку // Новостной портал «В курсе». — URL: http://v-kurse.ru/news/life/permyaki_vysmeyali_solista_gruppy_nepara_za_pretenzii_k_zavtraku_2020322/ (дата обращения: 15.02.17).
5. Пермский вокзал — чудо XXI века // «Живой журнал». — URL: <http://sadalskij.livejournal.com/2551499.html> (дата обращения: 15.02.17).
6. Чубарьян А. О. Историческая наука в России в начале XXI в. / А. О. Чубарьян // Новая и новейшая история. — 2003. — № 3.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

*Коханова Л. А., профессор факультета журналистики
E-mail: L_kokhanova@mail.ru*

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Kokhanova L. A., Professor of the Journalism Department
E-mail: L_kokhanova@mail.ru*

ПИСАТЕЛЬ-ЖУРНАЛИСТ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. В. Крылова

Московский государственный институт культуры

Поступила в редакцию 19 апреля 2017 г.

Аннотация: в статье рассматриваются этапы развития отечественной журналистики сквозь призму информационно-публицистической и редакторской деятельности писателей-журналистов. Поднимается актуальный вопрос о роли писателя-журналиста в информационном пространстве XVIII–XXI веков.

Ключевые слова: писатель-журналист, история отечественной журналистики, публицистика, журналист, редактор.

Abstract: the article examines the stages of development of Russian journalism through the prism of information-journalistic and editorial activities of writers-journalists. The author raises an actual question about the role of a writer-journalist in the information space of the XVIII–XXI centuries.

Key words: writer-journalist, the history of national journalism, publicism, journalist, editor.

В современной науке принято считать, что отечественная журналистика берёт свое начало в эпоху императорства Петра I, который 15 декабря 1702 года издаёт указ о выпуске «Ведомостей о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в московском государстве и в иных окрестных странах». Первая газета была выпущена в январе 1703 года и именовалась «Ведомости». Редактором газеты стал директор Московского печатного двора Фёдор Поликарпов, иногда в редактировании номеров участвовал и сам император. Изначально номера были посвящены переводам иностранных газет, поэтому одним из первых штатных сотрудников отечественной печати стал переводчик посольского приказа Борис Волков. Также статьи газеты были посвящены внешней и внутренней политике государства, в связи с чем на страницах издания появляется первый отечественный репортаж с места действия Полтавской битвы. В целом содержание номеров газеты можно считать информационным. С 1727 года газета стала издаваться на базе Академии наук и была переименована в «Санкт-Петербургские ведомости», к основным материалам которой прикреплялись так называемые приложения, посвящённые культуре, географии, медицине, естественным наукам, что расширило тематическую сторону издания. На этом этапе развития отечественной журналистики писатели еще не приобщились должным образом к издательскому делу.

В связи с открытием Московского университета в 1756 году появляется и новая газета под названием «Московские ведомости». Однако главным сред-

ством массовой коммуникации и в XVIII, и в XIX веках становится журнал. Первое издание появилось в январе 1755 года на базе Академии наук и именовалось «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», редактором его стал Г. Ф. Миллер. На его страницах уже публикуются публицистические и литературные сочинения известных писателей того времени: В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова и др. Когда появляется возможность частного издательства книг, то возникает и множество частных изданий, таких как «Трудолюбивая пчела» А. П. Сумарокова, «Полезное увеселение», «Невинное упражнение» М. М. Хераскова, «Трутень», «Живописец» Н. И. Новикова, «Почта духов» И. А. Крылова, «Московский журнал» Н. М. Карамзина и др. Не остается в стороне от издательского «бума» сама императрица Екатерина II. Так появляются журналы «Всякая всячина» и «Собеседник любителей русского слова», которые содержали проправительственные статьи и осуждение таких человеческих недостатков, как скупость, мотовство и щегольство дворянства, суеверия, неумение держать себя в обществе и т. д.» [1, с. 19]. Именно в это время пресса становится ареной сражений между талантливейшими писателями того времени, придерживающимися полярных взглядов на проблему крепостного права.

Первая половина XIX века русской журналистики отличается от XVIII более широким тематическим разнообразием и появлением региональной печати. В это время издаются такие идейные издания, как «Современник» А. С. Пушкина, «Телескоп» Н. И. Надеждина, либеральные «Полярная звезда», «Колокол» А. И. Герцена и Н. П. Огарёва, «Мнемозина»

В. Ф. Одоевского и В. К. Кюхельбекера, «Литературная газета» А. А. Дельвига и О. М. Сомова и другие альманахи и журналы, посвящённые политической, культурной, развлекательной тематике. Как правило, за каждым из них стоит крупный писатель или группа авторов, их произведения и являются «лицом» издания.

Анализируя процессы формирования информационного пространства, Е. П. Прохоров отмечает, что «В XIII — начале XIX века журналистика развивалась преимущественно в формах так называемого «персонального журнализма», когда основатель и руководитель издания был главным, а порой и единственным автором (как И. А. Крылов в «Почте духов»)» [2, с. 37]. Однако возможность частного издания позволяла писателю-журналисту выступать оппонентом государственной печати, при помощи существовавшей на тот момент периодики и во второй половине XIX века. Так, например, Ф. М. Достоевский в 1861 году начинает издавать ежемесячный журнал «Время», основной идеей создания которого являлась «идея необходимости выработки в сознании общества новых начал государственного развития. Главный вопрос времени, писал Достоевский в программном объявлении о подписке на журнал, — это великий крестьянский вопрос, решение которого должно стать началом огромного мирного переворота, равносильного по своему значению всем важнейшим событиям нашей истории, в том числе и реформам Петра» [3, с. 220]. Писатель создаёт журнал с М. М. Достоевским на личные средства, не с целью заработка, а для возможности свободного выражения общественно-политических идей. Ф. М. Достоевский целое издание посвящает публицистике, так как именно она в информационном пространстве «рассматривает актуальные политические, экономические, литературные, философские и другие проблемы (с целью. — Н. К.) воздействовать на современное общественное мнение, нравы и существующие политические институты, укрепить или изменить их в соответствии с классовым интересом (в классовом обществе) или социальным и нравственным идеалом» [4, с. 313], что свойственно журналистской деятельности писателей.

Во второй половине XIX века ещё одним ярким представителем писательского журнализма стал М. Е. Салтыков-Щедрин, который являлся членом редакции таких известных изданий, как «Современник» и «Отечественные записки». Им также была предпринята неудачная попытка добиться разрешения на издание собственного журнала «Русская правда». М. Е. Салтыков-Щедрин публиковал фельетоны, вступал в полемику с другими изданиями, например, с вышеупомянутым журналом Ф. М. Достоевского. Возможность дискуссий, полемики, диалогов является отличительной чертой писательского журнализма XVIII–XIX веков, времени, когда

формировалась и развивалась аналитическая журналистика, основоположниками которой можно считать писателей-журналистов.

Начало XX века ознаменовалось свободой слова, связанной с политическими потрясениями внутри страны, а журналистика становится ареной политических дебатов: «...1909-1913 гг. были периодом цивилизованной гласности и расцвета российской прессы. В стране действовала Конституция, работал парламент, права цензуры ограничивались законом» [1, с. 30], оппозиционные партии легально издавали партийную прессу. Большевики печатали газеты «Звезда», «Рабочий», «Правда», кадетское издание «Речь», партия народных социалистов выпускает журнал «Русское богатство». В это время писатели присутствуют в качестве авторов в литературных отделах разных изданий (А. П. Чехов, А. М. Горький, В. В. Вересаев, И. А. Бунин печатали свои произведения в московской газете «Курьер», А. М. Горький, А. С. Серафимович, В. В. Вересаев публиковались в журнале «Новое слово», с журналом «Журнал для всех» сотрудничали А. А. Блок, К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, А. Белый, Л. Н. Андреев, А. И. Куприн, В. В. Вересаев, А. П. Чехов, А. М. Горький), издают журналы-манифесты в искусстве («Весь» В. Я. Брюсова) и работают в них (Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус в «Новом пути», Н. С. Гумилёв, А. А. Ахматова, О. Э. Мандельштам, С. М. Городецкий в «Аполлоне»), выпускают сатирические издания («Сигнал» К. И. Чуковского) и сотрудничают с ними (А. И. Куприн, И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт печатались в «Жупеле» З. И. Гржебина) или же, разделяя идейную направленность прессы, присоединяются к авторскому составу (с газетой «Русские ведомости» сотрудничал В. Г. Короленко, А. Н. Толстой, в деятельности газеты «Курьер» активно участвовали Л. Н. Андреев, А. С. Серафимович, идейным вдохновителем журнала «Русское богатство» являлся В. Г. Короленко). Роль писателя-журналиста уменьшается, он перестаёт быть владельцем, организатором общественно-политических изданий, но продолжает участвовать в информационном пространстве в качестве коммуниканта.

Всё в корне изменилось в 1917 году после государственного переворота. Установившаяся политическая власть закручивала гайки, «журналистика формировалась в условиях тоталитаризма, основанного на идеях о принципиальной одномерности политической, экономической, социальной и духовной жизни общества, что предполагало существование лишь двух цветов — «чёрного» и «белого», наличие идейного врага и непрременной веры в светлое «завтра» [1, с. 33]. В таких условиях публицистика не могла существовать открыто, а журналистика превратилась в глашатая правящей партии и перестала развиваться. В это время видными писателями-журналистами стали А. М. Горький, участвовавший в создании журналов «Колхозник», «За рубе-

жом», «СССР на стройке», А. С. Серафимович, печатавший очерки, посвящённые Гражданской войне в «Правде», В. П. Катаев, К. Г. Паустовский, С. Я. Маршак, М. Е. Кольцов, И. Ильф, Е. Петров печатались в сатирическом отделе «Гудка». Исключительным журналистским явлением этого времени стало формирование русской журналистики за рубежом, в становлении которой участвуют писатели-эмигранты. Так, например, А. Т. Аверченко выпускал собственное издание «Рождественский сатирикон» (Константинополь), И. А. Бунин сотрудничал с газетой «Последние новости» (Париж), К. Д. Бальмонт, М. И. Цветаева публиковались в еженедельном журнале «Воля России» (Прага).

События Великой Отечественной войны стали причиной временного ослабления тоталитаризма в области СМИ. В это время пресса была направлена на борьбу с врагом. Она содержала призывы на совершение военных подвигов, вселяла веру в победу, газеты и листовки подпольно выпускались на оккупированной территории с пропагандистским содержанием. Писатели стали первыми фронтовыми корреспондентами ещё в Первую мировую войну (В. Я. Брюсов, А. Н. Толстой). В годы Великой Отечественной войны многие писатели-журналисты являлись сотрудниками газеты «Красная звезда» (В. С. Гроссман, И. Г. Эренбург, К. М. Симонов). Их деятельность была направлена на освещение военных событий и отражения мощи Советской армии. Было создано большое количество публицистических работ: «Родина» А. Н. Толстого, «Размышления у Киева» Л. М. Леонова, «Украина в огне» А. П. Довженко, «Оправдание ненависти» И. Г. Эренбурга, «У берегов Румынии», «Осада Тернополя» К. М. Симонова и многие другие. Как подчеркивают современные исследователи, «публицистика стала основной формой творчества крупнейших мастеров художественного слова. Индивидуальное восприятие окружающей действительности, непосредственные впечатления сочетались в их творчестве с реальной жизнью, с глубиной переживаемых человеком событий» [5, с. 277]. Роль писателей-журналистов была велика, писательский талант убеждал читателей в скорой победе и призывал на защиту Родины.

В послевоенные годы, как известно, принципиально направленность развития советской журналистики не изменилась. Хотя и это время дало отечественным медиа несколько значимых имен писателей-журналистов: Л. М. Леонова, А. Т. Твардовского, М. А. Шолохова, В. И. Белова и др.

Принципиальные преобразования в отечественных СМИ произошли только в середине 1980-х годов, когда возникает политическая гласность, а 90-е годы заложили основу развития современной журналистики. Была отменена цензура, провозглашена свобода слова и рыночная экономика, а «публицистика второй половины 80-х — начала 90-х годов стала

самой читаемой, самой волнующей за все послевоенные десятилетия» [5, с. 353]. В её формировании участвовали такие писатели-журналисты, как В. Г. Распутин, Е. И. Носов, Е. А. Евтушенко.

Журналистика XXI века представляет собой движение к информационному пространству, где главным становится новость, информация, и не всегда достоверная, так как «глобализация процессов в массмедиа ведёт к росту потока субъективной информации, созданной в интересах отдельной личности или организации» [1, с. 51], появляются новые термины в науке, которые отражают современное состояние журналистики, такие как «медиареальность», «медиапространство», «медиажурналистика» и т. д. Именно в таких условиях особенно заметна роль писателей в журналистике.

Современное профессиональное медиапространство содержит в себе творчество как собственно журналистов (т. е. людей, получивших журналистское образование), так и специалистов разных областей знаний (экономики, политики, культуры и т. д.), выступающих в информационном пространстве СМИ в качестве коммуникантов. Ко второй группе относятся и писатели (Ю. М. Поляков, Е. Н. Прилепин, С. А. Шаргунов, Д. Л. Быков и др.).

В законе «О средствах массовой информации» говорится, что журналистом является «лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию» [6, с. 4]. Исходя из этого определения, можно считать, что писатель выступает в роли журналиста, являясь редактором, корреспондентом, ведущим, публицистом, однако он рассматривает и анализирует проблемы, волнующие именно его. Так, например, участвуя в программе «Прав?Да!» на телеканале «ОТР», писатель Захар Прилепин на вопрос о том, что служит информационным поводом для его публицистических работ, ответил: «Я же не журналист в прямом смысле этого слова, я не ищу информационный повод, информационный повод происходит в моей голове» [7]. В этой цитате достаточно ёмко отражено отличие писателя-журналиста от журналиста-профессионала, которое заключается в том, что работнику СМИ чаще всего необходим внешний информационный повод, вне зависимости от вида журналистики и жанров, в которых он работает.

Необходимо отметить и тот факт, что будучи редактором, корреспондентом, ведущим, писатель создаёт контент по основным законам журналистики, однако, несмотря на это, работа писателя всегда содержит модальность. Примером может служить авторская программа З. Прилепина «Соль», участие в программе «Процесс» С. Шаргунова в качестве

ведущего. Из чего следует, что писатель-журналист входит в информационное поле посредством СМИ для трансляции своих общественно-политических, литературных взглядов.

Развитие отечественной журналистики обусловлено определенными социокультурными факторами, в свою очередь, определяющими и профессиональную среду журналистики. Как уже можно было заметить, роль писательских кругов в этой области всегда была заметной и значимой. В XVIII и XIX веках писатели-журналисты занимали важное место в информационном пространстве своего времени по причине отсутствия учебных заведений, выпускающих специалистов в области журналистики, они стали и одними из первых отечественных журналистов, и первыми учителями в этой сфере. В XX и XXI веках мы уже не наблюдаем писательского «персонального журнализма», но это вовсе не значит, что авторы-писатели перестают участвовать в формировании медиареальности. Они являются публицистами, корреспондентами, издателями и формируют информационное пространство своей эпохи.

Проанализировав этапы развития отечественной журналистики, мы приходим к выводу о том, что писатель-журналист в каждом информационном пространстве, независимо от временных рамок, выступает коммуникантом (учредителем, издателем,

главным редактором, корреспондентом и т. д.), который при помощи СМИ формирует субъективное медиапространство, что обусловлено личностным подходом писателя-журналиста к действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворошилов В. В. Журналистика: учебник / В. В. Ворошилов. — 7-е изд., стер. — М. : КНОРУС, 2016. — 492 с.
2. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики : учебник для студентов вузов / Е. П. Прохоров. — 7-е изд., испр. и доп. — М. : Аспект Пресс, 2007. — 357 с.
3. Селезнев Ю. И. Достоевский / Ю. И. Селезнев. — М. : Мол. гвардия, 1981. — 543 с.
4. Литературный энциклопедический словарь / [под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева]. — М., 1987. — 752 с.
5. Ахмадулин Е. В. История отечественной журналистики XX века : учебник для академического бакалавриата / Е. В. Ахмадулин, Р. П. Овсянян. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2016. — 423 с.
6. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации». — М. : Проспект, 2017. — 56 с.
7. Телеканал ОТР. Прав?Да!. Захар Прилепин : Почему я не либерал. — URL: <https://otr-online.ru/programmi/prav-da-1240/zahar-prilepin-pochemu-ya-ne-liberal-11270.html> (дата обращения: 19.04.2017).

*Московский государственный институт культуры
Крылова Н. В., аспирант
E-mail: natakrilova10@mail.ru*

*Moscow State Institute of Culture
Krylova N. V., Postgraduate Student
E-mail: natakrilova10@mail.ru*

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ЯЗЫКЕ СМИ

М. А. Марзан

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Поступила в редакцию 27 января 2017 г.

Аннотация: в данной статье рассматриваются проявления речевой агрессии в СМИ. Представлены результаты исследования газетных медиатекстов. Отмечается влияние агрессии в языке СМИ на психическое состояние общества.

Ключевые слова: речевая агрессия, средства массовой информации, инвективная лексика.

Abstract: in the article it is considered manifestations of the verbal aggression in the media. The results of the research of newspaper media texts are presented. It is noted the influence of aggression in the media on the mental state of society.

Keywords: the verbal aggression, mass media, the invective vocabulary.

Современные СМИ, став частью интернет-рынка, освоили разговорный стиль. Для него характерны не только наблюдаемая в социальных сетях бытовая лексика, но и инвективная. Под инвективной (оскорбительной) лексикой нами понимаются литературные и внелитературные слова и выражения, употребление которых нарушает нормы общественной морали и указывает на существование словесной агрессии. Очень часто журналисты прибегают к таким инвективам, пренебрегая одной из норм «Кодекса профессиональной этики российского журналиста»: «Журналист обязан, безусловно, избегать употребления оскорбительных выражений, могущих нанести вред моральному и физическому здоровью людей» [1, с. 211–214].

«Никакая общественная значимость темы, никакая информационная война не оправдывает того, что в профессионально выполненном журналистском формате в сочетании с тонкой иронией используется стиль изъяснения интернет-анонимов со злобными комментариями» [2]. Если инвективы в Интернете (не учитывая контент онлайн-СМИ) — это дискурсивная норма, обеспечивающая узнаваемость виртуальной коммуникации, то конфликтогенные языковые средства в медиадискурсе служат поводом для конфликта с оппонентом (для массовой коммуникации это идеологический, а не личностный конфликт) [3, с. 225], унижают, оскорбляют оппонента, усиливают свое разрушительное воздействие на его психику, наносят вред информационной безопасности личности. И это проявление речевой агрессии адресанта по отношению к адресату в дискурсе СМИ.

Но перед исследователями массовой коммуникации встает проблема эмпирической доказательности речевой агрессии. Это субъективный фактор,

так как одни считают, что агрессивный языковой регистр в СМИ есть, а другие рассматривают подобные элементы речи в качестве лексических приемов повышения экспрессивности текста, языковой игры для привлечения внимания аудитории. Для нас принципиально важным является определение речевой агрессии как «любые тексты, в которые включены вербальные сигналы негативной оценочности, или слова, в самой семе которых заключены негативные смыслы» [4, с. 226]. Так, например, особенно ярко речевая агрессия проявляется в лексемах с семой «нападение, борьба, убийство, смерть». «Полистилевой корпус текстов современного русского языка» [5] подтверждает, что слова борьба и смерть входят в первые пятьсот самых частотных слов русского языка, а убийство — в первые две тысячи. В то время как частота подачи массовой информации не только способствует ее усвоению и закреплению в сознании аудитории, но и увеличивает ее суггестивность [6, с. 58].

Нами проведен мониторинг периодических изданий (печатная версия и онлайн-формат), так как именно на прессе лежит основная смысловая нагрузка. Для большей доказательности в качестве объектов исследования выбраны медиатексты (с лингвистической точки зрения рассматриваемые как последовательность вербальных (словесных) знаков [7]), имеющие репутацию не только массовых и даже «желтых» газет и стремящиеся в языковом плане быть доступными каждому: «Экспресс-газета Online» и «Жизнь», но и материалы качественных проправительственных изданий: «Российская газета» и «Коммерсантъ». Временной период со стилем языка не связан и поэтому определен случайной выборкой.

В методике анализа текстов нами была использована лингвистическая диагностика речевой агрессии на уровне классификации вербальной инвекти-

вы как средства выражения негативно оценочных лексем. Так, инвективную лексику типологизируют на две группы: литературная (вполне соответствует литературным нормам) и внелитературная (жаргонная лексика, просторечия, диалектные слова, обценная лексика или мат) [8]. Более того, внутри литературной инвективной лексики выделяют восемь разрядов слов и выражений: 1) обозначают деятельность антисоциального характера; 2) имеют ярко выраженную негативную окраску; 3) называют профессии, которые в переносном значении приобретают негативную оценку; 4) отсылают к названиям животных; 5) глаголы с «осуждающим» значением; 6) содержат негативную и экспрессивную оценку чьей-либо личности; 7) эвфемизмы для слов 1-го разряда, сохраняющие их негативный характер; 8) построены на игре слов, каламбурах, чтобы оскорбить адресата [9, с. 99].

Обнаруженные нами проявления инвективности в газетных медиатекстах были соотнесены с обозначенными выше категориями подобной лексики и позволяют судить о степени речевой агрессии в языке СМИ.

Начнем с материалов сетевого издания «Экспресс-газета Online» [10]. В рубрике «Общество», в подрубрике «Человек и закон» с 3 по 16 октября 2016 года опубликовано 48 новостей, 30 (что составляет 62,5 %) из которых содержат примеры инвективной лексики: «маньяк» (2-ой разряд); «ментовские войны» (криминальный сленг [11], 1-ый разряд); «крышевали» (криминальный сленг); «общак» (уголовный жаргон [12]); «бандиты» (2-ой разряд); «разборка» (уголовный жаргон); «вор в законе» (уголовный жаргон); «авторитет» (уголовный жаргон); «по кличке Итальянец» (воровской жаргон); «забрал на карман» (воровской жаргон); «у Захарченко была хорошая крыша» (криминальный сленг), «скрутили» (жаргон); «разбушевавшийся отморозок» (криминальный жаргон); «избил, угнал, ограбил, изнасиловал» (5-ый разряд); «наследил» (криминальный жаргон); «Лолиты» из Коми (7-ой разряд); «задушил» (5-ый разряд); «надругался, убил» (5-ый разряд); «мажор» (молодежный сленг); «гелик» (молодежный сленг); «родичи» (молодежный сленг); «насильник-велосипедист» (2-ой разряд) и т. д.

Рассмотрим электронную версию газеты «Жизнь» [13], позиционирующую себя как «Газета для семейного чтения». В рубрике «Криминал» с 18 августа по 21 октября 2016 года размещено 10 публикаций, каждая из которых содержательно напоминает сцены из фильмов ужасов и страшные истории. К примеру, в материале от 18 августа 2016 года «Людоеды с соседнего двора...» (2-ой разряд) можно отметить такие лексемы: «Очень агрессивный хозяин. Они были пьющие...» (6-ой разряд); «-А тело где? — спросил следователь. — Собакам скормили...»

(5-ый разряд); «Пьяный Роман бил малышку, пока она не перестала дышать, и даже тогда он не оставался... Наконец, осознав, что натворил, он унес ее тельце в сарай, расчленил и начал сжигать в мангале» (5-ый разряд); «Когда жители узнали, что сотворили Черниковы, сотни разъяренных мужчин окружили дом извергов, и только полиция спасла супругов от самосуда» (2-ой разряд) и т. д. Или другой текст — «Папки счастья» от банды Шахро Молодого» (8 сентября 2016 года). В нем тоже много описательных моментов: «В этих материалах были все подробности жизни «мишени» банды Шахро. И жертва это понимала...» (2-ой разряд); «...первый этап плана Шахро — запугивание без явных угроз. Второй этап воздействия на бизнесменов... Бек приходил... и требовал отстегивать ему приличные суммы в обмен на безопасность семьи жертвы... Если предприниматель проявлял непокорность... приезжали крепкие ребята из охранных фирм или спортивных сообществ, подконтрольных людям Шахро, которые силой или словесными угрозами заставляли платить» (5-ый, 1-ый и 2-ой разряды).

Подведем предварительные итоги: в публикациях таких массовых изданий, как «Экспресс-газета Online» и «Жизнь», проявляется не только литературная инвективная лексика (в основном, 1-ый, 2-ой, 5-ый, 6-ой, 7-ой разряды), но и внелитературная (уголовный и воровской жаргон, криминальный и молодежный сленг). Широкое употребление второго вида инвективы («Экспресс-газета Online») и интерес к интимным отношениям, личной жизни людей, страшилкам, теме смерти (газета «Жизнь») — все это можно рассматривать как явные признаки желтизны издания.

Обратимся к материалам общенациональной общественно-политической газеты «Российская газета». Нами рассмотрен ее печатный выпуск № 50 от 24 декабря 2015 года — 13 января 2016 года. В рубрике «Реалии» опубликован материал «Воруют. В Ростове новогодние елки оплели колючей проволокой» (5-ый разряд) (причем глагол *Воруют* выделен жирным шрифтом и отделен от второй части заголовка). В тексте использованы негативно оценочные лексемы: к примеру, «Может, кое-кто ностальгирует по Магадану?» (7-ой разряд); «вандалы» (2-ой разряд). В рубрике «Мнение», в подрубрике «Психоанализ», в материале «Замуж за террориста» (2-ой разряд) употреблены агрессивные лексемы: «хозяин и тиран» (2-ой разряд); «убивать» (5-ый разряд); «завербованных в ИГ» (1-ый разряд); «экстремисты» (2-ой разряд); «секта» (1-ый разряд); «женское рабство» (1-ый разряд); «агрессивное отрицание» (1-ый разряд); «если отступишь от нормы, будешь жестоко наказана» (1-ый разряд); «боевики» (2-ой разряд); «агрессивные психологические культы» (1-ый разряд); «женщин можно использовать и затем продать» (5-ый разряд); «бордель» (1-ый

разряд). В рубрике «Право», в подразбрике «Особый случай», в материале «Беспамятство сновидений»: «отец-наильник» (2-ой разряд); «законченная наркоманка» (2-ой разряд); «шизофреник» (6-ой разряд); «сексуальные преступления» (1-ый разряд); «сидит на нарах» (воровской жаргон). В рубрике «Резонанс», в материале «Вдохнул газа...и убил» можно отметить лексемы: «убийство» (1-ый разряд); «расправился» (5-ый разряд) и т. д.

Кроме того, в электронной версии «Российской газеты» [14], в рубрике «Происшествия» с 10 по 16 октября 2016 года опубликовано 425 новостей, 147 (что составляет 34,6 %) из которых содержат инвективную литературную лексику: «был зарезан» (5-ый разряд); «ударил» (5-ый разряд); «террорист-смертник» (2-ой разряд); «бандгруппа» (2-ой разряд); «издевательства» (1-ый разряд); «проломил череп» (5-ый разряд); «насилие» (1-ый разряд); «подстрелили» (5-ый разряд); «дебоширы» (2-ой разряд); «поножовщина» (1-ый разряд); «аферистка» (2-ой разряд); «маньяк-педофил» (2-ой разряд); «расчленил» (5-ый разряд); «задушил» (5-ый разряд) и т. д.

В электронной версии российской общественно-политической газеты «Коммерсантъ» [15], в рубрике «Страна», в подразбрике «Происшествия» с 3 по 16 октября 2016 года опубликовано 70 новостей, в 53 (75,7 %) из которых включены следующие примеры инвективы: «отмывание» (1-ый разряд); «заказать убийство» (5-ый и 1-ый разряды); «угрожая травматическим пистолетом» (5-ый разряд); «схватили, насильно посадили» (5-ый разряд); «попытки подследственных» (1-ый разряд); «полицейские избили и угрожали сексуальным насилием троим потерпевшим, заставляя их признаться в убийстве, которого те не совершали» (5-ый и 1-ый разряды); «задушил» (5-ый разряд); «дебошир» (2-ой разряд); «террористка» (2-ой разряд); «разбой» (1-ый разряд); «расстреляли» (5-ый разряд); «боевики» (2-ой разряд); «бандитизм» (1-ый разряд); «геноцид» (1-ый разряд); «экстремистское бандподполье» (1-ый разряд); «отомстили» (5-ый разряд); «браконьеры» (2-ой разряд) и т. д.

Сравнение материалов «Экспресс-газеты Online» и «Жизни» с материалами «Российской газеты» и «Коммерсанта» на уровне лексем обнаружило речевую агрессию в языке и тех, и других изданий. Однако на примере текстов «Экспресс-газеты Online» и «Жизни» (имеющие репутацию массовых и «желтых» газет) было доказано, что в них используется весь спектр инвективных единиц, включая жаргонную лексику, детальное описание «ужасных историй» [16, с. 238–241] и проявляется интерес к интимным отношениям, личной жизни людей, теме смерти.

В тексты «Российской газеты» и «Коммерсанта» (имеющие репутацию качественных проправительственных изданий) также включены инвективы. Но

они являются примерами только инвективной литературной лексики, что указывает на меньшее проявление агрессивного компонента, чем в «Экспресс-газете Online» и «Жизни». И это несмотря на то, что в «Коммерсанте» было обнаружено высокочастотное употребление таких слов и словосочетаний (75,7 %).

Таким образом, инвективность и негативная коннотация в СМИ тотальны; различаются диапазон включенности и уровень концентрации подобной лексики. На наш взгляд, использование вербальных сигналов и смыслов речевой агрессии в медиатекстах свидетельствует об установке журналиста на конфликт и оказывает «негативизирующее речевое воздействие на адресата» [17, с. 4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Профессиональная этика журналистов. Документы и справочные материалы / [сост. Ю. М. Казаков]. – Т. 1. — М., 2004. — 480 с.
2. Жалоба на дискриминацию ЛГБТ-граждан на телеканале «Санкт-Петербург» // Общественная коллегия по жалобам на прессу. — М., 2005 — 2017. — URL: <http://www.presscouncil.ru/index.php/praktika/rassmotrennyezhaloby/4584-zhaloba-na-diskriminatsiyu-lgbt-grazhdan-na-telekanale-sankt-peterburg?showall=&start=4> (дата обращения: 02.12.2016).
3. Клушина Н. И. Речевая агрессия в СМИ: зоны проявления и попытки рефреймирования / Н. И. Клушина // Этика речевого поведения журналиста: коллективная монография. — СПб.: Астерион, 2009. — 270 с.
4. Кукушкина О. В. Полистилевой корпус текстов современного русского языка: задачи, принципы, первичный анализ / О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов, Е. Ф. Пирятинская. — 2006. — URL: <http://www.philol.msu.ru/~humlang/articles/polystylcorp.html> (дата обращения: 02.12.2016).
5. Никопорев-Такигава Г. Ю. Агрессия в языке СМИ — опыт статистического анализа / Г. Ю. Никопорев-Такигава // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / [отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов]. — М.: МАКС Пресс, 2006. — Вып. 33. — 128 с.
6. Текст как объект лингвистического анализа. — URL: <http://vtv.ucoz.org/load/1-1-0-18> (дата обращения: 02.12.2016).
7. Типология оскорбительной (инвективной) лексики. — URL: http://studopedia.ru/2_42805_tipologiya-oskorbitelnoy-invektivnoy-leksiki.html (дата обращения: 02.12.2016).
8. Шевчук Д. А. Экономическая журналистика / Д. А. Шевчук. — М., 2008. — 309 с.
9. Экспресс-газета Online. 2012. Человек и закон. — URL: <http://www.eg.ru/daily/crime/> (дата обращения: 02.12.2016).
10. Словарь криминального сленга. — URL: <http://criminallaw.uf.nstu.ru/wp-content/uploads/2013/05/slovar.pdf> (дата обращения: 02.12.2016).

11. Краткий словарь блатного жаргона криминального мира. — URL: <http://www.trend.az/life/socium/1594967.html> (дата обращения: 02.12.2016).
12. Жизнь. 2006. Криминал. — URL: <http://zhizn.ru/categories/12> (дата обращения: 02.12.2016).
13. Российская газета. 2012. Происшествия. — URL: <https://rg.ru/tema/bezopasnost/> (дата обращения: 02.12.2016).
14. Коммерсантъ. 1991. Происшествия. — URL: <http://www.kommersant.ru/rubric/6> (дата обращения: 02.12.2016).
15. Брайант Дж. Основы воздействия СМИ / Дж. Брайант, С. Томпсон. — М., СПб., К.: Вильяме, 2004. — 432 с.
16. Воронцова Т. А. Речевая агрессия : коммуникативно-дискурсивный подход : автореф. дисс. ...докт. фил. наук / Т. А. Воронцова. — Челябинск, 2006. — 43 с.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Марзан М. А., аспирант кафедры журналистики
E-mail: Mariya1030@mail.ru*

*Kazan Federal University
Marzan M. A., Postgraduate Student of the Journalism
Department
E-mail: Mariya1030@mail.ru*

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНФОРМАЦИОННОЙ БОРЬБЫ НЕПРИЗНАННОЙ ИЧКЕРИИ С РОССИЕЙ В 1990-Е ГОДЫ

О.В. Мухин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье анализируется стратегия, приемы и способы ведения информационной войны с Россией непризнанной Ичкерии

Ключевые слова: информационная война, военная пропаганда, психологическая война

Abstract: the article covers the use of the strategy, tools and techniques of information warfare between Ichkeria and Russia in the 1990-es

Keywords: information warfare, military propaganda, psychological warfare

Миф о поражении России в первой чеченской войне 1994-1996 годов к настоящему времени можно считать развеянным историками, журналистами и военными. Однако во время войны командованию непризнанной Ичкерии при содействии российских политиков и бизнесменов удалось успешно сформировать миф о небоеспособности российских войск и навязать пораженческие настроения среди населения, а также создать у мирового сообщества мнение о России как об агрессоре. В результате информационного поражения Россия потерпела поражение политическое и не смогла закрепить военные успехи. Таким образом, развернувшаяся с 1994 года в первую очередь в СМИ психологическая кампания является практически идеальным примером информационного нивелирования реальных достижений во время боевых действий.

Информационные успехи боевиков можно объяснить целым рядом факторов. Среди важнейших — своевременность появления на чеченской политической сцене талантливого идеологического бойца Мовлади Удугова; одобрение Джохаром Дудаевым тезисов Удугова об особой роли в войне газет, радио и телевидения как боевых инструментов; грамотная реализация этих тезисов, в том числе через подкуп журналистов; финансовая и идеологическая поддержка боевиков со стороны ряда российских и зарубежных политиков и бизнесменов, в том числе через СМИ; отсутствие государственной информационной политики и боязнь журналистов у российских генералов.

Остановимся чуть подробнее на роли СМИ в этой идеологической борьбе. Как и при любом военном конфликте, важнейшую роль играла оценочная терминология [1,2]. До начала активной фазы первой чеченской войны (в декабре 1994 года) в отно-

шении чеченских противников России употребляется термин «сепаратисты». Во время выдвижения войск к Грозному и во время его новогоднего штурма этот термин постепенно вытесняется понятием «боевики». Примечательно, что оно употреблялось в текстах СМИ и раньше, еще с 1992 года. Но тогда термин «боевики» относился только к части вооруженной чеченской оппозиции. Речь шла либо об откровенно «бандитской» части оппозиции, либо о той, которая участвовала в войне в Абхазии в 1992-1993 годах (в том числе о добровольческом отряде под руководством Шамиля Басаева). К примеру, «Коммерсантъ-Daily» пишет в 1992 году: «Министр обороны Грузии Тенгиз Китовани, руководивший грузинской делегацией, потребовал четкого выполнения московских и других соглашений, для чего необходимо, чтобы территорию Грузии покинули боевики Конфедерации горских народов Кавказа, а абхазская гвардия была распущена».

Своему идеологическому бенефису Мовлади Удугов во много обязан российским СМИ, в частности, радио «Свобода» и «Эху Москвы». Он продолжался не только во время первой чеченской войны, но и в межвоенное время. При этом Удугов необязательно мог сам появляться в эфире — его позицию (то есть в то время — позицию Дудаева или Масхадова) — мог выражать российский политик. К примеру, «Эхо Москвы» в 1997 году сделала серию интервью с членами Совета безопасности России. Наиболее показательны интервью 14 мая 1997 года секретаря Совбеза Ивана Рыбкина. Он в интервью радиостанции фактически выгораживает чеченских политических лидеров: «Знаю массу обвинений в адрес Аслана Масхадова и по поводу, а больше без повода. Много надуманного, наносного в оценке его позиции. Сегодня в договоре четко сказано — подведена черта, поставлена точка в противостоянии». И далее вопрос о заключении договора с Чечней: «Вы не

бойтесь того, что заключение договора между Чеченской республикой и Россией вызовет желание соседей Чеченской республики, в первую очередь Дагестана, заключить подобный договор?» — «Я вообще считал и считаю, я просто в этом убежден, что народам в составе РФ надо давать больше воли, ровно столько воли, сколько они сумеют реализовать. И в области экономики, и в социальной сфере, во многих...» Именно такое попустительство сначала привело к возникновению чеченского бандитского квазигосударства, а потом — к созданию джамата «Исламское сообщество Дагестана». А уже с него начались попытки распространения идей ваххабизма сначала в Кадарской зоне, а потом и по всей территории Северного Кавказа.

Сам термин «ваххабизм» начинает упоминаться в российских СМИ только в январе-феврале 1998 года. Фактически понятие «ваххабит» до сих пор в российских СМИ носит собирательный характер. Оно обозначает скорее непримиримых фундаменталистов, которые используют силовые методы, а вовсе не сторонников «чистой веры», которые принадлежат к ханбалитскому мазхабу. Но еще в 1998 году понятие «ваххабит» вполне могло употребляться в нейтральном смысле.

Например, «Коммерсантъ» пишет с отсылкой на того же Удугова: «Он прибыл в Гунибский район Дагестана, чтобы выразить соболезнования семье скончавшегося Ахмеда Ахтаева, в последние годы возглавлявшего один из центров умеренного ваххабизма в республике». Сейчас словосочетание «умеренный ваххабизм» в СМИ невозможно, а тогда журналисты только присматривались к новой идеологической парадигме в республике — они не знали, какую характеристику ей давать. Однако уже после штурма Карамахи и Чабанмахи и во время вторжения чеченских боевиков в Дагестан не осталось никаких сомнений, что «ваххабизм» — это плохо. «Коммерсантъ» пишет в августе 1999 года, в разгар боев в Дагестане: «Отношение к религиозным экстремистам самое негативное. Ваххабизм чужд и непонятен подавляющему большинству дагестанцев». В дальнейшем эта мысль только укрепляется в СМИ.

Причин такого перелома в позиции российских СМИ несколько. Во-первых, конечно, ваххабизм не был единственной идеологией среди боевиков. По «политической» линии его продвигал достаточно слабый Зелимхан Яндарбиев, которого осуждал даже Масхадов. Успех ваххабитов был обусловлен больше влиянием полевых командиров — Хаттаба и Басаева, а также их поддержкой со стороны Пакистана, Саудовской Аравии и отчасти Турции. И российские СМИ постепенно уходят от практики «закрывания глаз» на такие зарубежные связи и их результаты, в том числе в виде терактов. Другая причина — это критические ошибки в подаче новой войны со стороны

Ичкерии, в том числе и со стороны Удугова.

Такие ошибки становятся все более явными. Отсутствовала адекватная идеологическая подготовка при вторжении в Ботлихский район Дагестана — попытки внедрения ставших популярными в Чечне идей ваххабизма были обречены на провал. В дагестанском оплоте ваххабизма — Кадарской зоне жесткие действия боевиков-ваххабитов подкреплялись семейными связями (к примеру, женой Хаттаба на даргинке из Карамахи), а затем — развитием экономики (в первую очередь теневых грузоперевозок) и попустительством со стороны Москвы (визит Сергея Степашина в захваченные Карамахи и Чабанмахи), широко освещавшимся в СМИ. В то же время жители Ботлихского района ранее воспринимали чеченцев лишь в качестве беженцев, а бандитское поведение боевиков-ваххабитов вместе с нарушением адатов вылилось в создание дагестанцами народного ополчения. В то же время неваххабитская часть боевиков лишается идеологической поддержки со стороны СМИ — ваххабиты перетянули внимание еще с момента отрезания голов британским инженером в декабре 1998 года. Отчасти причиной этого стала слабость Масхадова: он делал попытки осуждать действия конкурентов, но не смог создать правильный информационный фон. В результате с идеологической арены боевики-сторонники классического ислама были вытеснены.

Этот факт, а также идеологические просчеты самих ваххабитов позволили федеральным силам переломить информационную ситуацию в свою пользу и начать формирование в СМИ необходимой картины происходящего. Слово «боевики» с 1999 года в сообщениях российских СМИ употребляется примерно одинаковое количество раз со словами «бандиты» и «террористы». Например, «Коммерсантъ» пишет в июле 2000 года: «Бойцы федеральной группировки начали зачистку обширного горного района Чечни, где всю неделю шли бои с большим отрядом известного террориста Хаттаба. Главным разочарованием стало отсутствие среди убитых известного бандита Арби Бараева и самого Хаттаба».

Таким образом, в первую войну при фактическом отсутствии государственной информационной политики сравнительно небольшим группировкам удалось легко доминировать в информационном пространстве, в том числе — в пространстве страны-противника. И в том случае, если такая политика не формируется, в конфликте с подобными группировками государство обречено на поражение даже при военных успехах. Но опыт Чечни показывает, что даже при упущенном времени создание грамотного информационного поля хотя бы во время военного конфликта значительно способствует всесторонней победе в нем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сапунов В.И. Мировые информационные агентства: системное воздействие на аудиторию / В.И. Сапунов. — Издательского Воронежского государственного

университета, 2007. — 240 с.

2. Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. — М.: «Эксмо», 2015. — 320 с.

*Воронежский государственный университет
Мухин О.В., аспирант*

*Voronezh State University
Mukhin O.V., Postgraduate Student*

ВОЙНА ВО ВЬЕТНАМЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Нгуен Минь Туан

Воронежский государственный университет

Поступила в печать 19 апреля 2017 г.

Аннотация: статья посвящена одной из актуальных проблем теории и практики публицистики — формированию общественного мнения в СМИ, организации диалога в прессе на примере событий, связанных с гражданской войной во Вьетнаме в 1954–1975 гг. Национально-освободительное движение, переросшее в гражданскую войну, позволяет увидеть, каковы реальные возможности СМИ воюющих стран в создании общественного мнения, повлиявшего на прекращение боевых действий во Вьетнаме.

Ключевые слова: Вьетнам, война, диалог, общественное мнение, демократия, военный конфликт, кровопролитные сражения, конгресс США.

Abstract: the article is devoted to one of the actual problems of theory and practice of journalism is to shape public opinion in the media, the dialogue in the press for example, events related to the civil war in Vietnam 1954-1975 years. National liberation movement grew into a civil war, lets see what are the real possibilities of the warring countries in the establishment MEDIA public opinion, impact on cessation of hostilities in Vietnam.

Keywords: Viet Nam, war, dialogue, public opinion, democracy, war, bloody battles, the Congress of the United States.

Общеизвестно: важнейшая функция СМИ — формировать, формулировать и выражать общественное мнение.

СМИ не просто представляют аудитории определенную информацию о том, что происходит в мире. Важнейшая задача прессы: информировать, просвещать. Просвещение аудитории предполагает организацию диалогов с ней. В ходе диалога аудитория вырабатывает свое отношение к тому, что происходит в мире.

Этот диалог возникает не только как прямое публичное обсуждение события или проблемы. Он представляет собой тот процесс самостоятельного осмысления происходящего, который возникает у аудитории, вовлеченный в поиск ответов на вопросы, возникающий в ходе постижения реальности.

Поскольку диалог — это всегда равноправие сторон, проблема манипуляции в данном случае отменяется: точка зрения автора аудитории не называется. Она формируется потребителем в ходе самостоятельной переработки информации, поступающей по каналам СМИ. Как бы субъективно не выглядела данная информация, у аудитории всегда есть возможность оценить ее со своих позиций. Именно таким образом формируется общественное мнение.

Общественное мнение — совокупный результат взглядов на происходящее, рожденной в процессе обработки информации конкретной аудитории.

Своеобразие информационной ситуации, возникающей в результате освещения события вьетнамской войны, заключается в том, что хотя эта война мировым сообществом воспринималась негативно, многие СМИ (прежде всего в американских) рассматривали эту войну как защиту традиционных демократических ценностей перед лицом угрозы со стороны коммунистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом.

В этой связи показатели характера трансляции информации о событиях во Вьетнаме, который можно поделить на три группы:

— первая группа: население Вьетнама, непосредственно причастное к боевым действиям. Информационная задача — демонстрация силы, нагнетание страха, формирование чувства покорности перед неизбежными страданиями;

— вторая группа — аудитория, рассчитанная на страну участников события, т. е. на граждан США. Информационная задача — успокоить аудиторию сообщениями о победоносном характере боевых действий, о неизбежных потерях, об очевидном военном преимуществе армии США и скорым окончанием войны;

— третья группа — аудитория единомышленников из стран остального мира. Информационная задача — вызывать сочувствие и интерес к происходящему (защита демократии, борьба с потенциальным агрессором), призыв к отражению врага, указания на потенциальную опасность со стороны чуждого демократии мира, разоблачения в регдебной идеологии.

Анализируя ход вьетнамской войны, исследователи выделяют четыре этапа уровня интереса к этой войне.

Первый этап — необъявленная война (1957–1964 гг.).

В этот период общественный интерес к событиям во Вьетнаме был у СМИ невысок: американское общество мало интересовалось тем, как разворачиваются события на полуострове. Даже высадка 400 военных специалистов в 1961 году не произвела большого впечатления.

11 мая 1961 года газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала «меморандум национальной безопасности» № 52, который определял основные цели и задачи политики, проводимые США. Этот документ был одобрен Джоном Кеннеди, который незадолго до этой публикации был избран президентом США. В этом документе говорилось, что Соединённые Штаты должны противостоять «коммунистическому доминированию в Южном Вьетнаме».

Присутствие американских военных советников, видимо, должно было способствовать реализации поставленной задачи.

Конфликт во Вьетнаме рассматривался как справедливая борьба за тожество демократии.

Небольшие потери (11 убитых и 28 раненых) рассматривались как частные неудачи.

Второй этап (1964–1968 гг.) принципиально меняет отношение СМИ к тому, что происходит во Вьетнаме.

Теперь война во Вьетнаме приобретает все признаки кровопролитных сражений, в которые втянуты и американские военнослужащие. Термин «военные катастрофы» не сходит со страниц американских СМИ.

Один из ключевых моментов этого периода — столкновение точеных катеров северного Вьетнама с эсминцами США в Токинском заливе.

Войска США все очевиднее втягиваются в военные действия. Пресса США все активнее выступает с критикой политики Линдона Джонсона, нового президента США.

19 июля 1965 года «Life» публикует статью, в которой говорится: «пятимесячная бомбежка северного Вьетнама никак не повлияла на волю Ханоя и продолжению сопротивления. Армия южного Вьетнама имеет слишком мало резервистов и слишком много дезертиров».

Американские газеты все активнее публикуют материалы, критикующие войну во Вьетнаме.

Третий этап (1969–1973 гг.) характерен тем, что пресса США в этот период все активнее обсуждает проблемы возвращения американских солдат на родину, признавая тем самым провал политики устрашения северного Вьетнама. Газеты активно призывают нового президента США Ричарда Ник-

сона к выводу американских войск из Вьетнама. Один из самых популярных тезисов этого периода: во Вьетнаме идёт гражданская война и ход этой войны зависит только от самих вьетнамцев. Популярно становится доктрина «вьетнамизации конфликтов».

Четвертый этап (1973–1989 гг.) — рост антивоенных настроений в США, извлечение уроков боев, обсуждение путей выхода из войны.

Многолетняя война расшатала общество, пресса все активнее обсуждает вопрос «кто виноват?».

Безусловный положительный результат многолетней войны — активизация общественного мнения. Пользуясь отсутствием военной цензуры, пресса США активно обсуждает острые проблемы позорной войны — раскол общества, рост наркомании внутри страны и другие актуальные проблемы.

Можно, безусловно, отметить в качестве положительного фактора позорной войны — медиатизацию американского общества. Пресса США включает электронные СМИ, это сыграло огромную роль в обнажении негативов внутри американского общества.

В основе демократизации любого общества лежит безусловная верность принципам свободы слова.

Знаменитая первая поправка к Конституции США гласит: «Конгресс не должен принимать законы ... ущемляющие свободу слова или печати».

Формулировка эта выглядит идеально. Однако реальная практика допускает некоторые дополнения в толковании этой поправки при ее использовании в целом ряде случаев. Как замечает С. Г. Корконосенко, «опыт освоения первой поправки длился в течение двух веков, проходя этапы таких существенных вопросов, как взаимоотношения свободы слова с клеветой, особыми обстоятельствами военного времени, репутацией общественных деятелей и др. Процесс этот не завершился и в настоящее время».

События вьетнамской войны подтверждают справедливость этого высказывания. Коммуникативная свобода, как правило, на высказывание выглядела на практике противоборствующих сторон достаточно противоречиво: американские СМИ, не ограниченные цензурой, достаточно резко оценивали события на театре военных действий и политику собственного военного командования, но при этом не уделяли большого места описаниям трагедии людей, живущих вблизи войны.

В свою очередь советская пресса, рассказывая о боевых действиях во Вьетнаме, обходила стороной участие советских военных специалистов в этой войне.

Формирование общественного мнения невозможно без опоры на свободу слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. National Security Action Memorandum 52. — URL: <http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/pentagon2/doc99.htm> (дата обращения: 10.02.2017).

2. 11 Yanks killed in Vietnam War // The Milwaukee Journal. 1962. 30 Aug. P. 8.

3. The changed war in Vietnam // Life. 1965. 9 Jul. P. 4.

4. President Nixon's Speech on "Vietnamization," November 3, 1969. — URL: <https://www.mtholyoke.edu/acad/>

[intrel/vietnam.htm](http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/vietnam.htm) (дата обращения: 10.02.2017).

5. Конституция Соединённых Штатов Америки. — URL: <http://studentforever2007.narod.ru/constusa.html> (дата обращения: 10.02.2017).

6. Корконосенко С. Г. Идеалы и реалии коммуникационной свободы в политическом измерении / С. Г. Корконосенко // Современные проблемы журналистской науки. — М., 2010. — С. 23.

*Воронежский государственный университет
Нгуен Минь Туан, аспирант факультета журналистики
E-mail: minhtuannguyen86@gmail.com*

*Voronezh State University
Nguyen Minh Tuan, Postgraduate Student of the Journalism
Department
E-mail: minhtuannguyen86@gmail.com*

ИЗ ОПЫТА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ОПИСАНИЯ ПОЛЕЗНОЙ МОДЕЛИ

М. Е. Новичихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 апреля 2017 г.

Аннотация: работа посвящена проблеме лингвистической экспертизы полезной модели и определению места такой экспертизы в системе лингвистической экспертизы. На конкретных примерах демонстрируются особенности экспертизы полезной модели, отличающие ее от других видов лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, полезная модель, формула полезной модели, существенный признак.

Abstract: the work is devoted to the problem of useful model's linguistic expert examination and the finding of position of this expert examination in the system of linguistic expert examination. Concrete examples demonstrate special aspects of useful model's expert examination, which make them different from other types of linguistic expert examination.

Keywords: linguistic expert examination, useful model, formula of useful model, critical limitation.

В последние десятилетия все более востребованным оказывается проведение так называемой лингвистической экспертизы.

На практике встречаются самые разнообразные виды лингвистической экспертизы: автороведческая экспертиза (или экспертиза по установлению авторства текста), экспертиза рекламного текста на предмет нарушения Закона о рекламе, экспертиза текста СМИ на предмет нарушения чести и достоинства, экспертизы аудиозаписей, экспертиза товарного знака и т. п.

Одним из видов лингвистической экспертизы является экспертиза описания полезной модели. Основным объектом исследования в такой экспертизе — так называемая полезная модель.

Действующее законодательство определяет полезную модель как техническое решение, относящееся к устройству (см. ст.1351 ГК РФ [5]).

Согласно Гражданскому кодексу РФ полезная модель является одним из видов интеллектуальной собственности — результатом интеллектуальной деятельности, охраняемым законом.

Именно поэтому не допускается регистрация полезной модели, сходной с уже запатентованными ранее полезными моделями (см. подробнее [10]).

Охрана интеллектуальных прав на полезную модель предоставляется на основании патента в объеме, определяемом содержащимся в патенте описанием. Такое описание вместе с возможными чертежами принято называть формулой полезной модели.

Формула полезной модели призвана зафиксировать сущность полезной модели как технического решения, перечислить те существенные признаки, которые являются необходимыми для достижения обеспечиваемого моделью технического результата.

Совершенно очевидно, что описать один и тот же объект действительности (в том числе и полезную модель) можно различными лексическими средствами. И в этом, с одной стороны, заключается одна из проблем защиты права на полезную модель, а с другой стороны — кроется источник потребности в лингвистическом исследовании соответствующих описаний.

Целью такого лингвистического исследования, как правило, становится исследование смысловой идентичности представленных на экспертизу фрагментов описания полезной модели. Например, в ходе одной из выполненных нами экспертиз полезной модели (представляющей собой устройство для вентиляции для зернохранилищ, овощехранилищ и других помещений, предназначенных для насыпного хранения сельскохозяйственной продукции) перед экспертом был сформулирован следующий вопрос: «Идентичны ли по своему смыслу признак полезной модели, защищенной патентом №...: «с профилированной поверхностью и высотой волны профиля не менее 5 мм» и признак полезной модели, защищенной патентом №... «при этом высота волны профиля предпочтительно составляет не менее 5 мм»?

Ответы на вопросы, поставленные перед экспертом в ходе выполнения обсуждаемого вида лингвистической экспертизы, в целом ряде случаев затруднены по ряду причин.

Во-первых, эксперт, будучи специалистом в области лингвистики, как правило, не обладает достаточным багажом технических знаний для того, чтобы точно интерпретировать некоторые фрагменты описания технического устройства. Например, в ходе упомянутой выше экспертизы, помимо других вопросов, перед экспертом был поставлен вопрос: идентичны ли по своему смысловому значению описанный признак полезной модели, защищенной патентом №...: «секции выполнены с шагом по диаметру» и признак полезной модели, защищенной патентом №...: «сборка секций производится «внахлест» с уменьшением диаметра секций от начала сборки к концу»?

Очевидно, что ответ на вопрос об идентичности / неидентичности этих признаков сводится к проблеме: можно ли считать идентичными в смысловом отношении выражения *шаг по диаметру* и *уменьшение диаметра*? А это, в свою очередь, упирается в интерпретацию выражения *шаг по диаметру*.

Традиционные словарные определения лексемы *шаг* не позволяют эксперту прояснить ситуацию. Впрочем, в целом ряде словарей отмечается возможность использования этой лексемы как технического термина (см. словари Т. Ф. Ефремовой [6], Д. Н. Ушакова [13] и др.). Например, в словаре С. И. Ожегова среди многообразия значений мы находим значение с пометой *спец.*: *повторяющееся расстояние между какими-нибудь элементами, деталями* [9].

Трактовка лексемы *шаг* содержится и в Большой политехнической энциклопедии (что особенно значимо в рамках выполняемого исследования). Приведенная энциклопедия трактует **лексему *шаг*** следующим образом:

Шаг — (1) расстояние между одноимёнными профилями, точками или осями изделия; напр. шаг резьбы, шаг заклёпок, шаг зубьев, шаг зацепления и др. [3].

Очевидно, что лексема *шаг* (в своем специальном значении) в сочетании с дательным падежом лексемы *диаметр (шаг по диаметру)* дает выражение, которое может трактоваться как так называемый профессионализм. В ходе проведенного исследования обсуждаемый профессионализм был обнаружен нами лишь в четырех публикациях узко-специального характера (причем основная часть из них — двуязычные словари):

- Русско-немецкий политехнический словарь; указанный словарь содержит следующую словарную статью:

Durchmesserabstufung — *f* шаг м. (буров) по диаметру [11];

- Англо-русский геологический словарь; приведенный словарь содержит статью:

Gauge change — шаг буров по диаметру [1];

- Русско-немецкий словарь технических терминов:

Bohrstufe — шаг бура (по длине или диаметру) [12];

- Буры. Буровые головки для бурения в составе шнеков. Каталог. Данная публикация содержит каталог изготавливаемых буров. При описании характеристик буров систематически используется термин *шаг по диаметру*. Например, на стр. 10 Каталога указывается, что *диаметр изготавливаемых буров может лежать в диапазоне от 90 до 195 мм. Серийно изготавливаются буры с шагом по диаметру 5 мм* [4].

Таким образом, анализ и сопоставление всех приведенных публикаций свидетельствует о следующем:

- выражение *шаг по диаметру* представляет собой так называемый профессионализм;
- в большинстве случаев этот профессионализм используется в связи с таким техническим устройством, как бур;
- наряду с *шагом по диаметру* существует *шаг по длине*;
- *шаг (бура) по длине* следует трактовать как интервал между витками спирали бура;
- *шаг по диаметру* следует трактовать как постоянный интервал, на который изменяется (уменьшается) диаметр.

Таким образом, признак полезной модели, защищенной патентом №...: «секции выполнены с шагом по диаметру» и признак полезной модели, защищенной патентом №...: «сборка секций производится «внахлест» с уменьшением диаметра секций 1 от начала сборки к концу» следует трактовать как семантически сходные признаки.

Такое заключение могло быть сформулировано лишь в результате обращения к узкоспециальным источникам технического характера и семантической интерпретации профессионализмов. Игнорирование же специальной технической информации может явиться источником серьезных ошибок при подготовке итогового заключения по результатам лингвистической экспертизы.

Еще одна сложность выполнения лингвистической экспертизы описания полезной модели обусловлена тем, что в материалах, предоставляемых эксперту, в отдельных случаях содержится перечень как существенных, так и несущественных признаков полезной модели. Например, в уже приведенном выше вопросе («идентичны ли по своему смыслу признак полезной модели, защищенной патентом №...: «с профилированной поверхностью и высотой волны профиля не менее 5 мм» и признак полезной модели, защищенной патентом №... «при этом высота волны профиля предпочтительно составляет не менее 5 мм?»), по сути дела содержится предложение сопоставить существенный признак «с профилированной поверхностью и высотой

волны профиля не менее 5 мм» и несущественный (по формальным критериям) признак «при этом высота волны профиля предпочтительно составляет не менее 5 мм». При бесспорном содержательном сходстве информации, заложенной в сопоставляемых формулировках, вывод об абсолютной идентичности сопоставляемых признаков невозможен; такой вывод может быть правомочным только в том случае, когда одинакова значимость (существенность) признаков с точки зрения функционирования полезной модели.

Формально толкование лексемы *предпочтительно* позволяют содержательно трактовать анализируемый признак *высота волны профиля предпочтительно составляет не менее 5 мм* двояко: преимущественно высота волны профиля должна быть не менее 5 мм, но в отдельных случаях она может быть больше или равняться 5 мм. При такой трактовке признака, «вырванного» из контекста, обсуждаемый признак можно было бы трактовать как несущественный.

А как уже отмечалось выше, формула полезной модели призвана перечислить именно существенные признаки, которые являются необходимыми для достижения обеспечиваемого моделью технического результата.

При этом под существенным признаком понимается признак, который необходимо принадлежит предмету, выражает его внутреннюю природу, его сущность (см. [8]).

Как справедливо замечают **А. В. Андреева и Г. В. Прохоров-Лукин**, огромное значение в любом объекте интеллектуальной собственности имеет выделение именно таких признаков, («поскольку индивидуально-характерным может быть лишь такой комплекс признаков, элементы которого являются существенными») [2]. Вот почему понятие «существенный признак» имеет важнейшее методологическое значение для всех без исключения экспертных исследований объектов интеллектуальной собственности, в том числе, и полезной модели.

Таким образом, утверждение об абсолютной идентичности сопоставляемых признаков, с нашей точки зрения, возможно при соблюдении двух условий:

- семантическая идентичность признаков;
- одинаковая степень их существенности / несущественности для успешного функционирования полезной модели.

В итоге сопоставление существенного и несущественного признака в описании полезной модели, бесспорно, представляется некорректным, а результат такого сопоставления — ошибочным.

Между тем адекватное понимание смысла выражения всегда осуществляется с учетом контекста [7, с. 106–108].

И в этом кроется еще одна сложность выполнения лингвистической экспертизы описания полезной модели. Она обусловлена тем, что на экспертизу, как правило, выносятся лишь отдельные признаки полезной модели. И хотя полное описание формулы полезной модели также может быть предоставлено, знакомство с этой формулой обычно осложнено по причине уже отмеченной выше технической неосведомленности эксперта-лингвиста.

В результате эксперт сопоставляет на предмет идентичности признаки, «вырванные» из контекста, что, с нашей точки зрения, принципиально неверно.

Так, например, как только что было отмечено, при формальном подходе ответ на вопрос о признаках, касающихся высоты волны профиля, не позволяет сформулировать заключение об идентичности. Между тем исследование смыслового сходства/несходства приведенных фрагментов описания полезных моделей с учетом контекста позволяет посмотреть на ситуацию по-другому: в описании полезной модели, содержащий формально несущественный признак «при этом высота волны профиля предпочтительно составляет не менее 5 мм» обнаруживается придаточное предложение, обосновывающее данный признак: «*так как при высоте волны профиля менее 5 мм жесткость конструкции снижается*». Содержание приведенной придаточной части вступает в определенное противоречие с формальной интерпретацией признака как несущественного, однако позволяет уточнить смысл признака *высота волны профиля предпочтительно составляет не менее 5 мм*. Фрагмент придаточного предложения *жесткость конструкции снижается* свидетельствует о том, что в этих условиях (когда не удовлетворяется требование высоты волны профиля не менее 5 мм) качество устройства снижается и его функционирование осложняется. Именно поэтому обсуждаемый признак полезной модели, защищенной патентом №..., следует трактовать как существенный для успешного функционирования устройства; именно сопоставление признаков полезных моделей с учетом контекста позволяет все же рассматривать их как семантически идентичные.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- лингвистическая экспертиза полезной модели, как правило, осуществляется при разрешении споров о защите прав на интеллектуальную собственность;
- целью лингвистической экспертизы полезной модели, как правило, становится исследование смысловой идентичности представленных эксперту фрагментов описания полезной модели;
- вывод об идентичности признаков сопоставляемых полезных моделей возможен лишь при одновременном выявлении как семан-

тической идентичности признаков, так и одинаковой степени их существенности для успешного функционирования полезной модели;

- исследование смысловой идентичности фрагментов описания полезных моделей должно осуществляться с учетом контекста;
- лингвистическая экспертиза полезной модели представляет собой междисциплинарное исследование, требующее (наряду с лингвистическими знаниями) определенной технической осведомленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский геологический словарь. — URL: http://rus-eng.com/anglo_russkiy_geologicheskii_slovar/page/gauge_change.19261 (дата обращения: 22.03.2016).
2. Андреева А. В. К вопросу о тождестве и сходстве до степени смешения в судебной экспертизе объектов интеллектуальной собственности / А. В. Андреева. — URL: <http://aplpatents.com.ua/ru/publikatsii/12-k-voprosu-otozhdestve-i-skhodstve-do-stepeni-smesheniya-v-sudebnoj-ekspertize-ob-ektov-intellektualnoj-sobstvennosti> (дата обращения: 24.03.2016).
3. Большая политехническая энциклопедия / [авт. сост. В. Д. Рязанцев]. — М.: ООО «Издательство «Мир и образование», 2011.
4. Буры. Буровые головки для бурения в составе шнеков. Каталог. — URL: <http://www.sp-49d.ru/doc/MMBURI.pdf> (дата обращения: 22.03.2016).
5. Гражданский Кодекс РФ (принят Государственной Думой 24 ноября 2006 г., одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 г. Российская газета, N 289, 22 декабря 2006 г., вст. в силу с 1 января 2008 г.).
6. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь

русского языка: В 3 т. / Т. Ф. Ефремова. — М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.

7. Кара-Казарьян Т. В. Контекст и его влияние на прагматическое значение идиом в актах коммуникации / Т. В. Кара-Казарьян // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах. Материалы Международной практической конференции. — Пятигорск, 2002. — С. 106–108.

8. Логика: учеб. пособие для юридических вузов. — URL: <http://www.bibliotekar.ru/logika-2/24.htm> (дата обращения: 22.03.2016).

9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М.: ООО А Темп, 2006.

10. Приказ Минэкономразвития России от 30.09.2015 N 701 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации полезных моделей, и их форм, Требований к документам заявки на выдачу патента на полезную модель, Состав сведений о выдаче патента на полезную модель, публикуемых в официальном бюллетене Федеральной службы по интеллектуальной собственности, Состав сведений, указываемых в форме патента на полезную модель, формы патента на полезную модель» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.12.2015 N 40244).

11. Русско-немецкий политехнический словарь. — URL: http://polytechnisches_de_ru.academic.ru/41099/Durchmesserabstufung (дата обращения: 22.03.2016).

12. Русско-немецкий словарь технических терминов. — URL: <http://www.classes.ru/all-german/dictionary-russian-german-polytechnical-term-88981.htm> (дата обращения: 22.03.2016).

13. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / [под ред. Д. Н. Ушакова]. — М., 2000.

*Воронежский государственный университет
Новичихина М. Е., профессор кафедры связей с общественностью, доктор филол. наук
E-mail: novichihiname@mail.ru*

*Voronezh State University
Novichihina M. E., Doctor of Philology, Professor of the Public Relations Department
E-mail: novichihiname@mail.ru*

ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУКИ: КОМПЕТЕНЦИИ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ

Б. П. Пастухова

Академия Медиаиндустрии

Поступила в редакцию 9 апреля 2017 г.

Аннотация: в настоящей статье речь идет о переосмыслении компетенций журналистов, специализирующихся на популяризации науки. Эволюция СМИ ставит новые вызовы перед подготовкой научных журналистов.

Ключевые слова: научная журналистика, популяризация науки, проблемы научной журналистики, компетенции.

Abstract: in this article is talking about reconsidering of competencies of journalists specialized on popularization of science. Evolution of mass media raises new challenges for science journalists' education.

Keywords: science journalism, popularization of science, scientific journalism problems, competencies.

В 2014 году Министерство образования и науки РФ учредило премию в области популяризации научных достижений — «За верность науке».

В октябре 2016 г. при поддержке Министерства образования и науки вышел информационный бюллетень «Коммерсантъ Наука» с приветственным словом министра О. Ю. Васильевой. Она отмечает, что «Министерство образования и науки Российской Федерации инициирует и поддерживает многочисленные мероприятия по популяризации научных знаний, достижений науки и техники, направленные на все целевые аудитории: школьников, студентов, молодежь, которые планируют связать свою жизнь с наукой, и научную общественность. Особую роль в этом деле играет доступное, интересное и масштабное освещение научных достижений».

Одними из ключевых участников популяризации науки наряду с ученым-популяризаторами являются научные журналисты. В течение последних пяти лет регулярно проводятся круглые столы, посвященные проблематике подготовки таких специалистов. 28 июня 2016 года в Совете Федерации ФС РФ состоялся круглый стол: «Роль научной журналистики в ускорении научно-технического развития страны».

Одной из типичных полемика на таких круглых столах является вопрос, может ли журналист, не имеющий специализированного образования, популяризовать науку. Таким образом, раз за разом поднимается вопрос о компетентности и компетенциях научных журналистов.

Важно отметить, что в российской научной теории понятия «компетентность» и «компетенция» долгое время считались синонимами.

Согласно Большому энциклопедическому словарю компетенция «(от лат. *compeo* — добиваюсь; соответствую, подхожу): 1) круг полномочий, предо-

ставленных законом, уставом или иным актом конкретному органу или должностному лицу; 2) знания, опыт в той или иной области».

Толковый словарь русского языка под редакцией Ожегова С., Шведова Н. дает следующее определение компетенции: «и, ж. (книжн.). 1. Круг вопросов, в которых кто-н. хорошо осведомлен. 2. Круг чьих-н. полномочий, прав. К. суда. Дело не входит в чью-н. компетенцию».

Толковый словарь Ушакова определяет компетентность так: «компетентность, мн. нет, ж. (книжн.). Отвлеч. сущ. к компетентный. Компетентность суждения. || Осведомленность, авторитетность. Компетентность в вопросах политики».

В рамках развития компетентностного подхода в социологических, управленческих и педагогических науках появляется все большая дифференциация и уточнение понятий «компетенция» и «компетентность». Компетентностный подход берет свое начало в XX в., в работах теоретиков менеджмента Ф. Тейлора, Г. Форда, Г. Эмерсона, Э. Мейо.

Сегодня ученые продолжают дискуссию о границах и взаимопроникновении понятий «компетенция» и «компетентность». В российском научном поле данной проблематикой занимаются следующие ученые: А. А. Вербицкий; Э. Ф. Зеер, А. М. Павлова, Э. Э. Сыманюк; В. И. Загвязинский; И. А. Зимняя; Ю. Г. Татур; М. А. Холодная; А. В. Хуторской и др.

Для целей нашего исследования мы будем опираться на следующие определения М. А. Холодной, где «компетенции — это **умение** применять практико-ориентированные знания в бытовых, социальных и профессиональных видах деятельности («знаю, как, где и когда»)… Компетентность — это характеристика индивидуальных интеллектуальных ресурсов, предполагающая высокий **уровень усвоения разных типов знаний**, включая знания в конкретной предметной области, сформирован-

ность определенных **качеств мышления**, мотивацию к данному виду деятельности, готовность принимать решения в соответствующих предметных ситуациях, наличие системы ценностей» [1].

В мировой практике популяризации науки к середине XX в. сложилось два основных подхода, принципиально различных в своей основе. Первый из них зародился во Франции и называется фундаментализмом, или, реже, сайентизмом. Сторонники данного подхода убеждены в необходимости как можно более полного освещения научной информации. Главной проблемой популяризации они полагают сенсационность и погоню за развлекательностью, которая приводит к потере информативности и «вульгаризации» науки. Фундаментализм подразумевает подробность и обстоятельность в освещении научной идеи — и полное отсутствие «занимательности» изложения [2].

Второй подход сформировался в Америке и называется актуализмом. В противоположность фундаментализму, актуализм настаивает на простоте изложения и допускает отказ от части важной научной информации в пользу развлекательности и доступности изложения. Данный подход был обоснован американским физиком Фрэнком Оппенгейером, основателем научного музея «Эксплораториум» в Сан-Франциско. Сторонники этой парадигмы добиваются внимания к популяризуемым вопросам посредством широкого использования иллюстративного материала, сенсационных заголовков и развлекательных подачи текста. Последний подход тесно пересекается с таким явлением современной журналистики как инфотеймент — способ подачи материала, который нацелен как на развлечение, так и на информирование аудитории.

Соответственно, в зависимости от того, в какой парадигме работает научный журналист, ему требуется разный набор компетенций.

Первую попытку сформировать список качеств и правил поведения журналистов сделал М. В. Ломоносов в труде «Рассуждении об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии», еще в 1755 г. В данной работе приводятся семь правил, которым должен руководствоваться журналист:

- взвесить свои силы, так как он затевает трудную и очень сложную работу, в которой должен докладывать об общих местах и вещах, уже известных, а выявлять новое и существенное, в произведениях, создаваемых часто величайшими людьми;
- уметь избавиться от предубеждений и предвзятости к автору, то есть быть объективным;
- разделять описываемые сочинения на две группы: отдельных авторов и написанных учеными сообществами. Здесь Ломоносов

призывает к особенной внимательности журналиста к трактуемому тексту во избежание досадных упущений, небрежности, опрометчивых суждений;

- не спешить осуждать гипотезы, которые могут быть единственным путем постижения истины величайшими умами;
- не присваивать себе мысли и суждения других лиц;
- журналист может опровергать некоторые учения, позиции, но только после досконального изучения вопроса и глубоких рассуждений;
- «никогда не должен создавать себе слишком высокого представления о своем превосходстве, о своей авторитетности, о ценности своих суждений» [3].

Важно, что Ломоносов сформулировал эти правила для журналистов, пишущих о научных исследованиях и открытиях, хотя, безусловно, они универсальны для любой журналистской специализации и в определенной степени остаются актуальны сегодня. Они сформированы по принципу компетенций, а не компетентности. Ломоносов пишет в парадигме действий, а не знаний о предмете.

В связи с активным проникновением Интернет в СМИ и растущего в геометрической прогрессии информационного потока профессиональные компетенции научных журналистов нуждаются в пересмотре.

Грейс Лоусон-Бордерс говорит, что увеличение количества платформ потребления контента потребует дополнительной компетенции от автора, который должен учитывать множественность способов коммуникации с потребителем [4]. Развивая идеи «информационного общества» и основываясь на идеях Дженкинса, Лоусон-Бордерс полагает, что главной компетенцией журналиста, работающего в мультимедийном СМИ, должна быть способность создания контента, в котором изначально заложена возможность адаптации к разным платформам.

В последние десятилетия начали размываться границы между традиционными и новыми медиа (multiskilling – профессия требует множества навыков), между информацией и развлечением (infotainment), журналистикой и обществом (user generated content), источниками и представителями аудитории (demediation), журналистами и издателями (commercialisation). Кроме того, такие социальные изменения, как информатизация, индивидуализация, интенсификация и интернационализация создали новую информационную и коммуникационную структуру, привели к фрагментации аудитории, формированию «непрерывной» культуры (non-stop culture) и глобализованных рынков [5].

Профессор М. В. Загидуллина, перечисляя основные принципы профессионально грамотной попу-

ляризации науки, в ряду наиболее значимых называет «мастерство изложения материала» [6].

Согласно результатам опроса европейских профессионалов из медиа индустрии, которое проводилось на базе Европейской ассоциации преподавателей журналистики (EJTA), наиболее востребованными в последующие десять лет оказались следующие компетенции:

1. Умение выявлять главную информацию.
2. Нести ответственность за журналистскую работу.
3. Работать в команде.

Это три компетенции, которые получили меньше всего баллов:

1. Понимать социальную роль журналистики и происходящие в ней изменения.
2. Излагать информацию, используя соответствующий язык и эффективную журналистскую форму.
3. Работать в профессиональных медиа организациях [7].

В течение последних пяти лет в ведущих университетах на факультетах журналистики появляются кафедры, открываются направления в магистратуре, ключевой целью которых является выпуск журналистов — популяризаторов науки. В МГУ им. М. В. Ломоносова появилась магистерская программа «Научная журналистика и коммуникация» на базе факультета журналистики. Научно-популярный журнал «Кот Шрёдингера», журнал «Русский репортёр» и факультет коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ открыли Школу научной журналистики, которая предполагает как короткие интенсивные курсы, так и открытые лекции в формате вебинаров.

Важно, чтобы при прохождении обучения по направлению «Научная журналистика» в ведущих

вузах и иных образовательных организациях у студентов формировались эффективные компетенции, применимые в сегодняшних реалиях массовых медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Расширенный текст доклада профессора М. А. Холодной на IV Всероссийском съезде психологов образования России «Психология и современное российское образование» [Электронный ресурс]. — URL: http://ipras.ru/cntnt/rus/novosti/rus_news1/n2742.html
2. Лапина И. Ю. Научно-популярное телевидение : драматургия мысли / И. Ю. Лапина. — М. : Аспект-Пресс, 2007.
3. Ломоносов М. В. Рассуждения об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии / М. В. Ломоносов. — 1755.
4. Lawson-Borders, Gracie L. Media organizations and convergence : case studies of media convergence pioneers. Routledge, 2006.
5. Нико Дрок. «Смена профессиональных компетенций в журналистском образовании» / Нико Дрок // Mediascope. — Вып. № 3. — 5 авг. — 2011 г.
6. Загидуллина М. В. Мастерство популяризации науки как элемент профессиональной культуры современного журналиста / М. В. Загидуллина // Современная журналистика : дискурс профессиональной культуры / [под ред. В. Ф. Олешко]. — Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, Издательский Дом «Филантроп», 2005.
7. EJTA/IAM (2010). The weighting of different journalistic competences. Research report by Carmen Koch and Vinzenz Wyss, in cooperation with Nico Drok. Maastricht/Winterthur: European Journalism Training Association/Institut für Angewandte Medienwissenschaft.

Академия Медиаиндустрии, г. Москва
Пастухова Б. П., аспирант
E-mail: france.bella@gmail.com

Media Industry Academy, Moscow
Pastukhova B. P., Postgraduate Student
E-mail: france.bella@gmail.com

«ПРЕКРАСНАЯ ЭПОХА» ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ

М. И. Пивоварова, И. П. Конопелько

Воронежский государственный университет

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 18 апреля 2017 г.

Аннотация: *цель данной статьи — изучить французские рекламные объявления времен Прекрасной Эпохи во Франции. Особое внимание в статье уделяется традиционным французским ценностям, нашедшим отражение в проанализированных рекламных объявлениях. Исследование проводилось на материале одной из главных газет буржуазной Франции — Le Figaro и газеты La Presse.*

Ключевые слова: *Прекрасная Эпоха, Франция, Le Figaro, реклама, французские ценности.*

Abstract: *the article aims at exploring French advertisements which appeared during the Belle Époque in France. Special attention is paid to the well-established values of the French manifested in the analyzed advertisements. The advertisements to be explored come from the bourgeois newspaper of the time — Le Figaro and the newspaper La Presse.*

Key words: *Belle Époque, France, Le Figaro, advertising, French values.*

В конце XIX столетия и первом десятилетии XX века, которые получили неофициальное название «Прекрасная эпоха», Франция переживала небывалый подъем и экономическое развитие. Это было время счастливых перемен, которые принесут человечеству могучий союз благородных, тонких чувств и всеильного разума, когда буквально сплелись в единое целое искусство и мода. Центром культуры, моды, развлечений безоговорочно становится Париж. Франция в целом и Париж в частности играли большую историческую роль, традиционно являясь центром элитарной культуры и декоративного искусства. Причём роль столицы постоянно возрастала с ростом экономического, политического и военного влияния Франции. Этому предшествовала глобальная перестройка города в середине XIX века: «средневековые улицы рассекли широкие бульвары, у подножия собора Сент-Эташ вознеслась легкая стальная конструкция нового рынка, ... в центре появились первые здания больших магазинов» [1]. Закономерно, что и центром торговли становится также Париж. Город находится на перепутье торговых путей и рек, в сердце богатого сельскохозяйственного региона. Он был одним из главных городов Франции еще в X веке, с королевским дворцом, богатыми аббатствами и соборами. В XII веке Париж стал одним из первых центров в Европе в области образования и искусства. На протяжении всего своего существования Париж всегда был в центре событий, которыми отмечена история Франции. Население столичного города имело более высокую покупательскую способность, нежели жители провинции. Представители крупной

буржуазии и государственные служащие жили в столице, где и зарплаты были значительно выше провинциальных. Парижский рынок также сильно отличался весьма лояльными клиентами: в большей степени склонными к покупкам, открытыми ко всему новому и более восприимчивыми к моде. Но ключевым моментом стало то, что Париж превратился в центр притяжения для жителей остальной части Франции. Париж в последние десятилетия XIX в. напоминает витрину современной Франции; именно у этой витрины провинция знакомится с новыми товарами и новыми способами покупок [2]. Культурное и политическое влияние города демонстрирует тот факт, что во второй половине XIX в. в Париже проходит пять Всемирных выставок.

«Прекрасная эпоха» во Франции стала олицетворением роскошной жизни, развлечений, пышности и гиперболизации. Такое название укоренилось после Первой мировой войны и по контрасту с её травматическим опытом. Поэтому словосочетание указывает на период ускоренного технического прогресса, экономических успехов, мира в политических отношениях, расцвета культуры во Франции. Это золотой век автомобилестроения и воздухоплавания, бульваров и кафе, кабаре и морских купаний, время расцвета фотографии, рождения кино и развития метро, успехов естественных наук, новейших технологий и медицины, становления социологии и этнографии, археологических открытий, модерна и модернизма в искусстве и литературе, спора вокруг «женского вопроса» и начала суфражистского движения. Богемный Монмартр заполнили многочисленные рестораны и кафе-шантаны, возникая в ответ на стремление общества к веселью, зрелищности и легкости бытия. Париж, при-

знанной во всем мире столицей мод, становился и центром роскоши и бурлящей событиями жизни.

О динамике развития Франции в начале XX века и ее положении в мире можно судить по двум событиям, произошедшим в 1900 году. Одним из них были прошедшие в Париже II Олимпийские игры, на которых спортсмены Франции завоевали 29 золотых медалей, обойдя по этому показателю своих главных соперников, в том числе США и Великобританию. II летние Олимпийские игры прошли в Париже (Франция) с 14 мая по 28 октября 1900 года. Проведение Игр было приурочено к Всемирной выставке, проходившей в то время во французской столице.

Также в 1900 году состоялась собравшая 50 миллионов посетителей Всемирная выставка, где, по уже заведенному обычаю, демонстрировались экономические достижения государств. Всемирная выставка или Экспо явилась символом индустриализации и открытой площадкой для демонстрации технических и технологических достижений. «Великолепные павильоны, выстроенные здесь к открытию архитекторами различных государств, являли собой последние достижения технологии строительного дела», и должны были «продемонстрировать, на что способна созидательная мысль человека в настоящем, какие фантастические результаты она может достигнуть завтра» [3]. При этом нужно отметить, что к 1900 г. Париж уже в пятый раз принимал у себя столь масштабное мероприятие, опередив в этом соревновании даже Лондон. В том же 1900 году в Париже открывается первая линия метро. А за пять лет до открытия Выставки «состоялось кинематографическое чудо братьев Люмьер» [4], когда 28 декабря 1895 года в салоне «Гран-кафе» на бульваре Капуцинок (Париж) состоялся публичный показ «Синематографа братьев Люмьер». Французское кино с тех пор сохраняет свою популярность во Франции и за рубежом. А немногим позже в дома французов входит электричество, затем радио и телефон. Изобретены электрическая стиральная машина, пылесос и холодильник. По улицам города разъезжают автомобили «Renault» и «Peugeot», ставшие поистине национальной гордостью. Общество Франции вплоть до Первой мировой войны по-прежнему жило Прекрасной эпохой. Именно «Прекрасная эпоха стала Аркадией, идеальным местом, мысли о котором стали отчасти основой для восстановления культурного пространства, которое было разрушено войной» [5].

Этот небывалый подъем во всех сферах жизни, отличавший Париж и Францию в целом в период «Прекрасной эпохи, нашел непосредственное отражение и в рекламных объявлениях того периода. И если реклама является непосредственным отражением ценностей общества, тех политических, социальных, культурных изменений, которые в нем происходят, то мы предполагаем, что утвердившись в жизни французов конца XIX — начала XX века, «Прекрасная эпоха» стала также и частью рекламной

сферы Франции. В данном случае мы не относим этот термин к экономической составляющей (то есть тому, как развивалась реклама в это время — хотя это и было время ее бурного развития, время формирования рекламного рынка во Франции), а акцентируем внимание на ценностной составляющей, которая проявляется в тематике рекламных сообщений того периода. Именно в ней находят отражение спрос и предложение, а следовательно, и стремления, ценности и потребности французского общества того времени. Посмотрим, нашла ли знаменитая «Прекрасная эпоха» отражение в рекламных сообщениях того периода. Рассмотрим основные тематические группы рекламных сообщений «Прекрасной эпохи».

1. Светская жизнь.

Несомненно, особо ярко проявилась «Прекрасная эпоха» в светской жизни французов. Особенный размах светские мероприятия получили в Париже — и это не случайно, в XIX веке префект департамента Сены барон Осман провел грандиозную перепланировку города, ознаменовав тем самым новый этап в жизни французской столицы. Как отмечает Ирина Никифорова, «с жадной потребностью общества в ярких зрелищах и веселом времяпрепровождении связано возникновение огромного числа ресторанов, кафе-шантанов, танцевальных залов» [6]. Париж превратился в центр роскоши и бурлящей событиями жизни. Во Франции большую популярность приобрели разнообразные театральные постановки, цирковые представления, а также такие жанры, как: варьете, оперетты.

Folies-Bergère

Tous les soirs spectacle varié

LonaBarrison. Polin.

Фоли-Бержер

Каждый вечер Вас ждут новые представления.

Лона Барисон. Полен...

(пер. с фр. И. Конопелько).

2. Красота.

Реклама косметических новинок и парфюмерии занимала достойное место среди остальной рекламы. При этом реклама препаратов для здоровья разнообразных лекарств, новомодных методов лечения была не менее популярной. Думаем, это не случайно, ведь повышение уровня жизни влекло за собой и повышенное внимание к собственному здоровью. Вероятно, уже в XIX веке французы поняли, что красота и здоровье неотделимы друг от друга: *Vouslez-vous être belle et jeune (Вы хотите быть красивой и молодой)* гласил один из рекламных заголовков.

Eau de cologne de Jean-Antoine Farina

La ville de Milan

Одеколон от Жана Антуана Фарина из Милана

(пер. с фр. М. Пивоваровой).

Savon de toilette

De la Société Hygiénique

*Туалетное мыло от Общества гигиены
(пер. с фр. И. Конопелько).*

3. Мода.

Исторически мода является одной из наиболее важных сфер рекламирования для французов. При этом рекламировались не только предметы роскоши или ансамбли от *haute couture* (безусловно, такие рекламные объявления были более свойственны прессе, изначально ориентирующейся на буржуазную аудиторию, каким было и издание Ипполита Вильемесана (Hippolyte de Villemessante) — *Le Figaro*. В более демократичной *La Presse* также были частыми модные рекламные объявления — одежда рекламировалась в рамках сезонных и других выставок от имени магазинов или модных домов:

*Au Bon Marché
Lundi 22 Février
Grande Mise en Vente de
Gantsdentelles*

*В Бон Марше в понедельник 22 февраля
В продажу поступят
Кружевные перчатки (пер. с фр. И. Конопелько).*

4. Гурманство

Отдельно стоит отметить и гастрономические пристрастия французов. На улицах разрастающихся городов появлялось большое количество кафе как воплощение в жизнь принципа гурманства. Рекламные объявления, представляющие кулинарные книги, новинки на гастрономическом рынке, а также алкогольные напитки заняли прочное место среди остальной французской рекламы. Рекламные рубрики пестрели заголовками *Chocolat*, *Vins de Bordeaux*, *Véritable bière de Vienne* и т. д.:

*Café des gourmets
Torrefie à la vapeur
Arôme supérieur concentré
Кофе для гурманов
Блюда на пару*

*С превосходным изысканным ароматом
(пер. с фр. И. Конопелько).*

5. Путешествия

Путешествия набирают силу в XIX в. с развитием железнодорожных и морских путей. Французы отдавали предпочтение именно поездам. Безусловно, позволить себе подобные путешествия в то время

могли только зажиточные граждане. Такие вояжи были обычно довольно длительными и включали посещение нескольких стран. Конечно, сервис был предложен соответственный, что позволяло сделать длительную дорогу максимально комфортной.

*Chemin de fer de Lyon à Genève
Raccordement
Chemin de Paris à Lyon à Macon
Железной дорогой из Лиона в Женеву
В рамках маршрута
Париж-Лион-Макон
(пер. с фр. И. Конопелько).*

Прекрасная эпоха окончилась с началом Первой мировой войны. Р. Широков, характеризуя этот временной отрезок, считает Прекрасную Эпоху «бунтарской, новаторской, мистической, ... бесшабашной, отплясывающей канкан и грезящей о светлом будущем, наивной и противоречивой» [7; с. 1]. Вскоре заговорят пушки, начнётся война, изменится политическая карта Европы, изменятся и сами люди. Но это будет уже совсем другая история. «Прекрасная эпоха» продолжила существование не только в воспоминаниях современников, но и в рекламных объявлениях тех лет. Именно они являются ценным историческим документом, дающим нам представление о вкусах, потребностях и моде этой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродская Н. В. Париж в Эрмитаже / Н. В. Бродская; Государственный Эрмитаж. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. — С. 6.
2. Martin M. Trois siècles de publicité en France / M. Martin. — Paris: Odile Jacob, 1992.
3. Ученова В. В. История рекламы / В. В. Ученова, Н. В. Старых. — 2-е изд. — Санкт-Петербург: Питер, 2002. — С. 191.
4. Филиппова Е. А. Прекрасная эпоха Франции / Е. А. Филиппова. — URL: http://www.ug.ru/download/2009/fp11_09.pdf (дата обращения: 11.02.2017).
5. Париж вспоминает о Прекрасной эпохе. — URL: <http://paris-chance.ru/kultura/chto-posmotret/parizh-vspominaet-o-prekrasnoj-epohe/> (дата обращения: 11.02.2017).
6. Никифорова И. Реклама как отражение эпохи / И. Никифорова // Третьяковская галерея. — 2011. — № 2. — С. 53.
7. Широков Р. Прекрасная Эпоха / Р. Широков. — URL: http://www.roman-shirokov.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=214:2011-01-13-11-50-33&catid=41:2009-12-27-17-45-23&Itemid=66 (дата обращения: 18.02.2017).

*Воронежский государственный университет
Пивоварова М. И., доцент кафедры связей с общественностью*

*Воронежский государственный педагогический университет
Конопелько И. П., доцент кафедры французского языка*

*Voronezh State University
Pivovarova M. I., Associate Professor of Public Relations
Department*

*Voronezh State Pedagogical University
Konopelko I. P., Associate Professor of French Language
Department*

КОМБИНИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ЖАНРОВ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Н. А. Пром, Т. Г. Йованович

Волгоградский государственный технический университет

Поступила в редакцию 12 марта 2017 г.

Аннотация: в статье проводится сравнительный анализ жанровых моделей, разработанных в жанроведении и теории журналистики, результатом чего стала комбинированная модель, актуальная при описании жанров печатных СМИ. Она включает жанрообразующие признаки: коммуникативную цель и метод отражения действительности, а также жанровые характеристики: событийное содержание, концепция автора, композиционная структура жанра и языковые средства, релевантные как для идентификации и описания жанров в языкознании, так и для создания текстов в журналистике.

Ключевые слова: жанр, жанры печатных СМИ, жанрообразующие признаки, жанровые характеристики, коммуникативная цель.

Abstract: the article presents a comparative analysis of genre models developed in the genre studies and the journalism theory, resulting in a combined model, which is important in description of the print media genres. It includes genre generating factors: communicative purpose and the method of reality reflection, as well as the genre characteristics: event-related content, the author concept, compositional structure of the genre and linguistic means that are relevant for the identification and description of genres in linguistics and for the creation of texts in journalism.

Key words: genre, print media genres, genre generating factors, genre characteristics, communicative purpose.

Массмедийные тексты, будучи основательно проработанными, в силу своей способности быстро приспосабливаться к меняющимся потребностям аудитории, представляют неиссякаемый источник материала для исследований во многих направлениях лингвистики: теории дискурса, стилистики, жанроведения, риторики и др. Первым шагом в таких работах обычно является изучение проблемы жанра и жанровых признаков.

В жанроведении, на наш взгляд, разработана довольно полная модель описания отдельных жанров, в рамках которой выделены жанрообразующие (основные) признаки и менее значимые жанровые характеристики. При рассмотрении жанров СМИ с позиции языкознания часто незаслуженно игнорируется теория журналистики, которая имеет особый в первую очередь методологический взгляд на подопечные жанры, поскольку в большей степени заинтересована в их прикладном аспекте. В жанроведении принято более широкое понимание жанра, поскольку предмет его исследования выходит далеко за пределы жанров СМИ. Этим объясняется длинный список жанровых признаков, который теоретикам журналистики представляется избыточным. Тем не менее жанроведческая и журналистская жанровые модели представляют собой пересекающиеся множества, включая, помимо общих, специфические для того или иного направления признаки.

В этой связи мы видим задачу исследования в том, чтобы провести сравнительный анализ жанровых признаков, выделенных в теории журналистики и жанроведении в виде моделей, выявить их общие и специфические компоненты, а также установить, насколько полезна журналистская модель для лингвистического исследования жанров СМИ. Поскольку данный подход можно назвать междисциплинарным, он может послужить точному описанию жанров и, следовательно, более эффективному использованию жанровой системы СМИ в целом. В ряду жанровых моделей, разработанных в теории журналистики и жанроведении, интерес для нашего исследования представляют модели Ю. А. Гордеева и Т. В. Шмелевой.

Тщательный и довольно полный обзор существующих на сегодняшний день мнений относительно набора и структуры жанровых признаков журналистских текстов выполнил Ю. А. Гордеев, отметив достоинства и недостатки концепций теоретиков журналистики последних трех десятилетий [1, с. 88–92]. Кроме того, сам Ю. А. Гордеев предлагает разделить жанровые признаки на основные и дополнительные. В качестве основных принимаются признаки, предложенные А. А. Тертыхным: предмет, функциональное назначение жанра и используемый метод отражения предмета, которые в совокупности точно определяют жанр. Дополнительными исследователем обоснованно предлагает считать использование фактических данных, роль автора, структу-

рирование текстов и языковые средства, а также описывает возможность их применения.

В жанроведении одной из типовых моделей речевого произведения признан перечень признаков, предложенный Т. В. Шмелевой [1, с. 88–97]. Главным жанрообразующим признаком, по ее мнению, является коммуникативная цель, которая дает основание

для классификации речевых жанров. Различаются также пять содержательных и один формальный параметр: концепция автора и адресата, событийное содержание, фактор коммуникативного прошлого и будущего, а также языковое воплощение высказывания. Представим данные списки наглядно в виде таблицы.

Таблица 1.

Жанровые характеристики в теории журналистики и жанроведении

	Жанроведение	Журналистика
Жанрообразующий / основные признаки	коммуникативная цель;	предмет; функция жанра / целевая установка; метод;
Жанровые / дополнительные характеристики	концепция автора; концепция адресата; событийное содержание; фактор прошлого; фактор будущего; языковое воплощение высказывания.	фактические данные; роль автора; структурирование текстов; языковые средства;
Не вошедшие в модель		читательская аудитория; издатель.

Сравнительная таблица дает представление о том, что теория журналистики и жанроведение в рассматриваемом вопросе выбрали схожие направления. Списки признаков во многом совпадают, отличаясь выбором основных и дополнительных признаков, а также их последовательностью, что, очевидно, связано с приоритетами лингвистических отраслей.

Жанрообразующим признаком любого жанра является его коммуникативная цель. В модели Ю. А. Гордеева данный пункт также присутствует в виде целевой установки и функций жанра. В рамках этой модели в качестве основных признаков рассматриваются предмет повествования и метод отражения действительности. Предметом журналистского жанра являются фрагменты социальной действительности, которые, по всей видимости, важны для методологии построения текста, но в жанроведческой модели, на наш взгляд, входят в критерий событийного содержания, куда мы бы отнесли и фактологические данные.

Особого внимания заслуживает метод как способ построения текста, который крайне важен для журналистики как практической науки и совершенно не актуален для языкознания, изучающего лишь результат применения того или иного способа. Модель Т. В. Шмелевой является удобной для описания отдельных жанров (не только в СМИ), однако коммуникативной цели недостаточно для того, чтобы охарактеризовать тот или иной массмедийный жанр в рамках жанровой группы. В пользу данного аргумента Ю. А. Гордеев приводит пример, когда, отказавшись от метода отражения предмета в качестве основного признака жанра, сложно будет разграничить отчет и репортаж, так как они, обладая некоторыми различиями, все же близки по предмету и функции. Метод же помогает увидеть их принципиальные отличия [1, с. 89]. В этой связи мы считаем

целесообразным включить метод создания жанра в качестве жанрообразующего признака именно жанров СМИ, основываясь на том, что способ получения того или иного продукта часто может объяснить его природу. Например, если рассматривать жанр репортажа, то метод наглядного и последовательного описания события в динамике обуславливает такие его жанровые признаки как роль автора, выбор языковых средств и др.

В части дополнительных признаков авторский параметр и специфические для каждого жанра языковые средства присутствуют в обеих концепциях. Как уже было отмечено выше, роль автора тесно связана с методом его работы. Например, концепция автора репортажа, строящаяся на основе образа очевидца, коммуниканта, обладающего знанием о репрезентируемом содержании и моменте времени, выражается через внутренние монологи, размышления, ремарки и характеристики для достижения эффекта присутствия.

Структурирование текстов, отсутствующее в концепции Т. В. Шмелевой, является очень важным фактором построения жанра в журналистике. Устойчивая структурно-композиционная схема жанра задает общую форму текста и способствует более информативному его членению, что немаловажно в газетном тексте. В нашем исследовании мы исходим из того, что при создании содержательно-смысловой стороны сообщения, в выборе и использовании языковых средств жанры вообще допускают разную степень свободы: построение в соответствии с моделями разной степени обязательности: от строгой формы до нерегламентированных текстов [3, 354]. Очевидно, любой жанр журналистики представляет собой, с одной стороны, результат творческой деятельности, а с другой — обладает структурно-композиционной схемой, поэтому относится к группе жанров, модели построения которых носят

общий характер. В этой связи представляет интерес описание обязательных и факультативных элементов структуры каждого жанра СМИ.

Концепция адресата прослеживается в диалогической природе журналистских жанров, обусловленной активной позицией реципиента. По мнению Л. Р. Дускаевой [4, с. 9], «жанроформирующим» фактором жанров СМИ выступает диалогичность, поскольку композиционная и стилистико-текстовая структура жанра складывается с учетом потребностей адресата. Тем не менее, параметр адресата в контексте жанров журналистики, по нашему мнению, справедливо игнорируется Ю. А. Гордеевым, так как для всех жанров СМИ это всегда публичная аудитория. Представляется целесообразным оговаривать специфику адресата, разграничивая качественную и бульварную прессу.

Роль издателя в формировании жанровых признаков редко рассматривается в качестве признаков жанра. Мы также не включаем данный параметр в жанровую модель, однако наш сопоставительный анализ текстов репортажей в газетах качественных и бульварных изданий России и Германии установил, что в зависимости от типа издания выбираются разные формы изложения для реконструкции событий, выражающиеся в языковом и графическом оформлении [5, с. 23]. Это позволяет говорить об издателе как экстралингвистическом факторе влияния на коммуникативную специфику журналистских жанров в целом.

Факторы будущего и прошлого, которым выделено место в жанроведческой концепции, также являются, на наш взгляд, идентичными для всех жанров журналистики. Фактор коммуникативного прошлого, по определению Т. В. Шмелевой, учитывает характер сообщения: является ли оно инициальным или реактивным. Реактивность жанров журналистики подтверждается, во-первых, теорией Л. Р. Дускаевой о диалогической природе газетных жанров, которые представляют собой ответ на запрос читателя [4], а во-вторых, они вторичны или «реактивны», так как являются реакцией на реальные события, имеющие место в действительности. Фактор коммуникативного будущего, в свою очередь, предполагает возникновение у адресата, пред-

ставленного массовой аудиторией, ответной реакции: критического отношения к участникам и событиям, эмоций (положительных либо отрицательных), что, в свою очередь, должно привести к усилению интереса к событиям и, возможно, способствовать популярности издания. Следовательно, специальное рассмотрение факторов коммуникативного прошлого и будущего, а также роль аудитории отдельных журналистских жанров нецелесообразно.

Таким образом, полученная в результате сравнительного анализа модель описания жанра, включает два жанрообразующих признака: коммуникативную цель жанра и метод отражения действительности, а также четыре жанровые характеристики: событийное содержание, концепция автора, композиционная структура жанра и языковые средства. Под влиянием журналистской модели мы изменили состав жанрообразующих признаков и порядок жанровых характеристик, выявили общие признаки для всех жанров печатных СМИ (концепция адресата, факторы будущего и прошлого) и поэтому не включили их в жанровую модель, поскольку они не релевантны как для идентификации и описания жанров печатных СМИ в языкознании, так и для создания текстов в журналистике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеев Ю. А. К вопросу о жанровых признаках журналистских текстов в печатных СМИ / Ю. А. Гордеев // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. — 2015. — № 1. — С. 88–92.
2. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи : сб. науч. статей. — Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. — Вып. 1. — С. 88–98.
3. Салимовский В. А. Речевой жанр / В. А. Салимовский // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [под ред. М. Н. Кожинной]. — М. : Флинта : Наука, 2003. — С. 352–354.
4. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. Р. Дускаева. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ун-т, 2004. — 42 с.
5. Пром Н. А. Экстралингвистические факторы влияния на коммуникативную специфику газетного спортивного репортажа / Н. А. Пром // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2012. — № 361. — С. 21–25.

Волгоградский государственный технический университет

Пром Н. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
E-mail: natalyprom77@mail.ru

Йованович Т. Г., кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
E-mail: Srdjan@live.ru

Volgograd State Technical University
Prom N. A., Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department
E-mail: natalyprom77@mail.ru

Yovanovich T. G., Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages Department
E-mail: Srdjan@live.ru

ОБРАЗ «НАИВНОГО» НАРРАТОРА В ПЕЧАТНОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Е. А. Ряжских

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 марта 2017 г.

Аннотация: в статье анализируется образ «наивного» нарратора в печатном рекламном тексте. Отмечается, что удачное воплощение данного образа способствует устранению дистанции в общении с адресатом (потенциальным покупателем), повышает доверие к рекламному тексту.

Ключевые слова: рекламный текст, нарратив, перволичный нарратив, нарратор.

Abstract: the article explores the image of the «naive» narrator in a print advertisement. It is noted that successful implementation of the image helps to eliminate the distance with the recipient (potential buyer), enhances credibility of the advertising text.

Key words: advertising text, narrative, personal narrative, narrator.

Рекламный текст представляет собой текст «заранее подготовленный... направленный на донесение до адресата определенной информации, с преобладающей коммерческой целью — привлечения внимания адресата к тому или иному виду товара» [1, с. 19]. Данная цель может быть достигнута с помощью разных средств, в том числе такого речевого инструмента, как нарратив¹.

Под нарративом в настоящее время понимают «словесные тексты, излагающие историю и в той или иной мере обладающие опосредующей инстанцией нарратора» [4, с. 21]. Инстанция нарратора считается опосредующей, поскольку адресат (читатель рекламы) не может вступить в прямую коммуникацию с отправителем сообщения (создателем, автором рекламного текста); таким посредником выступает нарратор (повествователь, рассказчик), «заместитель» автора рекламного сообщения. Автор рекламного текста создает вымышленный мир, к которому сам, безусловно, не принадлежит, но в котором функционирует нарратор.

Выбор типа нарратора и предопределяет структуру повествования. В перволичном нарративе, или повествовании от 1-го лица, нарратор предстает в качестве героя рекламной истории, который участвует в изображаемых событиях и рассказывает о себе как о фигуре, принадлежащей данной истории. В третьеличном нарративе, повествовании от 3-го лица, нарратор не персона-

фицирован, он рассказывает не о самом себе как о персонаже рекламной истории, а только о других фигурах².

Особый интерес для исследования представляет тип «наивного» нарратора (назовем его так с некоторой долей условности), фигурирующий в рекламном повествовании от 1-го лица.

«Наивность» подобного нарратора обуславливается несколькими причинами:

— его неопытностью (как правило, рассказчик впервые пробует рекламируемый товар / обращается к рекламируемой услуге, а затем повествует о своем «эксперименте»):

К счастью, аптека еще работала, когда я после работы решила опробовать «умную таблетку». В итоге за ночь я успела выучить все билеты. И сдала на «отлично», доказав в очередной раз, что возможно все! (из рекламы средства для повышения активности головного мозга);

Когда я впервые услышала об этой методике и этом специалисте, не поверила. Казалось, что такого не может быть! Но решила попробовать. И... испытала шок!!! (из рекламы магического центра);

— ограниченностью знаний нарратора о рекламируемом им товаре:

Оказывается, под влиянием этих таблеток баланс гормонов в организме нормализуется... и никаких прыщей... Неизвестно, конечно, как быстро эти таблетки кожу улучшают. Ну как увижу изменения — напишу (из рекламы противозачаточных таблеток);

Но все равно пошла в аптеку. Там мне сказали, что мазаться скипидаром опасно, принимать нужно

² Данная классификация разновидностей нарратива основывается на теоретических положениях, представленных в работах Е. А. Падучевой, В. Шмида [5; 4].

¹ Понятие «нарратив», изначально использовавшееся при исследовании художественных текстов, сегодня активно применяется и при анализе текстов рекламных [см., например, 2; 3].

специальные скипидарные ванны. Или, как они еще называются, ванны «Скипофит»³;

Я опять напилась кофе из пакетика. А потом опять с удивлением заметила, что мой живот становится все более плоским... Когда пришла на кухню, моя подруга уже была там и завтракала. Я опять хотела сделать себе кофе из пакетика, но она меня остановила и сказала: «Оксана, это не обычный кофе, этот кофе помогает похудеть» (из рекламы «необычного» кофе);

— уверенностью нарратора в чудодейственной силе рекламируемого товара (эта вера «в чудеса» появляется у рассказчика в результате успешного эксперимента с рекламным товаром):

Витью таблетку — головной боли как не бывало, можно спокойно продолжать работать (из рекламы лекарства против головной боли);

Я больше не сомневалась и сразу начала худеть. Это было очень легко — принимаешь препарат за 10 минут до еды и худеешь... Это было необыкновенное ощущение. Мой вес начал таять (из рекламы средства для похудения);

— отдаленностью нарратора от автора рекламного текста. Повествователь является типичным представителем целевой аудитории и воплощает в своем образе особенности мировоззрения данной целевой аудитории; автор же рекламного текста может не разделять ценности той целевой аудитории, для которой создает текст, и использовать образ «наивного» нарратора для психологической подстройки к потенциальным клиентам. Например, о средстве от артроза рассказывает пожилая женщина, о противозачаточных таблетках — студентка, о стимуляторе работы головного мозга — аспирантка и др.

Подобный тип нарратора характерен для таких рекламных жанров, как житейская история, отзыв, дневник. Автор рекламного текста, отдавая предпочтение данному типу повествователя, прекрасно осознает все преимущества подобного рассказчика и делает все, чтобы эти преимущества приумножить.

«Наивный» нарратор позиционируется автором как реальный человек со своей историей. Рассказчик может назвать свое имя (к примеру: *Меня зовут Маринка, Маринка Ивлева*), возраст (*Мне 58 лет*)⁴, род занятий (*...Аспирантура у меня заочная*) и даже вес (в рекламных текстах о средстве для снижения веса: *В свои 34 я весила 81 кг*).

³ После рассказа «наивного», несведущего нарратора может быть размещен комментарий специалиста, например: «Скипофит» улучшает кровоток в тканях, возвращает в рабочее состояние сосуды. Естественно, при этом улучшается питание и работа внутренних органов, суставов. Недаром ванны считаются лучшим средством для суставов и позвоночника.

⁴Здесь и далее примеры из разных рекламных текстов.

Уже на этапе представления нарратора адресат должен узнать себя в герое повествования и начать идентифицировать себя с ним. Дальнейший рассказ о событиях, которые заставили нарратора обратиться за помощью к рекламируемому товару или услуге, призван закрепить эффект идентификации, а значит, и вовлечь адресата в рекламную коммуникацию, «повысить доверие к тексту» [3, с. 271], причем в рассказе воссоздается такая ситуация, которая может возникнуть у любого представителя данной целевой аудитории.

Около 15 лет страдала артрозом. Боли были мучительные, особенно по ночам — суставы «крутило» так, что мочи никакой нет... Лечила свои суставы и мазями, и притирками, и лекарствами. Временное облегчение было, так и то ненадолго (из рекламы средства от артроза);

Как назло на работе начался аврал, и найти время учить билеты не получалось... Утром я была в ужасе — за ночь я успела всего два билета из 60. Естественно, что на работе опять засиделась допоздна (из рекламы стимулятора работы головного мозга).

В подобной критической ситуации по законам рекламного жанра появляется (разумеется, абсолютно «случайно») доброжелатель — советчик, предлагающий спасительное средство:

В автобусе разговорилась с женщиной, она мне и говорит: «Вижу, как вы мучаетесь. Сама артрозом страдала. А вылечила его скипидаром» (из рекламы средства от артроза);

Когда я пожаловалась Анне, моему руководителю, на усталость, она рассказала, что когда-то она тоже работала и училась. Справлялась она только с помощью специальных средств... которые снимают усталость и возвращают бодрость, хорошее настроение и ясность мыслей. Она же мне и посоветовала зайти на сайт (из рекламы «умных таблеток»).

Как видим, рекламируемому товару приписываются чудодейственные, волшебные свойства. В данном случае «реклама спекулирует на чувствительности русского человека к неуловимому сознанием знаку того, что где-то есть некая инстанция, которая знает о его нуждах, проблемах, желаниях и готова помочь ему. Это мотив защищенности и дара, в который верит русский человек» [6, с. 10]. Пройдя через испытания, «наивный» нарратор наконец-то обретает «счастье», воспользовавшись волшебным товаром или услугой. Рассказчик внушает адресату мысль: «не нужно прилагать достаточно много усилий, нужно завладеть определенным предметом, которому приписываются совершенно магические свойства» [6, с. 10].

Что вы думаете? Приняла я эти ванны всего несколько раз, и боли стали проходить! А через время совсем исчезли. Я не верила своему счастью. Впервые за многие годы стала спать как младенец, переста-

ла просыпаться. Это настоящее счастье! (из рекламы средства от артроза);

Один звонок ей изменил мою жизнь и развернул судьбу моего ребенка на успех и благополучие. Как же я счастлива и как благодарна!!! (из рекламы магического салона).

Использование образа «наивного» нарратора позволяет автору рекламного текста перевести общение с адресатом «в плоскость личной коммуникации, которая предполагает близкий характер отношений, общение один на один» [7, с. 19]. Рассказчик, диалогизируя повествование, может употреблять в своей речи обращения, должны очертить круг адресатов, на который рассчитан данный текст [Там же, 24] (*Короче, девчонки, через 15 минут... написала мне Настя эти таблетки*), риторические вопросы (*Что вы думаете? Приняла я эти ванны всего несколько раз, и боли стали проходить!*) и другие средства привлечения внимания читателя.

Непринужденный, доверительный характер общения нарратора с адресатом призваны подчеркнуть и разговорно-речевые явления.

Особая роль в создании разговорного строя повествования в первую очередь принадлежит синтаксическим явлениям разговорной речи.

Так, в рассказе нарратора может быть широко представлен специфический для разговорной речи порядок слов: например, препозиция прилагательного существительного (*С тех пор, как ванны «Скипифит» принимаю... от половины таблеток отказалась; Но лишь равнодушие и злость в ответ видела*), препозиция инфинитива в сочетании с безлично-предикативным словом (*Там мне сказали, что мазаться скипидаром опасно, принимать нужно специальные скипидарные ванны*), постпозиция наречия образа действия (*Расходишься потихоньку, и вроде бы ничего не болит*), постпозиция согласованного определения (*И друзья гуляющие ему теперь неинтересны*) и др. Могут наблюдаться и парцелированные конструкции (*Но решила попробовать. И...испытала шок!!!*), повторы-синтагмы (*Если кто не помнит, меня зовут Маринка, Маринка Ивлева*) и другие явления разговорного синтаксиса.

Нарратор активно использует разговорную и разговорно-сниженную лексику (*Мой парень Влад последнее время на меня бурчит, потому что учеба сжирает у меня очень много времени; Я просто забыла о совете подруги. Отложила, замоталась*), разговорные частицы (*А кожа стала гладкая и ровная, прямо как в молодости — никаких тебе кремов не надо; Ну, например, сажу я на работе...*) и другие разговорно-речевые явления.

В повествовании «наивного» нарратора «про скальзывают» речевые и стилистические ошибки: *Я студентка во ВГИКе на сценариста (студентка во ВГИКе — неверное управление; речевая недостаточ-*

ность: видимо, учусь на сценариста — просторечная конструкция); *К счастью, аптека еще работала, когда я после работы решила опробовать «умную таблетку»; В автобусе разговорилась с женщиной, она мне и говорит* (тавтология) и др.

Все эти средства используются автором рекламного текста с намерением убедить адресата в том, что он знакомится с историей реального человека, повествующего о произошедшем своими словами.

Эмоциональное описание нарратором собственных переживаний, связанных с возникшей проблемой и попытками ее решить, должно вызвать эмпатию у адресата (*Сколько лет я умоляла его взяться за ум! Сколько долгов за него выплатила, сколько горя хлебнула!; Бедро, живот, руки — жир был везде... Я только сейчас призналась себе, что я действительно толстая!!!*), а успешное преодоление этой проблемы — подарить надежду на чудесный исход.

Некоторая доля скептицизма, которая вначале (до проведения «эксперимента») может быть свойственна нарратору (*Честно сказать, не поверила про скипидар. Что за ерунда, думаю, мазаться скипидаром?*), является своеобразной прививкой против скептицизма адресата рекламного текста. «Я не верил, но мне помогло. Чудеса случаются», — говорит рассказчик, побуждая своим примером попробовать тот или иной рекламный продукт.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что удачно воплощенный в рекламном тексте образ «наивного» нарратора позволит устранить дистанцию в общении с адресатом (читателем рекламного текста), поможет создать атмосферу доверительности и эмпатии, которая в конечном счете расположит потенциального клиента к рекламируемому товару и побудит приобрести данный продукт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильясова С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амри. — М. : Флинта, 2009. — 296 с.
2. Гончарова Л. М. Информативный, коммуникативный и нарративный режимы в рекламных текстах (на примере сферы туризма) / Л. М. Гончарова // Вестник Российского нового университета. Серия : Человек и общество. — Москва, 2013. — Вып. 3. — С. 147–153.
3. Соболева Е. Г. Нарратив в рекламе как способ варьирования подачи информации / Е. Г. Соболева, А. М. Чудинова // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы Международн. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23–24 апреля 2015 г. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — Т. 1. — С. 269–272.
4. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — М. : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
5. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; семантика narra-

тива) / Е. В. Падучева. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 464 с.

6. Шерстяных И. В. Устная реклама на месте продажи : обоснование и интерпретация жанра : автореф. ... канд. фи-

лол. наук / И. В. Шерстяных. — Новосибирск, 2004. — 21 с.

7. Попова Е. С. Рекламный текст и проблемы манипуляции : автореф. ... канд. филол. наук / Е. С. Попова. — Екатеринбург, 2005. — 27 с.

Воронежский государственный университет

*Рязских Е. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры стилистики и литературного редактирования
E-mail: reatta@mail.ru*

Voronezh State University

*Ryazhskikh E. A., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Stylistics and Literary Editing Department
E-mail: reatta@mail.ru*

АССОЦИАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ НОМИНАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТА ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В СМИ

Н. С. Самойленко

Воронежский государственный университет

Поступила в печать 17 марта 2017 г.

Аннотация: данная работа описывает феномен номинации как инструмент позиционирования в СМИ. Работа посвящена ассоциативному исследованию возможностей номинации как инструменту позиционирования в СМИ.

Ключевые слова: номинация, позиционирование, ассоциативный эксперимент, украинский кризис.

Abstract: the work is devoted to the problem of manipulation by means of nomination in mass media. The author analyses the problem on the materials of mass media dedicated to Ukrainian crisis. He also explores the ways the nomination helps media to manipulate public opinion. The author uses association experiment to reveal the efficiency of this process.

Keywords: nomination, naming, positioning, association experiment, Ukrainian crisis.

Процесс номинации представляет собой образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, это «называние, именованье, присвоение имени, процесс наименования» [1], «обозначение» [2].

Одной из основных особенностей номинации, обеспечивающей эффективное позиционирование, является и вариативность. Реализация того или иного варианта номинации формирует (в ряде случаев) принципиально различное представление об объекте, например: *бандиты — повстанцы, перепродавать — спекулировать* и т. п.

В данной работе феномен номинации рассматривался на материалах СМИ, отражающих напряженную ситуацию, сложившуюся в ходе украинского конфликта.

Объектом исследования послужили номинации «*лиц, воюющих против украинской армии на юго-востоке Украины*».

В ходе исследования была разработана и апробирована методика выявления эффективности позиционирования посредством номинации в СМИ. Данная методика предполагает реализацию нескольких этапов.

На первом этапе был проведен контент-анализ текстов средств массовой информации, с целью выявить наиболее частотные номинации объекта исследования. Очевидно, что тот или иной способ номинации «*лиц, воюющих против украинской армии на юго-востоке Украины*» способствует достижению определенной цели в процессе коммуникации, позволяет интерпретировать и подать одну и ту же информацию необходимым номинатору или желательным для аудитории способом.

В исследовании было рассмотрено 30 публикаций, освещающих украинский конфликт из 30 различных изданий. Издания условно были разделены на три группы: российские СМИ, украинские СМИ, западные СМИ. В результате было выявлено 15 русскоязычных и 5 англоязычных вариантов номинации. Результат приведен на рис. 1

На следующем этапе был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Данный метод исследования был выбран нами, так как неконтролируемые ассоциации (в соответствии с теорией З. Фрейда и его последователей) — это символическая или иногда даже прямая проекция внутреннего, часто несознаваемого содержания сознания. Для нашего исследования это является важным фактором для выявления влияния номинации в процессе позиционирования на сознание аудитории. В ходе реализации ассоциативного эксперимента респондентам были предложены отобранные позиционирующие номинации, которые и явились словами-стимулами в ходе исследования.

Свободный ассоциативный эксперимент был проведен с участием тридцати респондентов, которым предлагался перечень позиционирующих номинаций и инструкция: «Сейчас Вы получите список слов. Вы должны будете последовательно читать слово за словом, писать рядом с каждым из них первое слово, которое придет Вам в голову. При этом Вы должны писать предельно быстро, не раздумывая, быстрота Ваших реакций является обязательным условием работы в эксперименте». Как результат данного этапа были сформированы ассоциативные ряды для каждого из слов-стимулов. Например, ассоциативный ряд номинации «силы самообороны» выглядит следующим образом:

СИЛЫ САМООБОРОНЫ (30) — ополченцы (5); армия Новороссии (4); защитники (5); повстанцы (2); оборонцы (2); военные (2); войска (2); армия (2); силовики (2); командированные (1); бойцы (1); силы сопротивления (1); борцы за свободу (1).

Также в ходе исследования выдвигалось дополнительное требование к респондентам — оценить как слова-стимулы, так и слова-реакции с точки зрения субъективного отношения к ним. Респондентам было необходимо поставить уловный знак «+» или «-» рядом с каждым из слов, в зависимости от положительной или отрицательной оценки их восприятия. Данное требование выдвигалось после завершения первого этапа. Цель очередного этапа — получить субъективную оценку респондентов позиционирующих номинаций и соответствующих ассоциаций.

Особо оговорим, что важным моментом данного исследования является выбор критерия для оценки эффективности позиционирования посредством номинации. Бесспорно, этот критерий должен соотноситься с целями позиционирования, например, если цель — создание образа «престижности» бренда, то слова-реакции должны оцениваться по принципу «престижный» / «непрестижный» и т. п.

В нашем же случае выдвигалась гипотеза, что одной из основных целей позиционирования в политическом дискурсе является поляризация сознания и маркировка объектов позиционирования в сознании аудитории по принципу «хорошо» (положительный) / «плохо» (отрицательный). Именно этим соображением и была обусловлена приведенная выше формулировка задания, предложенного респондентам.

Результаты оценки респондентами слов-реакций и слов-стимулов в ассоциативном исследовании позволили рассчитать особый количественный показатель — индекс субъективной оценки наименования (ИСОН). Этот показатель может быть определен как отношение числа респондентов, отметивших данное наименование в качестве положительно окрашенного, к общему числу респондентов, выраженное в процентах. Например, номинация «силы самообороны» имеет показатель ИСОН, равный 70 %.

На следующем этапе были выявлены ядро и периферия ассоциативного ряда каждого из слов-стимулов. К ассоциативному ядру были отнесены слова-реакции, частотность которых не менее 10 % от общего числа опрошенных. Цель окончательной обработки полученных данных — установить корреляцию между субъективной оценкой номинации и субъективной оценкой полученных реакций, образующих ассоциативное ядро. В случае если ассоциативное ядро изучаемой номинации состоит из слов-реакций, имеющих значение ИСОН, превышающее или равное 50 %, и при условии, что слово-

стимул (позиционирующая номинация) также имеет значение ИСОН, превышающее или равное 50 %, можно говорить об успешном позиционировании: иными словами, это означает, что номинация, используемая в СМИ, корректно декодируется аудиторией. Пример эффективной номинации как инструмента позиционирования приведен на рис. 2. На данном рисунке мы можем увидеть, как слова-реакции, обладающие ИСОН, превышающем 50 %, образуют ассоциативное ядро исходной позиционирующей номинации «силы самообороны».

Под эффективным позиционированием мы понимаем соответствие целей номинаторов полученному результату — сформированным отношением аудитории. Цель данного конкретного позиционирования мы понимаем как формирование определенного имиджа (положительного или отрицательного, соответствующего намерениям номинатора) данного объекта исследования в сознании аудитории посредством СМИ. Стоит особо отметить, что в проведенном исследовании невозможно достоверно выявить интенциональность субъекта позиционирования, тем не менее, вне зависимости от оценки влияния на процесс восприятия номинаций внешних факторов или целенаправленного позиционирования, можно сделать вывод об успешности данного процесса. В идеальных условиях, с нашей точки зрения, необходимо проведение данного ассоциативного эксперимента до начала процесса целенаправленного позиционирования и после. Например, до и после вывода товара на рынок под определенной торговой маркой, номинированной тем или иным образом, до и после проведения маркетинговой кампании с целью сформировать определенную позицию на рынке / в сознании аудитории и т. д.

Мы можем сделать вывод, что позиционирующие номинации в политическом дискурсе способствуют созданию и поддержанию определенной картины мира в сознании аудитории — медиареальности, которая характеризуется упрощенными ментальными конструкциями, антогонизацией и поляризацией сознания, маркировкой объектов позиционирования по принципу «хорошо» — «плохо», «свой» — «чужой». Интенциональность такого рода позиционирования заключается в создании медиареальности, простой и понятной для массовой аудитории.

Метод ассоциативного эксперимента может использоваться как метод для оценки эффективности позиционирования в случае, если возможно проследить характер изменения ассоциативного ряда в результате целенаправленного воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — М. : Наука,

1978. — 198 с.

И. С. Торопцев. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та,

2. Торопцев И. С. Словопроизводственная модель / 1980. — 148 с.

Рис. 1. «Номинации «лиц, воюющих против украинской армии на юго-востоке Украины» в украинских, российских, западных СМИ»

Рис. 2. Ассоциативное ядро слова-стимула «силы самообороны»

Воронежский государственный университет
Самойленко Н. С., аспирант кафедры связей с общественностью
E-mail: samoilenkons@gmail.com

Voronezh State University
Samoilenko N. S., Postgraduate Student of the Public Relations Department
E-mail: samoilenkons@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ РАССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ЖАНРОВАЯ СТРУКТУРА

А. А. Тертычный

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в печать 27 января 2017 г.

Аннотация: в статье автор анализирует тексты журналистских расследований на интернет-сайтах, выявляет особенности образования жанровых форм расследовательских текстов, устанавливает сходство жанрообразования в расследовательской журналистике и в других видах журналистского творчества, определяет структуру жанров современной расследовательской журналистики.

Ключевые слова: журналистское расследование в Интернете, образование жанров журналистских расследований, структура жанров расследовательской журналистики.

Annotation: In the article an author analyses texts of journalistic investigations on the internet — web-sites. Exposes the features of formation of genre forms of investigate texts. Sets likeness of forming of genres in investigate journalism and in other types of journalistic work. Determines the structure of genres of modern investigate journalism.

Keywords: journalistic investigation in the Internet, formation of genres of journalistic investigations, structure of genres of modern investigate journalism.

На этапе, когда теория отечественной расследовательской журналистики только начинала формироваться, представлялось само собой разумеющимся, что результаты расследований могут излагаться лишь в одной жанровой форме, которая и определялась как «журналистское расследование» [1, с. 3–15]. Однако со временем данное представление стало вызывать сомнение [2, с. 19]. И, полагаем, не случайно. Знакомство с текстами современных расследований показывает, что они могут различаться по своему жанровому характеру, а кроме того, можно заметить, что складывается устойчивая жанровая структура современной расследовательской журналистики.

На наш взгляд, становление этой структуры происходит в общем русле жанрообразования в журналистике в целом, в результате взаимодействия определенных, ранее описанных нами жанрообразующих факторов, к которым мы относим: а) цель расследования; б) предмет расследования; в) задачи расследования; г) методы расследования; д) условия получения информации в ходе расследования.

Чтобы убедиться в том, что это так, т. е. проследить неизбежность «перетекания» результатов тех или иных расследований в тексты определен-

ных жанровых форм, в зависимости от взаимодействия названных выше жанрообразующих факторов, мы рассмотрели массив расследовательских публикаций разных жанров, размещенных на следующих, наиболее известных, на наш взгляд, шести сайтах: «Бюро журналистских расследований «Детектив»: <http://detectiv-reporter.ru>»; «Агентство журналистских расследований: «Федеральный Репортер» (г. Екатеринбург): <http://fedrep.ru>», «Газета журналистских расследований «Дело №...»: <http://www.delonomer.ru>»; «Первое антикоррупционное СМИ»: <http://pasmi.ru/archive/99798>»; «Национальное бюро расследований <http://www.stopcrime.ru/nbr4/1888.html>», «FLB Freelance Bureau»: <https://flb.ru/info/62600.html>».

Обращение именно к интернет-сайтам продиктовано тем обстоятельством, что отечественная расследовательская журналистика, пройдя путь зарубежной [3, с. 3–15], в настоящее время наиболее полно представлена именно в глобальной сети², куда, например, «перекочевывает» все больше традиционных печатных СМИ. В сети также представлены онлайн-версии расследовательских телевизионных передач. Кроме того, здесь же функционируют самостоятельно появившиеся расследовательские сайты [4, с. 3–15], наподобие тех, к которым мы обратились с целью их изучения.

¹ Тертычный А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. — М.: Аспект Пресс. — 6-е изд. — 2017. — С. 13–53.

² Журналистское расследование и сеть Интернет. — URL: <https://law.wikireading.ru/50735> (время доступа: 14.10.2016).

Для исследования нами было отобрано по двадцать последовательно размещенных на данных сайтах расследовательских текстов. В целом был изучен массив из ста двадцати публикаций. С целью уточнения и наглядного предъявления связи параметров журналистских расследований (жанрообразующих факторов) и жанровых форм текстов, в которых были изложены результаты расследований, мы составили таблицу, в которой представили как жанрообразующие факторы, так и соответствующие жанровые формы текстов (табл. 1).

зующих факторов) и жанровых форм текстов, в которых были изложены результаты расследований, мы составили таблицу, в которой представили как жанрообразующие факторы, так и соответствующие жанровые формы текстов (табл. 1).

Таблица 1.

Жанрообразующие факторы и жанровые формы расследовательских текстов на исследуемых сайтах.

Сайты	Жанрообразующие факторы										Жанры	Число текстов	
	Цель расследования	Предмет расследования		Задачи расследования	Методы расследования				Условия получения информации				
	Установить достоверную картину случившегося	Событие	Ситуация	Выявить участников, их роль, соответствие действий правовым законам и морали	Наблюдение	Интервью, беседа	Проработка документов	Техническая фиксация	Логические методы	Непосредственное изучение	Опосредованное изучение		
Бюро журналистских расследований «Детектив»: http://detectiv-reporter.ru	+	+		+	+	+			+			Корреспонденция	13
												Мультимедийная корреспонденция	0
												интервью	0
	+	+		+	+					+		Репортаж	1
	+		+	+		+	+		+			Статья	5
												Мультимедийная статья	1
												Исповедь	0
Агентство федеральных расследований FLB Freelance Bureau: https://flb.ru/info/62600.html	+	+		+	+	+			+		+	Корреспонденция	11
	+	+		+	+	+				+		Мультимедийная корреспонденция	4
												Интервью	0
												Репортаж	0
	+		+	+	+	+	+		+			Статья	5
												Мультимедийная статья	0
												Исповедь	0
											Техническая запись	0	
Газета журналистских расследований «Дело №...» (http://www.delonomer.ru/)	+	+		+	+		+		+		+	Корреспонденция	14
	+		+	+		+	+		+			Мультимедийная корреспонденция	4
												Интервью	1
												Репортаж	0
												Статья	0
												Мультимедийная статья	1
												Исповедь	0
											Техническая запись	0	

Агентство журналистских расследований. «Федеральный репортер» (г. Екатеринбург; http://fedrep.ru)	+	+		+	+		+		+		+	Корреспонденция	12
	+		+	+	+	+	+		+			Мультимедийная корреспонденция	6
												Интервью	0
												Репортаж	2
												Статья	0
												Мультимедийная статья	0
												Исповедь	1
Первое антикоррупционное СМИ http://pasm.ru/archive/99798	+	+		+	+		+		+		+	Корреспонденция	15
	+		+	+	+	+	+		+		+	Мультимедийная корреспонденция	2
												Интервью	2
												Репортаж	0
												Статья	1
												Мультимедийная статья	0
												Исповедь	0
Национальное бюро расследований (http://www.stopcrime.ru/nbr4/1888.html)	+	+		+	+		+		+		+	Корреспонденция	14
	+		+	+	+	+	+		+		+	Мультимедийная корреспонденция	4
												Интервью	1
												Репортаж	0
												Статья	0
												Мультимедийная статья	0
												Исповедь	0
	+		+	+	+				+		+	Техническая запись	1

Исследование избранного массива текстов позволило установить, что жанровая их палитра исчерпывается в данном случае корреспонденцией, мультимедийной корреспонденцией, интервью, статьёй, мультимедийной статьёй, репортажем, исповедью и технической записью. Каждый из этих жанров находится в определенном соотношении с соответствующими, отмеченными в таблице, жанрообразующими факторами. Рассмотрим это соотношение, начиная с корреспонденции и мультимедийной корреспонденции, составивших доминирующую часть всех текстов, размещенных на избранных сайтах.

Итак, для **корреспонденции** значимыми являются такие жанрообразующие факторы:

- 1. предмет расследования:** отдельное событие, вызвавшее интерес журналиста;
- 2. цель расследования:** установление достоверной картины события;
- 3. задачи расследования:** выявление участников события, их роли в нем, соответствия их действий нормам права и морали;
- 4. методы расследования:** эмпирические методы (в разных соотношениях): наблюдение, проработки документов, интервью, опрос свидетелей; методы осмысления полученных данных: анализ, синтез, индукция, дедукция и пр.;

5. условия расследования: как непосредственное личное участие журналиста в событии (наблюдение его), так и опосредованное его изучение (опрос свидетелей, изучение документов и пр.).

Когда перед журналистом встает задача расследовать событие, то это предполагает реализацию и других названных выше факторов, которые определены в качестве жанрообразующих, что неизбежно ведет к созданию текста в жанровой форме, называемой корреспонденцией³. А поскольку журналисты данных сайтов чаще всего расследуют именно отдельные события, то корреспонденция как раз и становится здесь ведущим жанром.

Надо заметить, что корреспонденция — жанр, имеющий очень долгую историю своего применения в СМИ, она обладает простотой использования и возможностью «заглядывать» в глубину событий, детализированно, наглядно преподнести их. Это также позволяет данному жанру превалировать на исследуемых сайтах.

В современных условиях «классическая» корреспонденция, бытовавшая (бытующая) на страницах

³ Федорова А. Банды Артемовского: как управляющие компании погрузили город в долги / А. Федорова. — URL: <http://fedrep.ru/investigation/bandy-artemovskogo-kak-upravlyayushchie-kompanii-pogruzili-gorod-v-dolgi> (время доступа: 13.12.2016).

периодической печати, в случаях применения её на интернет-сайтах, может использовать мультимедийные возможности Интернета и стать основой **мультимедийной корреспонденции**⁴. На расследовательских сайтах такая корреспонденция обычно предстает как текст, сопровождаемый визуальными образами, а порой и гиперссылками, в силу чего он обретает большую степень «фундированности» и большего эмоционального воздействия на аудиторию.

Как видно из таблицы, журналисты-расследователи относительно часто используют для изложения материала жанр **статьи**. Тексты данных жанровых форм возникают в результате реализации следующих жанрообразующих признаков:

1. **предмета расследования:** таковым в данном случае выступают не отдельные события, а социальные ситуации, включающих ряд событий;
2. **цели расследования:** установить достоверную картину ситуации;
3. **задач расследования:** установить участников ситуации, выявить их роль в ней, интересы, соответствие их действий законам права и морали;
4. **методов расследования:** эмпирических методов (при сборе информации), и методов теоретического осмысления полученных данных.
5. **условий расследования:** обычно бывает достаточно опосредованного изучения ситуации (опрос свидетелей, изучение документов и пр.).

Выбор в качестве предмета расследования той или иной социальной ситуации (они обычно имеют негативный, криминальный характер) влечет за собой реализацию всех остальных названных факторов, с неизбежностью порождающих тип текста, определяемый как жанр статьи⁵. Статья, как и корреспонденция, присутствовала на страницах газет и журналов уже в первые годы их появления, выступая основным аналитическим жанром. Со временем она попала в арсенал средств журналистов-расследователей. Тексты этого жанра отличаются масштабностью тем, социальной значимостью, глубиной их расследования и аргументированностью утверждений и выводов автора. На платформе Интернета статья как журналистский жанр, часто выступает в «модернизированном» виде, как **мультимедийная**

статья⁶, обогащенная визуальными, аудиальными элементами, гиперссылками.

На исследуемых сайтах, как видно из представленной таблицы, присутствует и жанр **интервью**⁷. Данная жанровая форма — результат реализации следующих жанрообразующих признаков:

1. **предмета расследования:** как события, так и ситуации; жанр интервью «всеяден» в предметном плане и может быть использован (при благоприятных обстоятельствах) для расследования любого явления;
2. **цели расследования:** установления достоверной картины расследуемого феномена;
3. **задач расследования:** выявления участников события, их роли в нем, определения соответствия их действий нормам права и морали;
4. **методов расследования:** основной метод — интервью, который применить намного легче, чем многие другие методы (наблюдение, проработку документов, эксперимент и др.). Задавая нужные вопросы, исследователь побуждает собеседника использовать разные методы анализа, объяснения, тех или иных сторон предмета расследования, выявления его сути.
5. **условий расследования:** интервью может быть создано лишь при условии общения журналиста (в том числе и с помощью разных средств связи) с источником информации.

Жанр интервью используется для подачи расследовательской информации на сайтах, как и статья, относительно нечасто. Это объясняется тем, что расследования обычно касаются всевозможных правонарушений, криминальных поступков, неблагоприятных дел, известных немногим людям, не желающим проливать на них свет. Если желающие все-таки находятся, то исследователь обязательно использует интервью (и как метод получения информации, и как жанровую форму её изложения на сайте).

В интервью журналист при необходимости детально сообщает о предмете расследования, а также выявляет разные его стороны, в основном устами собеседника, обладающего необходимой информацией. А поскольку собеседник находится всегда «ближе» к тому событию, с которым он был связан, то именно это обстоятельство придает получаемой

⁶ Жилищно-криминальное хозяйство // Газета журналистских расследований «Дело №...». — URL: <http://www.delonomer.ru/detective.htm?article=603> (время доступа: 13.12.2016).

⁷ «Пистолеты взяли, поехали работать...» // Национальное Бюро журналистских расследований. — URL: <http://www.stopcrime.ru/nbr2/1640/1643.html> (время доступа: 25.10.2016).

⁴ Рейдер-неудачник желает познакомиться. — URL: <http://delonomer.ru/detective.htm?article=607> (время доступа: 22.11.2016).

⁵ Кто виноват в эпидемии ВИЧ в России? // Первое антикоррупционное СМИ. — URL: <http://pasmi.ru/archive/165967> (время доступа: 25.11.2016).

информации большую степень достоверности (или привлекательности для аудитории).

Жанр **репортажа**, присутствующий на сайтах, порождается следующими факторами:

1. **предметом расследования:** это отдельные события, включая проводимые расследователями локальные «эксперименты», «проверки», «контрольные закупки» и пр.;
2. **целью расследования:** установления достоверной картины события;
3. **задачами расследования:** показа участников события, их действий, создание оснований для их правовой и моральной оценок;
4. **методами расследования:** главным методом выступает наблюдение;
5. **условиями расследования:** решающее условие — непосредственное наблюдение события автором (или личное участие в нем).

Данный жанр выступает наиболее предпочтительной формой изложения содержания журналистского расследования в том случае, когда журналист получает возможность прямо наблюдать интересующее его явление. Текст в жанре репортажа, в силу наглядности отображаемого («прямого усмотрения истины»), вызывает высокое доверие у посетителей сайта, что способствует использованию журналистами-расследователями этого жанра⁸.

Однако надо учесть, что есть некоторые обстоятельства, ограничивающие появление репортажа на расследовательских сайтах. Главное из них состоит в том, что автор отнюдь не всегда может наблюдать то явление, которое его интересует (например, случаи хищения чужого имущества, финансовых махинаций, коррупции и т. д.). А без личного наблюдения настоящий репортаж создать нельзя. Зная, что репортаж привлекателен для аудитории, журналисты, в погоне за вниманием публики, порой под рубрикой «репортаж» публикуют обычные корреспонденции. Надо заметить, что в российской расследовательской журналистике репортаж применяется намного реже, чем в зарубежной, что объясняется большими возможностями доступа зарубежных журналистов к расследуемым событиям, обеспеченными на уровне законов [5, с. 32–65].

В последнее время на некоторых расследовательских сайтах (в том числе и исследуемых) стали появляться публикации, оформленные в «экзотической» до недавних пор жанровой форме **исповеди** некоего героя расследуемой ситуации. Отдельные сайты даже имеют рубрику «Исповедь», под которой периодически помещаются тексты данного жанра⁹.

⁸ Репортаж РБК: как бизнес в Красногорске привел к массовому убийству // Газета журналистских расследований «Дело №...». — URL: <http://www.delonomer.ru/> от 17.11.2015 г. (время доступа: 20.01.2017).

⁹ The Insider // <http://theins.ru/confession/11586> (время доступа: 19.01.2017).

Жанр исповеди возникает, если в расследовании реализуются следующие факторы:

1. **предмет расследования:** таковым могут являться любые события или ситуации;
2. **цель расследования:** выявление достоверной картины произошедшего;
3. **задачи расследования:** установление участников события, их роли в нем, соответствия их действий нормам права и морали;
4. **методы расследования:** журналист использует лишь один метод — фиксирует «исповедь» героя (лишь иногда комментируя её). Суть расследуемого предмета, его разные стороны раскрывает сам «исповедывающийся» герой;
5. **условия расследования:** необходимо доверительное отношение героя к журналисту, его решение публично осветить суть дела.

Какие факторы побуждают журналистов использовать этот жанр? Прежде всего, это то, что аудитория получает информацию непосредственно из уст участника какой-то ситуации, какого-то события, решившего «излить душу», признаться в чем-то. В отличие от исповедей, например, религиозного или философского планов, исповеди на расследовательских сайтах, по сути, представляют собой «продукт», характерный для сферы правового, судебного производства, где нечто подобное определяется как «чистосердечное признание»¹⁰.

В представленной нами таблице содержится и жанр под условным обозначением «**техническая запись**». Этот жанр возникает, если в расследовании реализуются следующие факторы:

1. **предмет расследования:** разные феномены социальной жизни;
2. **цель расследования:** установить достоверную картину события, ситуации;
3. **задачи расследования:** выявить участников произошедшего, их роль в нем, оценить их действия в правовом и моральном планах;
4. **методы расследования:** техническая фиксация (визуальная, аудиальная) значимой информации;
5. **условия расследования:** необходимы требуемые технические устройства и (во многих случаях) разрешение соответствующих инстанций на запись.

По своему происхождению «техническая запись» — один из жанров информационной продукции, производимой в правоохранительной сфере. Однако, он «позаимствован» журналистами, в силу схожести журналистских расследований и следственных действий правовых органов [6, с. 23–115].

¹⁰ Исповедь чиновника: «Проплачивать приходится и депутатам, и другим ведомствам» // The Insider. — URL: <http://theins.ru/confession/11586> (время доступа: 23.01.2017).

Тексты подобного рода — редкий гость на расследовательских сайтах. Чаще всего журналист лишь использует запись, сделанную не им, а соответствующими органами¹¹. Запись воспроизводится так, как она произведена, редактировать её нельзя, поскольку это может исказить суть записанного. Данный жанр полезен и востребуется публикой. Основным достоинством его выступает «железная объективность» подобных материалов, что, конечно же, отнюдь не всегда так.

Итак, если мы соотнесем жанрообразование в расследовательской журналистике с жанрообразованием в информационно-новостной, аналитической или художественно-документальной журналистике¹², то обнаружим совпадение их в самом существенном моменте — в решающей роли цели, предмета, задач, методов, условий отображения действительности, в качестве факторов, порождающих тексты разных жанровых форм. Структура жанров, порожденных соответствующими жанрообразующими факторами в расследовательской журналистике, выявленная нами в данном кон-

¹¹ Решаем вопросы // Национальное бюро расследований. — URL: <http://www.stopcrime.ru/nbr4/1888.html> (время доступа: 10.01.2017).

¹² Тертычный А. А. Становление и развитие теории жанров в отечественной науке о журналистике (доперестроечный период) / А. А. Тертычный // Жанры СМИ : история, теория, практика. Тезисы VI Всероссийской научно-практической конференции. Самара 15-16 марта 2012. — С. 142-145.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Тертычный А. А., профессор кафедры периодической печати

E-mail: tertaa@yandex.ru

кретном случае, отнюдь не исчерпывает реальную их палитру, которая может быть обнаружена при более глубоком и более масштабном исследовании в избранном аспекте. Знание её полезно в теоретико-методологическом аспекте. В практическом отношении четкое представление о взаимосвязи особенностей проводимого расследования с теми или иными жанровыми формами, в которых могут быть изложены его результаты, безусловно, будет способствовать как эффективности самих расследований, так и донесению их результатов до аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Станько А. И. Журналистское расследование: поиски жанра / А. И. Станько // RELGA. — № 20 (74). — 2001.
2. Золотухин А. А. Расследовательская журналистика / А. А. Золотухин. — Воронеж, ф-т журналистики ВГУ, 2016.
3. Smirnova J. Das Internet als neue Heimat für investigativen Journalismus? — URL: <http://www.frankfurterhefte.de/upload//2011>
4. Тертычный А. А. Антикоррупционные расследования на сайтах Интернета / А. А. Тертычный // Вестник МГУ. Сер. Журналистика. — № 1. — 2015.
5. Уллмен Дж. Журналистские расследования : Современные методы и техника / Дж. Уллмен. — М., 1998.
6. Ludwig Johannes. Investigativer Journalismus. — Konstanz, 2007.
7. Журналистское расследование и сеть Интернет. — URL: <https://law.wikireading.ru/50735>

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Tertychnyy A. A., Professor of the Periodical Press Department
E-mail: tertaa@yandex.ru*

П. Н. ДУБЕНСКИЙ — КОРРЕСПОНДЕНТ ВОЕННОГО ЖУРНАЛА «ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ С ЯПОНИЕЙ»

В. В. Фролов

Псковский государственный университет

Поступила в редакцию 17 февраля 2017 г.

Аннотация: в статье рассказывается о жизни и деятельности российского дореволюционного журналиста — П. Н. Дубенского, чьё имя после Великой российской революции 1917 г. оказалось незаслуженно забытым. Основное внимание в исследовании уделено работе П. Н. Дубенского на должности корреспондента военного журнала «Летопись войны с Японией». Данная статья может быть полезна всем тем, кто интересуется историей российской журналистики начала XX в.

Ключевые слова: П.Н. Дубенский, военный журнал «Летопись войны с Японией», дореволюционная Россия, русско-японская война 1904–1905 гг.

Annotation: the article tells about the life and activity of the Russian pre-revolutionary journalist — P. N. Dubenskiy, whose name after the Great Russian revolution of 1917 turned out to be undeservedly forgotten. The focus of the study is given the P.N. Dubenskiy for positions correspondent military journal «Chronicle of the war with Japan». This article may be useful to all those who are interested in the history of Russian journalism beginning of XX century.

Keywords: P.N. Dubenskiy, military journal «Chronicle of the war with Japan», pre-revolutionary Russia, the Russian-Japanese war of 1904–1905.

Исторически сложилось, что журналист — это социально значимая профессия. Человек, выбравший журналистскую стезю, несёт ответственность за исходящую от него информацию и её достоверность перед обществом, государством и самим собой. Он является своего рода посредником между происходящим в мире и читателями.

В истории России было немало прославленных журналистов, верой и правдой служивших своему народу и стране. В представленной статье мы как раз обратимся к личности такого российского дореволюционного журналиста — Петра Николаевича Дубенского, чьё имя после Великой российской революции 1917 г. оказалось незаслуженно забытым. Основное внимание в нашем исследовании мы уделим деятельности П. Н. Дубенского на должности корреспондента военного журнала «Летопись войны с Японией».

«Летопись войны с Японией» — военный журнал, являвшийся одним из основных информационных источников о событиях русско-японской войны 1904–1905 гг. Это еженедельное иллюстрированное периодическое издание издавалось на протяжении всей войны. Всего в свет было выпущено 84 номера «Летописи...». Главным редактором журнала являлся полковник (впоследствии генерал-майор) Д. Н. Дубенский (старший брат П. Н. Дубенского — *авт.*). Печаталось данное издание в художественной типо-

графии «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг» в Санкт-Петербурге. Основной целью журнала было «воссоздать для грядущих поколений грозную эпоху боевых столкновений во всём её величии и со всеми её воздействиями на различные стороны народной жизни» [1, с. 5].

П. Н. Дубенский родился в 1864 г. Он происходил из дворян Рязанской губернии. Среднее образование получил в классической гимназии Л.И. Поливанова в Москве. Затем окончил Нижегородскую графа Аракчеева военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба.

Службу офицера генерального штаба Пётр Николаевич нёс в штабах Московского и Одесского военных округов. Выйдя в отставку, П.Н. Дубенский всецело занялся литературной и журналистской деятельностью. Работал в таких известных российских периодических изданиях, как «Русские Ведомости», «Новое время», «Слово» и «Летопись войны с Японией». Работая в газете «Новое время», в качестве парижского корреспондента издания, П. Н. Дубенский взял себе псевдоним — Пётр Вожин. Именно под этим именем он писал свои статьи в журнале «Летопись войны с Японией» [2, с. 1109].

Работать в «Летописи...» Пётр Николаевич стал с самого начала её издания. На страницах данного журнала П. Н. Дубенский вёл рубрику «За неделю», которая размещалась на первых полосах «Летописи...». В ней автор рассказывал о ходе боевых дей-

ствий и наиболее важных событиях русско-японской войны 1904–1905 гг. происходивших за неделю.

В журнале «Летопись войны с Японией» П. Вожином были также опубликованы такие статьи военного и политического содержания, как «Воздействие войны на европейскую политику» [3, с. 252–254], «Желтая опасность» [4, с. 462–464], «Уход Балтийской эскадры на Дальний Восток» [5, с. 522–523], «Цели нашей войны» [6, с. 532–533], «Действия японской армии в оценке русской печати» [7, с. 572], «С больной головы на здоровую» [8, с. 590–594], «Неожиданная развязка» [9, с. 614–615], «Исторические аналогии» [10, с. 704–709], «Опасения Европы» [11, с. 950–951] и др.

Особое внимание мы остановим на трёх публикациях П.Н. Дубенского: «Желтая опасность», «Цели нашей войны» и «Исторические аналогии», достаточно ярко отражающих внешнеполитические взгляды журналиста в тот период времени.

В статье «Желтая опасность» П. Н. Дубенский представляет основные теоретические постулаты, направленные на формирование негативного образа, как японцев, так и других азиатских народов, стремившихся к обретению своего суверенитета. Он отмечает, что «фантом “желтой” опасности, ранее бывший посмешищем общеевропейского скептицизма, оказался возможной и недалекой действительностью» [4, с. 462]. Успехи японцев в войне против России «пробудили от спячки» азиатские государства, застывшие в апатии сознания своей политической немощи». Автор статьи обращает особое внимание читателей на то, что «в Японии мы видим наглядный результат той эволюции, которую производит европейский материальный прогресс в азиатских народностях. Бредни об их восприимчивости к великим идеалам христианства, их духовном тождестве с европейцами, распространявшиеся не только в заграничной, но даже и русской печати — рассеялись как дым». «Азиату, язычнику доступна и нужна лишь утилитарная сторона европейской цивилизации — военная, техническая и промышленная... Усвоивший себе так называемый “культурный” обиход, в душе он [японец] остается тем же варваром, каким был тысячи лет назад» [4, с. 464]. Центральное место в своей публикации П. Н. Дубенский отводит негативному образу Японии как государству. На взгляд автора, «война изменила общепринятый взгляд на самих японцев и их страну». «Япоша» (так П.Н. Дубенский уничижительно называет японцев — *авт.*) подкупил всех своей детской улыбкой, мягким говором, любовью к красоте и искусству. «Япоша» заполнил европейские рынки своими кустарными изделиями, побывал во всех европейских армиях, как наивный любознательный ученик. На некоторое время в мире, и в том числе в России, установилось мнение, что японцы — «служливый, безобидный и ласковый народец...» [4, с.

464]. Но это все, по мнению П. Н. Дубенского, была иллюзия мирного времени. «Вместо лакированного подноса, с игрушечными пейзажами и людишками, [все] увидели страну всеобщего шпионства, в которой это не исключительная, позорная профессия, а общее народное призвание». В Японии все классы общества шпионят, начиная с «маршалов» и «графов», и кончая легкомысленными обитательницами чайных домов и чернорабочими...» [4, с. 464]. В заключение своей публикации П. Н. Дубенский приходит к выводу, что Япония — это «враг, антипод всего христианства и его мирозозерцания».

В публикации «Цели нашей войны» П. Н. Дубенский отмечает, что война с Японией «ведется во имя великих государственных потребностей России, для достижения крупных, действительных выгод народу и государству». По его мнению, «не победа и разгром Японии, как передового отряда “жёлтой” опасности, составляют цели этой войны» [6, с. 532]. Главная цель данной войны — восстановление величия России в Азии. «Занятие Монголии и Восточного Туркестана, сократив на 2 тысячи вёрст нынешнее протяжение нашей границы с Китаем, даст ей [России] более надёжное и выгодное стратегическое положение. Оно парализует дальнейшее развитие английской «предприимчивости» в Тибете, обеспечит прочную оборонительную линию фланговым позициям в Манчжурии и Туркестане. Движение и охрана Восточно-Китайской железной дороги значительно облегчатся...» [6, с. 533]. В конце статьи П. Н. Дубенский делает вывод, что «было бы смешно предполагать, что мы жертвуем десятками тысяч лучших русских людей, бросаем миллиарды народных денег во имя интересов других наций и абстрактной идеи общности белой расы. Цели настоящей войны практические и реальные. Мы хотим выйти из борьбы не обнищавшими Дон-Кихотами, а торжествующими победителями, добившимися осуществления своих давних исторических задач, в которых залог экономического и политического расцвета России...» [6, с. 533].

В статье «Исторические аналогии» П. Н. Дубенский отстаивает мысль о том, что «факторы внешней европейской политики, вырабатывая новые комбинации, по существу остаются неизменными во всей её тысячелетней истории». Прирост населения, торговое и промышленное перепроизводство стихийно порождают нужду у западных государств в новых территориях и рынках. Данное обстоятельство заставляет европейские страны обратить «свои культурные силы, энергию и предприимчивость на Восток (в начале на Ближний, а затем и Дальний)» [10, с. 704]. Именно на Востоке происходит столкновение интересов России и западных государств. В период русско-японской войны, по мнению журналиста, «возникает опасение за возможность новой коллизии между русской и западной политикой».

При этом «их цели непримиримы, а средства различны...» [10, с. 709]. Как и на Ближнем Востоке, естественному росту целокупной [целостной] России на азиатской окраине противопоставляется могущественная, искусственно созданная машина европейской культуры. В результате России приходится выдерживать новую, ещё более тяжкую, борьбу за свою целостность. В завершении данной публикации П. Н. Дубенский высказывает мысль о том, что пока длится война на Дальнем Востоке, «европейская политика сохраняет выжидательное положение», но с приближением развязки, всё может измениться не в лучшую для России сторону [10, с. 709].

Анализируя содержание выше приведенных статей, можно сделать вывод, что П. Н. Дубенский по своим взглядам был консерватором, сторонником российского великодержавия.

В № 56 «Летописи...» за 1905 г. в рубрике «За неделю» была опубликована последняя статья П. Н. Дубенского. Он написал её и отослал в типографию 25 апреля. А уже через несколько часов журналист скончался. Некролог П. Н. Дубенскому был напечатан в том же номере издания, что и его последняя заметка. В нём говорилось, что «перестало биться

сердце просвещенного журналиста и пламенного патриота, так любившего Россию, так болевшего им за неё весь этот минувший, окровавленный год, так верившего в мощь своей родины и конечное её торжество. Рука, державшая перо, с которого стекали «за неделю» русским людям слова ободрения — уже окоченела...» [2, с. 1109].

В заключение следует отметить, что П. Н. Дубенский принадлежал не только к числу патриотов своей Родины, но тех людей, которые искренне любили свою профессию и отдавали себя работе без остатка.

ИСТОЧНИКИ

1. Летопись войны с Японией. — 1904. — № 1.
2. Летопись войны с Японией. — 1905. — № 56.
3. Летопись войны с Японией. — 1904. — № 14.
4. Летопись войны с Японией. — 1904. — № 25.
5. Летопись войны с Японией. — 1904. — № 28.
6. Летопись войны с Японией. — 1904. — № 29.
7. Летопись войны с Японией. — 1904. — № 31.
8. Летопись войны с Японией. — 1904. — № 32.
9. Летопись войны с Японией. — 1904. — № 33.
10. Летопись войны с Японией. — 1904. — № 37.
11. Летопись войны с Японией. — 1905. — № 49.

Псковский государственный университет

*Фролов В. В., кандидат исторических наук, доцент
кафедры связей с общественностью и журналистики,*

E-mail: frolov1406@mail.ru

Pskov State University

*Frolov V. V., Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor of the Public Relations and Journalism Department*

E-mail: frolov1406@mail.ru

СМИ ВЬЕТНАМА КАК ФАКТОР ДИАЛОГА С МИРОВОЙ КУЛЬТУРОЙ

Чан Ван Ле

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 апреля 2017 г.

Аннотация: в статье анализируются проблемы культурного обмена и развития журналистики во Вьетнаме. Основное внимание уделено вопросу глобализации культуры и СМИ в условиях открытого общества. Подчеркнуты трудности перехода к культурному плюрализму в сфере массмедиа.

Ключевые слова: культура, Вьетнам, массмедиа, фестивали, глобализация.

Abstract: in this article the problems of cultural exchanges and journalistic developments in Vietnam are analyzed. The article deals with globalization of mass media under "open society" policy. The hardships of transition to cultural diversity in mass media is stressed.

Key words: culture, Vietnam, mass media, festivals, globalization.

УКРЕПЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОСНОВ СМИ И РОЛЬ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

Глобализация и обмен культурным опытом представляют собой мощный объективный процесс сближения народов, в котором особое место принадлежит массмедиа. Модернизация периодической печати, появление интернет-коммуникаций и развитие газетно-журнального бизнеса Вьетнама, которое ускорилось с началом «курса обновления» («мой дой»), привели к тому, что традиционная пресса стала менять форматы производства и распространения, реагируя на новую ситуацию. Она получила значительный импульс со стороны новых технологий, которые вызвали перемены в количественном и качественном отношении во всей системе СМИ. Начиная с периода инноваций после VIII съезда ВКП и под влиянием последних решений правительства «курс обновления», на наш взгляд, и сейчас важен для страны, которая находится на подъеме, хотя трудности и противоречия все же существуют. Сегодня глобализируется вся мировая культура, и журналистика в том числе, что играет огромную роль в социальной жизни развивающихся стран.

В данной статье мы попытаемся установить закономерности развития СМИ Вьетнама в условиях реализации политики «открытых дверей», а также определить положение печатных изданий в обществе переходного («транзитивного») типа. Мы учитываем актуальность изучения СМИ как части государственного имиджмейкинга с использованием различных типов изданий, в частности официальных газет и то, что роль официальной периодической печати в демократическом реформировании вьетнамских управленческих структур наиболее

велика, так как у нас реформы идут «сверху». Крайне важно проследить роль СМИ в создании положительного образа Вьетнама, в формировании культуры масс, зная, что специфику становления и развития качественной прессы в условиях глобализации нельзя определить без изучения функционирования принципа государственности в сфере социокультурных обменов и усвоения опыта мировой культуры.

Интенсификация международных связей заставила журналистов выпускать больше изданий на французском и английском языках. Каждый год увеличивается число бюллетеней и корпоративных «листов сообщений», насчитывающих сегодня более 600 наименований. Велика роль правительственных газет, альманахов, бюллетеней и т. п. Из официальных изданий наиболее популярны «Нянан» («Народ»), «Лао донг» («Труд»), а также партийные издания «Ханой мой» («Новый Ханой»), «Туойче» («Молодежь»), «Куандой нянан» («Народная армия») и др. Особо надо отметить функционирование журналов, связанных с развитием культуры и журналистики: «Нгыой ламбао» (Журналистика), «Нья Бао кунглуан» («Журналист и общественное мнение»). Популярен журнал «Фуны Вьетнам» («Женщина Вьетнама»).

Всего издается более 530 центральных и местных газет и журналов, в том числе газет официальных, частных, качественных общественно-политических, развлекательных, детских и молодежных газет, специальных журналов, периодики на иностранных языках. В киосках и библиотеках насчитывается около 700 наименований газет, журналов и бюллетеней, общий годовой тираж которых — более 850 млн экземпляров. 355 наименований журналов имеют солидный тираж от 10 до 150 тысяч экз. Не только в Ханое и Хошимине, но и во всех провинциальных центрах есть свои издания и издательства. Ежедневные издания и газеты, выходя-

щие 5-6 раз в неделю, уступают по тиражу воскресным приложениям развлекательных журналов. Журналы бывают еженедельные, ежемесячные, выходящие один раз в 2 месяца или же 2-3-4 раза в год и т. д. В них материал подается более аналитично и глубоко, есть своя линия на рынке журналов» [1, с. 122].

В последние годы во Вьетнаме в ходе открытого обсуждения, с помощью традиционной прессы удалось **расширить рамки демократии, социальной справедливости, делая страну более сильной, приближая ее к стандартам** мировой цивилизации. За это время в течение двадцати лет происходили изменения как норм и идей общественной агитации, так и структуры общества, менявшего законы и линию политического движения страны. Возросла роль выборов. В последние годы сменились главные субъекты политики, возникли новые политические силы, укрепившие руководящую способность и боеспособность партии, шла борьба с коррупцией, с издержками плановой экономики. **Перемены коснулись экономики знаний:** техническое отставание, совпавшее с деградацией экономики, было частично преодолено, менялась этика и стиль жизни. СМИ внесли свой вклад в дело социально-политической трансформации общества, воспитания и образования **самых способных и талантливых людей, что улучшило духовную жизнь»** [2].

При рыночных отношениях наличие точной и своевременной информации является существенным преимуществом, оно дает возможность выигрывать в конкурентной борьбе. Модернизация экономики не означала отказа от идей Хо Ши Мина, от идеалов ленинизма. Страна привлекает коммунистов и социалистов из других регионов планеты. В тоже время люди признают, что недостатки в управлении в разных сферах ведут к падению веры народа в Партию и государство, угрожают стабильности, развитию страны. ВВП Вьетнама в последние 5 лет составил 7 % в год, трудности в экономике большие: бюрократизм, нехватка кадров и научное отставание дают о себе знать.

Решая проблемы в период инноваций и интеграции в условиях глобализации, страна сделала шаг навстречу Западу, что улучшило качество внешней информации и принесло разнообразие информационных связей с мировой культурой. СМИ Вьетнама стали популяризаторами идей патриотизма и дружбы народов, что помогает строить образ Вьетнама за рубежом. Вьетнам преодолел региональную ограниченность, это сделало его журналистику более интересной. Страна стала частью мировой системы массовых коммуникаций. Оказались фактически преодолены национальные границы и все «национальные, этнические барьеры на пути распространения не только информации, но и инвестиций, технологических нововведений. Некоторые тради-

ционные газеты стали защитниками мультимедийной журналистики, сотрудничающей с любыми медиа — блогами, чатами, сайтами, сотовой связью и т. д. Одновременное существование разных каналов и видов культурной продукции различных СМИ позволяет медиа-агентствам расширить свою сферу влияния и создать условия, платформы для распространения нужного вида продукции с помощью взаимной поддержки в плане финансов, продвижения бренда. История показала, что любой способ использования СМИ для укрепления социализма помогает поддерживать традиционные формы народной жизни, укреплять способ общения народа с властью. В современном обществе СМИ могут отслеживать настроения и поведение масс, поэтому люди, контролирующие СМИ, «контролируют» и действие политического механизма, осведомленность каждого человека в происходящем» [3, с. 33].

Сегодня лидеры Вьетнама хотят дружить со всем миром, и в том числе с Россией. Об этом говорил во время визита в РФ в 2014 г. генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг. Он сказал: «Вьетнам всегда придает важное значение развитию отношений и всеобъемлющего стратегического партнерства с Россией. Мы искренне желаем усилить и укрепить эти отношения. Мы всегда будем рассматривать Россию в качестве нашего важного и доверительно-го партнера, отношения с которым являются одним из важнейших приоритетов нашей внешней политики» [4].

Некоторые зарубежные сторонники продвижения Вьетнама по капиталистическому приветствуя реформы «дой мой», видели в них альтернативу социализму, и с этих позиций предлагали Вьетнаму дать социализму иное определение, при котором рынок определяет распределение ресурсов в сфере производства, а госпредприятия не являются ведущим сектором экономики. В самом Вьетнаме имелись скептики, которые были не согласны с курсом развития страны, основные положения которого были изложены в проекте документов X съезда КПВ, предложенном обществу для широкого обсуждения. Но жизнь оказалась более динамичной, чем тактика партийных функционеров.

СМИ ВЬЕТНАМА И ОСОБЕННОСТИ УСВОЕНИЯ ОПЫТА МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Периодика Вьетнама часто рассматривает проблемы культуры как способ привлечения инвестиций и туристов. Особенно часто в прессе встречаются сообщения о фестивалях, народных праздниках, спортивных состязаниях. Вот пример из газеты «Нян Зан» от 6 мая 2016 г. о фестивале в Хюэ: «В рамках Фестиваля Хюэ-2016, в течение двух дней 1 мая и 3 мая, на главных улицах города Хюэ состоялся уличный фестиваль «Наследие и культурные особенности» с участием большого количества отечественных

и международных художественных коллективов, таких как: танцевальная группа цилиня — льва-дракона Тхай Нги Дьонг Хьюэ, Вьетнамский цирковой коллектив, традиционная музыкальная группа *Chango Colombia*, дворцовая танцевальная группа Республики Корея, традиционная японская группа *Yosakoi*» [5, с. 5].

СМИ дают обзор культурных событий, анонсируя предстоящие мероприятия и информируя население о предстоящих концертах, фестивалях, шоу, спортивных состязаниях и т. п. Культурные традиции во всех странах являются хорошим пиаром, «товаром», национальная культура помогает сделать страну привлекательной, она тоже продаётся как любой предмет. Но если она будет замкнутой, то привлечет внимание только специалистов, а нужна массовая культура, созвучная мировым тенденциям.

Современная культура (особенно музыка и кино Вьетнама) регулярно освещается и популяризируется с помощью СМИ, что укрепляет национальный язык, способствует просвещению, приносит доход. Во-вторых, газеты помогают деятелям культуры общаться, помогая переносить опыт из разных сфер — кино, науки, литературы и т. д. СМИ помогают организовать группы потребителей для лучшего восприятия искусства, в них много внимания уделяется культуре в провинции. Укрепление межкультурных связей способствует интенсификации диалога с зарубежными государствами. Расширение межкультурных этнических контактов является одной из черт современного мира, что способствует все большему соприкосновению культур, значит, и взаимовлиянию политических, экономических и социальных отношений. В наше время в СМИ Вьетнама стали появляться новые тенденции. В контексте глобализации массовой коммуникации обмен между народами осуществляется как вширь, так и вглубь. Еще один пример: весной 2017 года, как сообщили все официальные СМИ страны и ряд зарубежных источников, во Вьетнаме был проведен Фестиваль сакуры. Вечером 11 марта в городе Халонг «открылся фестиваль сакуры и декоративного абрикоса Йенты-Халонг 2017 года, в рамках которого проходят различные мероприятия». Фестиваль сакуры был организован властями провинции Куангнинь при содействии Японской международной ассоциации содействия культуре *Wanokai* в пятый раз, а в сочетании с декоративным абрикосом горы Йенты — во второй раз. Это событие ежегодно проводится в марте с целью содействия культурному, торговому и туристическому обмену между провинцией Куангнинь и Японией, что способствует укреплению вьетнамо-японских отношений. Председатель Народного комитета города Халонг Фам Хонг Ха отметил: «Фестиваль сакуры и декоративного абрикоса Йенты-Халонг 2017 года обязательно произведет на туристов неизгладимое впечатление и поможет им лучше понять

культуру и историю нашей провинции и разных регионов Японии. Все это проходит в дружественной атмосфере с прекрасными цветами сакуры и декоративного абрикоса» [4].

Очевидны отличия вьетнамской культуры от культуры Европы и Америки и то, что Вьетнам разделяет традиционные ценности Востока, Юга Азии, что ему ближе культура Японии, Китая, Индии. Поэтому Юг-Восточная Азия является для Вьетнама тем контекстом, в котором развивается и журналистика.

Замечено, что усиливается обмен культурными ценностями в Сети, ведь стала актуальной интернет-коммуникация, которая заметно изменила жизнь вьетнамцев. Появившийся во Вьетнаме 20 лет назад Интернет бурно развивается, число интернет-пользователей ежегодно растет. Количество государственного доменного имени «.vn», которые существуют в Сети составляет 291.103 имени» [6]. Достижение темпа роста 13 % позволило Вьетнаму занять первое место в Юго-Восточной Азии и 7-е место в Азии. Возросла активность на форумах, на различных социальных площадках: *Facebook*, *Instagram* и др., где представлены активные граждане, общающиеся со своими друзьями, в том числе и с людьми из далеких стран. Сеть стала местом свободного обмена мнениями.

Журналисты стали активными сторонниками новейших технологий. Это в свою очередь способствовало укреплению идей НМИП (нового международного информационного порядка), кооперации в сфере СМИ. Расширение и повышение эффективности международного сотрудничества в области культуры, массмедиа означало дружбу с Западом и Россией. И в ближайшее время СМИ Вьетнама будут интегрированы в общее развитие мира, что улучшит культуру информирования масс как часть духовной культуры Вьетнама — органической части современного мира. С другой стороны, информационное общество во Вьетнаме способствует появлению новых форм общественной организации, самоуправления. Ответственность лежит не только на правительстве, но и на личности, на социальных группах, в том числе и на сообществе журналистов.

Итак, сохраняя свою стратегию развития, проникнутую идеей национальной идентичности и открытого движения страны и партии, вьетнамские СМИ укрепляют престиж государства в международных делах. Имидж Вьетнама как страны с идеологией либерального социализма интересен для европейцев. Вьетнамский народ, движимый патриотизмом и тягой к знаниям, отвечает на призывы партийной печати сделать страну сильнее и демократичнее. Линия партии и правительства на то, что главные вложения должны быть сделаны в самого человека, что следует поддерживать прежде всего общественно-правовые, общественно-политические

СМИ, тратить средства не только на военные нужды, но и на образование, культуру, качественные СМИ. Конкуренция является мотивом положительного развития, но может заставить многие редакции привлекать аудиторию любой ценой, что противоречит законам социалистической демократии. Печатная пресса всегда рассматривалась как важная сила социального руководства, научного партийного менеджмента. СМИ помогают учесть запросы всех слоев народа, укрепляя платформу социализма. Дух эксперимента и расширение сферы сотрудничества меняет роль информационного пространства, которое все больше влияет на политические решения, принося в общество новые формы горизонтальных социальных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чыонг Тхи Ньы Куинь. Формирование системы средств массовой информации Социалистической Республики Вьетнам : опыт периодизации : Дисс...на соиск. учен.

*Воронежский государственный университет
Чан Ван Ле, аспирант кафедры рекламы и дизайна
E-mail: bluestar19891989@gmail.com*

степ. канд. филол. наук / Чыонг Тхи Ньы Куинь. — Москва, 2005.

2. Новый Вьетнам : мифы и правда. — URL <http://www.youtube.com/watch?v=TVWQjAMEy5w> (дата обращения: 10.10.16).

3. Локшин Г.М. Некоторые особенности идейно-политической жизни Вьетнама до и после XI съезда КПВ / Г. М. Локшин // Вьетнамские исследования. Выпуск 1. — Москва, 2011. — С. 30–38.

4. «Вьетнам иллюстрированный». — Ханой, 2014, ноябрь (на англ. языке). — URL <http://vietnam.vnanet.vn/russian/%> (дата обращения: 10.11.16).

5. Мурашева Г.Ф. Вьетнам в 2010–2011 гг.: Основные события / Г. Ф. Мурашева // Юго-Восточная Азия : актуальные проблемы развития. Выпуск № 17. — 2011. — С. 189–195.

6. Чан Зуи. Политические новости интернет-газет Вьетнама / Чан Зуи // Вестник Российского университета дружбы народов. Литературоведение. Журналистика. — Москва, 2016. — № 2. — С. 164–171.

*Voronezh State University
Tran Van Le, Postgraduate Student of the Advertising and Design Department
E-mail: bluestar19891989@gmail.com*

ИМИДЖ ВЬЕТНАМА В АМЕРИКАНСКОМ КИНО (НА МАТЕРИАЛАХ ТРЕХ ИЗВЕСТНЫХ ФИЛЬМОВ)

Нгуен Тхи Хуен Чанг

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 апреля 2017 г.

Аннотация: в статье проводится анализ кинематографического имиджа Вьетнама посредством трех американских фильмов, рассматривающих разный период истории Вьетнама — годы Вьетнамской войны, послевоенное время и современность. Проанализировано видение Вьетнама и его благополучия глазами режиссеров и глазами обывателя, по результатам работы сделан вывод о современном имидже страны.

Ключевые слова: имидж Вьетнама, Вьетнамская война, США, киноиндустрия, американский кинематограф, конфликт, переворот, современность.

Abstract: in article the analysis of the cinematic image of Vietnam through three American films, considering the different period of Vietnamese history — the Vietnam war, postwar period and the present time. Analyzed the vision of Vietnam and its well-being through the eyes of film Directors and the eyes of the layman, the results of the work the conclusion is made about the modern image of the country.

Keywords: image of Vietnam, Vietnamese war, the United States, the film industry, American cinema, conflict, revolution, modernity.

Согласно подсчетам, американская киноиндустрия способствовала появлению более 100 художественных кинолент, сюжет которых в той или иной степени связан с войной во Вьетнаме. Также существует довольно много картин, в которых война во Вьетнаме проходит не основным мотивом, а выступает в качестве своеобразного фона [1].

Первые двадцать лет, до начала девяностых годов XX века, тема войны во Вьетнаме активно развивалась СМИ и массовой культурой США. Затем произошёл ощутимый спад, связанный со сменой поколения и развалом СССР — одного из главных противников на мировой арене. Однако в XXI веке, в связи с войнами на Ближнем Востоке, активным развитием Интернета и новым витком противостояния с Россией, тема Вьетнамской войны снова стала актуальной как среди политиков и общественных деятелей, так и среди простых американцев [1].

Американский кинематограф сыграл в формировании представлений о войне во Вьетнаме большую роль. Безусловно, мы не можем быть убеждены, что показанная в этих фильмах информация достоверна, однако режиссерская точка зрения имеет право на существование.

В данной работе целью было проанализировать три известных фильма, поднимающих тему мирного либо военного Вьетнама через призму американского кино разных лет. В качестве таких фильмов были выбраны:

— «Цельнометаллическая оболочка» (1987 г.) [4];

— «Выхода нет» (2015 г.) [5];

— «Конг: Остров черепа» (2017 г.) [6].

Во всех перечисленных фильмах есть тема Вьетнама и тема войны. Однако показана война по-разному, и фильмы охватывают разный временной промежуток истории страны.

Первый фильм — «Цельнометаллическая оболочка» — рассказывает об участии США в военных действиях во Вьетнаме (1964-1973 гг.) во времена Вьетнамской войны — одного из крупнейших конфликтов XX века. Фильм «Выхода нет» показывает нам современный мирный Вьетнам. А последний фильм — «Конг: Остров черепа» — демонстрирует 70-е годы XX века, вскоре после завершения Вьетнамской войны, то есть первое мирное время для страны за долгие годы (военный конфликт во Вьетнаме был развязан еще 1 ноября 1957 года).

Далее последовательно рассмотрим тему Вьетнама и его имиджа через призму трех вышеперечисленных фильмов. Анализ будем проводить согласно хронологии событий во Вьетнаме, поэтому начнем с фильма «Цельнометаллическая оболочка».

Фильм «Цельнометаллическая оболочка» можно назвать «комедийной военной драмой». Фильм разделен на две части: первая часть — это подготовка американцев к войне на базе в США (комедия с элементами драмы), вторая — собственно война во Вьетнаме (драма с элементами комедии).

Крупнейший вооруженный конфликт, в котором приняли участие США после 1945 г., война во Вьетнаме (1964–1973 гг.) — имела колоссальное по своим масштабам воздействие на американское обще-

ство. Молодая американская нация потерпела свое первое серьезное поражение, которое подвергло испытанию не только экономику и политику страны, но, что гораздо важнее, идеологию и национальные принципы. В результате длительной пораженческой войны появился т. н. «вьетнамский синдром», который стал олицетворением страхов простых американских граждан перед войной и ее последствиями для общества [1].

Имидж Вьетнама в фильме формируется благодаря незначительным деталям фильма, высказываниям героев, обстановке в кадре. Фильм показан с точки зрения американских солдат, их отношения к Вьетнамской войне. Герои фильма задаются вопросом: «Что мы здесь делаем?».

Достаточно необычным фактом в 80-е годы было то, что в данном фильме война показана без ложного пафоса и пропаганды. Вьетнам, на территории которого проходит война, разгромлен. Бедность, воровство, недостаток оружия и боеприпасов у вьетнамской стороны, местные женщины продают себя за 5-10 долларов... Страна раздавлена войной. Вьетнам полностью подавляется Америкой, которая, как говорит в фильме один из бойцов, «помогает косоглазым, потому что внутри каждого из них сидит американец, который пытается вырваться наружу» [4]. Американцы представлены циничными убийцами (в первой части мы видим, что их делает такими система), Вьетнам — угнетенной страной, где силами армии США творится полный беспредел. Достаточно вспомнить сцену обстрела мирных жителей Вьетнама ради забавы.

Кульминацией фильма становится ситуация с обстрелом американских солдат девушкой-снайпером. Она мужественно защищает свою страну, сражается одна против пары десятков американцев. Даже умирая, она молится и просит убить ее, а не плачет и не просит пощадить. Этим режиссер хотел показать силу духа вьетнамцев, даже в такой отчаянной ситуации.

Данный фильм я бы отнесла к шедеврам кинематографии. Вьетнам представлен «как он был», без американской пропаганды. Большинство американских солдат не понимают, зачем они убивают — кто-то верит в «благородную миссию Америки», а кто-то просто гордо зовет себя убийцей и убивает не без удовольствия. Имидж Вьетнама формируется на костях его же жителей. Вьетнам в этом фильме американского производства показан жертвой Америки — изможденным, бедным, измученным издевательствами США. Довольно нетипично и честно для американского кино.

Фильм «Конг: Остров черепа» целесообразно анализировать непосредственно после «Цельнометаллической оболочки», поскольку период, рассматриваемый в фильме, это период после окончания войны во Вьетнаме. Традиционно фильмы о Кинг-

Конге демонстрирует зрителю картину 30-х годов, но «Конг: Остров черепа» сместил время на сорок лет вперед. Тема окончившейся Вьетнамской войны стала некой изюминкой фильма о Конге. Пейзажи фильма напоминают вьетнамские джунгли, солдаты одеты в военную форму, автоматы, декорации и вся фауна напоминает окрестности Вьетнама, что особенно бросается в глаза [6].

В данном фильме опять же, как и в «Цельнометаллической оболочке», мы не видим на переднем плане Вьетнама (здесь американская экспедиция), но его присутствие ощущается благодаря полковнику и многим американским военным, которые воевали во Вьетнаме и не желают возвращаться к мирной жизни. В фильме хорошо показана американская агрессия в роли Л. Джексона. Показано нежелание американского военного разобраться в ситуации, а только желание крушить и уничтожать, насаждать свое видение.

В данном фильме у персонажей явно прослеживается деформация сознания после окончания Вьетнамской войны. А также показано то, что американцы в который раз врываются на чужие территории, теряя здравый смысл, пытаясь доказать всем, что они хозяева мира.

В фильме показан вьетнамский город Сайгон — на сегодняшний день один из самых бурно развивающихся городов Вьетнама. Несмотря на то, что война окончилась, город выглядит вполне мирно и цивилизованно — высокие постройки, светящиеся вывески различных контор и магазинов на улице, активное движение автомобилей. Паб, куда заходят герои, выглядит презентабельным и многолюдным. Город живет, жители радуются победе.

В «Конг: Остров черепа» Вьетнам не выглядит страной третьего мира или чем-то подобным. Это уже страна, окончившая войну и желающая мирной, спокойной жизни. Вьетнам становится на новый путь, выйдя из войны победителем. Но как мы видим, американцев это не сильно задевает — они еще много где смогут оставить свой след, и поучаствовать там, куда их не приглашали. Так случилось и с Островом черепа. Собираясь туда, экспедиции прихватывает с собой военное сопровождение, а военное сопровождение прихватывает кучу взрывчатки, оружия и прочего опасного снаряжения. Очень типично для американской армии.

В последнем фильме «Выхода нет» Вьетнам показан лишь в конце фильма [5]. Фильм повествует о современной американской семье, приехавшей в страну Юго-Восточной Азии по причине приглашения на работу отца семейства. Герои фильма оказываются в страшной реальности, представить которую они не могли бы даже в ночных кошмарах. Массовые убийства на улицах, танки, взрывы, погоня — настоящий государственный переворот — беспощадный, но весьма осмысленный и хорошо

подготовленный — именно в такую реальность попадают американцы.

Следует сказать, что страну, в которой происходит бунт, в фильме так и не называют, но проанализировав с какими странами граничит Вьетнам, и как недолго герои по реке добирались во Вьетнам, очевидно, что описана Камбоджа. Это всего лишь предположение — вполне возможно, что данная страна вымышленна.

Вьетнам в данном фильме противопоставляется той действительности, которая разворачивается на протяжении фильма. Современный Вьетнам представлен правовым государством с хорошей защитой границ. Пейзаж, который мы видим в конце фильма, на утро после всех событий, также вдохновляет — прекрасные новые здания, подстриженный газон, чистая больничная палата со всем необходимым — настоящая цивилизованная страна. Нынешний мирный Вьетнам представляется благополучной страной, где работают законы, и где помогают беженцам.

Американская семья попадает во Вьетнам без денег, документов, они абсолютно бесправны здесь. Но именно это страна становится их спасением, возвращает им веру в то, что все будет хорошо, что они вернутся домой живыми, и впереди долгая и счастливая жизнь. Не зря Джек, главный герой, в конце произносит фразу — «Как я счастлив!». В прямом смысле Вьетнам дарит этой американской семье будущее.

Интересно противопоставление Вьетнама в данном фильме с двумя предыдущими. Каждый вьетнамец отлично помнит или знает по рассказам своих родственников, как жестоко американцы бомбили Вьетнам. А в фильме «Выхода нет» Вьетнам — последняя надежда американцев. И Вьетнам оправдывает эту надежду. Возможно, это некое кинематографическое извинение Америки, которое она просит у Вьетнама.

Внимательно проанализировав три кинокартины, был выявлен имидж Вьетнама в каждой из них — дана оценка тому, как его увидели американские

режиссеры в своих работах. Картины охватывают три периода — война во Вьетнаме, 70-е годы (после окончания войны) и современный Вьетнам.

Безусловно, имидж Вьетнама формировался на костях и крови его жителей, на боли и страданиях, на жестокости и агрессии американцев. Пережив такие серьезные испытания, восстановив экономику, социально-политический уклад Вьетнам предстает перед нами в последнем фильме совсем другим.

В настоящее время государство быстро развивается в экономическом, научном и промышленном направлениях. Существенную роль в экономике играет туристическая сфера. Вьетнам, который был буквально разрушен войной, в наши дни предстает страной с рыночной экономикой и достойной инфраструктурой [2]. На данный момент политическая власть в стране стабилизирована, вьетнамцы наслаждаются мирным небом, которое заслужили по праву.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов Д. В. Война во Вьетнаме и ее отражение в американском кинематографе / Д. В. Кузнецов // Актуальные проблемы современности : материалы 6-й Всерос. науч.-практ. конф. «Альтернативный мир» / БГПУ. — Благовещенск, 2011. — Вып. 6. — С. 147–171. — URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23086585> (дата обращения: 02.04.2017).
2. Новостное интернет-издание «Vietnam-Times». — URL: <http://vietnam-times.ru/info/obcshie-svedenija-ostrane/> (дата обращения: 22.03.2017).
3. Сайт о кино «Кинопоиск». — URL: <https://www.kinopoisk.ru/> (дата обращения: 22.03.2017).
4. Фильм «Цельнометаллическая оболочка». — URL: <http://kinogo.club/2225-celnometallicheskaya-obolochka-1987.html> (дата обращения: 02.04.2017).
5. Фильм «Выхода нет». — URL: <http://kinogo-2016.net/1906-1906.html> (дата обращения: 02.04.2017).
6. Фильм «Конг : Остров черепа». — URL: <http://kinogo-online.com/fentezi/4329-kong-ostrov-cherepa-2017.html> (дата обращения: 02.04.2017).

*Воронежский государственный университет
Нгуен Тхи Хуен Чанг, аспирант факультета журналистики
E-mail: Trangseptember@gmail.com*

*Voronezh State University
Nguyen Thi Huyen Chang, Postgraduate Student of the
Journalism Department
E-mail: Trangseptember@gmail.com*

**ВОЙТИК Е. А. «СПОРТИВНЫЙ МЕДИАТЕКСТ: ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ XVIII–XIX ВВ.)»
(ТОМСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ТГУ, 2016)**

Очередная монография Е. А. Войтик (предыдущая — «Спортивная медиакоммуникация в России в начале XXI в.» — вышла четыре года назад) также посвящена спортивной журналистике, но на этот раз автором избран более узкий аспект, а именно — исторический анализ спортивного медиатекста. Евгения Войтик — одна из немногих российских ученых, последовательно изучающих данную проблематику. Многочисленные публикации томского ученого показывают, что автору, во-первых, интересен сам спорт как модель и отражение реальных взаимоотношений между людьми, как знаковая система и форма отражения действительности, как фактор человеческого единения, в том числе на международном уровне, а, во-вторых, ему крайне важно представить современную спортивную медиакоммуникацию в виде целостной системы, действующей по определенным правилам и с определенной степенью эффективности.

В первой главе своей книги Е. А. Войтик рассматривает концептуальные основы зарождения спортивной информации (исторические предпосылки становления спорта как социального явления и отражение его деятельности в документальных источниках XVII–XVIII вв.; формирование информационно-коммуникативных доминант спортивного медиатекста в периодических изданиях XVIII вв.).

Проведя глубокий анализ источников (275 — в библиографическом списке), автор отмечает постоянное присутствие спортивной тематики в отечественной прессе, хотя в разные периоды она была представлена в разных объемах. Но «в конце XVIII в. благодаря массовому появлению литературных (сатирических) журналов, тема спорта, а точнее информация о физических занятиях, забавах, настольных играх, физическом (телесном) воспитании стала практически постоянной, особенно в журналах, издаваемых Н. И. Новиковым». Тексты подавались в разных формах и жанрах публицистики, хотя, рассказывая о том или ином «спортивном» событии,

журналисты рассматривали его лишь как сопутствующее событие при решении, например, бытовых проблем, вопроса о проведении свободного времени, получения знаний, навыков. Практически отсутствовал и авторский подход при освещении спорта.

Во второй главе, которая называется «Конструктивно-содержательные модификации спортивного медиатекста в российской прессе первой половины XIX в.», Е. А. Войтик подробно рассмотрела фрагментацию как способ концептуализации спортивной тематики в журналистских текстах, роль малых жанровых форм в формировании спортивного информационного контента в российских изданиях, а также прагматический потенциал развития спортивного медиатекста в столичной и провинциальной печати. Важен вывод о том, что спортивный медиатекст как полноценный тип публикации сформировался уже в первой трети XIX в., а затем эволюционировал, преодолевая описательность и представая в различных жанровых формах.

Третья глава «Факторы влияния российской журналистики на формирование понятийно-терминологического аппарата спорта и возникновение специализированных спортивных изданий» посвящена когнитивно-информационной природе термина «спорт». Е. А. Войтик показывает отражение спортивной деятельности России в российской прессе XIX в. и представляет первые спортивные издания в их типологическом развитии. Спортивная тематика и проблематика заняла в те годы достойное место в журналистике, чему способствовал и рост выпуска специализированных периодических изданий. Детальное исследование типологии спортивной прессы позволило автору заключить, что данные газеты и журналы «изначально имея узкоспециализированную направленность (освещение деятельности одного — максимум двух видов спорта), напрямую способствовали созданию и продвижению нового, уникального тематического направления — спорт в сфере журналистики.

Воронежский государственный университет

*Тулупов В. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры рекламы и дизайна*

E-mail: tulupov_vv@mail.ru

Voronezh State University

*Tulupov V. V., Candidate of Philology, Associate Professor of
Advertising and Design Department*

E-mail: tulupov_vv@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавляется словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подрисуночная подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.

**ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА**

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., В. Н. Попов, д-р биол. наук, проф.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: Э. К. Алгазинов, д-р физ.-мат. наук, проф., В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. Д. Баев, д-р физ.-мат. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., Ю. Н. Стариков, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., В. И. Федотов, д-р геогр. наук, проф., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – Л. С. Щукина, канд. филол. наук, доц. Члены редколлегии: Геруля (Gierala) Мариан, д-р филол. наук, проф. (Институт политических наук и журналистики Силезского университета в г. Катовице, Польша); Л. Е. Кройчик, д-р филол. наук, проф.; А. М. Ломов, д-р филол. наук, проф.; А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); Т. А. Никонова, д-р филол. наук, проф.; В. Ф. Олешко, д-р филол. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); И. А. Стернин, д-р филол. наук, проф.; А. А. Тертычный, д-р филол. наук, проф. (МГУ, г. Москва); А. М. Шестерина, д-р филол. наук, проф.; А. М. Шишлянникова, канд. филол. наук, доц.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Адрес редакции: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7(473) 266-17-56